

А33
М52

Библиотечка ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Ф. МЕРИНГ

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС — СОЗДАТЕЛИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

БИБЛИОТЕЧКА ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

ФРАНЦ МЕРИНГ

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС — СОЗДАТЕЛИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА . 1960

92

3К16
М52

Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Франц Меринг (1846—1919) известен как выдающийся деятель рабочего движения Германии, один из теоретиков левого крыла германской социал-демократии, крупный историк, блестящий публицист и литературовед.

В начале 90-х годов Меринг вступил в социал-демократическую партию Германии и стал одним из редакторов ее теоретического органа — журнала «Нейе цейт». На страницах этого журнала он активно выступал против буржуазной философии. Его талантливо написанные статьи с критикой различных философских реакционных школ и сейчас представляют значительный интерес.

Большой политический резонанс имела борьба Меринга с ревизионизмом, стремившимся «приспособить» марксизм к новым условиям с целью превратить теорию научного социализма исключительно в моральную концепцию, а основные вопросы пролетарского учения (классовая борьба, социалистическая революция, диктатура пролетариата) отбросить как не отвечающие «изменившимся условиям времени».

Вместе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург Меринг напечатал большое количество статей (особенно в газете «Лейпцигер фольксцейтунг», которую Меринг редактировал с середины 90-х годов) против ревизионистско-реформистских критиков марксизма. Он правильно считал, что стремление ревизионистов заменить революционную диалектику марксизма идеалистическими взглядами И. Канта, пытавшегося примирить материализм с идеализмом, означает прямой разрыв с учением рабочего класса.

В 1913 г. Меринг вышел из редакции «Нейе цейт» и по существу прекратил сотрудничать в журнале, порвав тем самым с центристом Каутским, не желавшим вести борьбу со все более усиливающимся оппортунизмом в социал-демократической партии.

Первую мировую войну Меринг правильно считал войной империалистической; он смело осудил предательскую позицию социал-демократического руководства (во главе с Каутским), выступившего с заявлением, что гражданский мир является жизненным вопросом национального существования. В статье «Наши основоположники и политика руководства» (апрель 1915 г.) он квалифицировал политику правящей верхушки СДПГ как измену делу пролетариата, как измену учению Маркса и Энгельса.

В борьбе с социал-шовинизмом правых лидеров немецкой социал-демократии левые создали революционную организацию — «Союз Спартака». В его основании принимали участие Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, В. Пик и другие. Меринг являлся одним из организаторов этого «Союза». Выступая против милитаризма, руководя революционным движением народа и разоблачая правых социал-демократических руководителей, спартаковцы стали в тех условиях истинными выразителями интересов немецкого рабочего класса. Они сыграли решающую роль в подготовке и создании Коммунистической партии Германии (конец 1918 г).

Деятельность и работы Меринга не были свободны и от ошибок. Эти ошибки заключались главным образом в недооценке им роли партии рабочего класса как политического руководителя и воспитателя масс, в непонимании необходимости теоретического и организационного разрыва с оппортунистами. «...Даже такие люди, как Меринг и Цеткина,— писал В. И. Ленин,— отгораживаются от Каутского более «морально» (если позволительно так выразиться), чем *теоретически...*» *

Октябрьская революция помогла Мерингу преодолеть многие ошибки. Это нашло наглядное выражение в его высокой оценке деятельности большевистской партии во главе с В. И. Лениным. «Большевики являются единственной русской партией, которая дает полную гарантию демократического мира... партией, которая в состоянии

* *В. И. Ленин.* Соч., т. 35, стр. 299.

полностью отразить все наскоки любых империалистов, как английских, так и немецких»,— писал он в 1918 г. На это сразу обратил внимание В. И. Ленин, который в том же году говорил, что Меринг «в ряде статей доказывает немецким рабочим, что правильно поняли социализм только большевики...». Меринг, по выражению В. И. Ленина, был «головой и сердцем» с большевиками.

Классики марксизма высоко оценили Меринга как историка. В. И. Ленин охарактеризовал Меринга как «человека, не только желающего, но и умеющего быть марксистом». Он неоднократно ссылался на его книгу «История германской социал-демократии» как на одну из основных работ по истории немецкого рабочего движения. Эта и другие работы Меринга дают основание считать его одним из лучших историков рабочего движения Германии.

В настоящий выпуск «Библиотечки по научному социализму» включены некоторые разделы четырехтомного труда Меринга «История германской социал-демократии» (1897 г.), посвященные анализу формирования взглядов Маркса и Энгельса.

Обстоятельно прослеживая основные этапы становления теории научного социализма, Меринг показывает, какую титаническую работу проделали основоположники марксизма по переработке немецкой классической философии, английской политической экономии и французского утопического социализма.

Хотя в книге Меринга нет специальных разделов, посвященных характеристике движения английского пролетариата (чартизм), выступлений французского рабочего класса (лионские восстания 1831 и 1834 гг.) и германских рабочих (восстание силезских ткачей 1844 г.), в ходе изложения автор показывает, как развивающееся пролетарское движение воздействовало на формирование взглядов основоположников марксизма, как учение Маркса и Энгельса сделалось знаменем борьбы рабочего класса за свое освобождение.

В первых главах книги Меринга рассказывается о жизни и деятельности Маркса и Энгельса в тот период, когда они принадлежали к левогегельянскому движению, представители которого (Д. Штраус, А. Руге, братья Бауэры) делали из философии Гегеля радикальные и атеистические выводы. От всех левогегельянцев Маркса

и Энгельса отличало то, что они были *революционными демократами,* отстаивавшими интересы трудового народа, активно участвовали в практической борьбе, которая шаг за шагом толкала их по пути познания законов развития общества. Это особенно ярко Меринг показывает на анализе работ Маркса, помещенных в «Рейнской газете» в 1842—1843 гг. и направленных против социального и политического гнета в Германии.

Разбирая его критические статьи по поводу дебатов рейнского ландтага, касающихся свободы печати и закона о краже леса, а также статью «Оправдание мозельского корреспондента» (о положении мозельских крестьян), Меринг подчеркивает, что только «в суровом столкновении с экономическими фактами» Маркс «познал недостаточность идеалистических воззрений на общество и государство».

В опубликованных в «Рейнской газете» статьях Маркс подходит к пониманию классовой структуры немецкого общества и открыто выступает защитником политически обездоленной массы; уже в этот период он начинает переходить на позиции материализма и коммунизма. Эта же тенденция намечается в письмах Энгельса из Англии, написанных им специально для редактировавшейся Марксом «Рейнской газеты».

Но окончательный переход Маркса и Энгельса на позиции коммунизма и материализма знаменуют их работы, помещенные в «Немецко-французском ежегоднике». В этих работах Маркс и Энгельс уже с точки зрения рабочего класса подвергают суровой критике капиталистическое общество и обращаются к пролетариату как к той общественной силе, которая способна ниспровергнуть социальные порядки, основанные на частной собственности. Подробно охарактеризовав статьи Маркса («К критике гегелевской философии права. Введение» и «К еврейскому вопросу») и Энгельса («Положение Англии» и «Наброски к критике политической экономии») и подчеркнув их роль в становлении марксистского учения, Меринг самым важным выводом основоположников научного коммунизма в этот период считает положение о том, что залогом освобождения общества от эксплуатации является формирование пролетариата — класса, над которым тяготеет полное бесправие и который не может освободить себя, не освободив всего общества.

Исследовав переход Маркса и Энгельса к материалистическому и коммунистическому мировоззрению, Меринг дает затем характеристику работ, написанных ими с позиций материализма и коммунизма. С 1844 г. Маркс и Энгельс начинают *всесторонне* разрабатывать принципы диалектико-материалистического воззрения, применяя при этом материализм и к объяснению исторических процессов. Такая разработка явилась необходимым этапом становления пролетарского учения, так как без общетеоретических и методологических предпосылок нельзя было приступить к анализу экономических условий буржуазного общества, без чего, в свою очередь, невозможно доказать естественно-историческую необходимость коммунизма.

Со свойственной ему глубиной и основательностью Меринг анализирует каждую работу классиков, составившую веху в создании теории научного коммунизма. Не останавливаясь на изложении основных идей разбираемых книг — Меринг рассматривает их с достаточной полнотой,— следует сказать о некоторых неточностях и пробелах, имеющих место в публикуемой работе.

Нельзя, например, согласиться с утверждением Меринга о том, что произведение Маркса и Энгельса «Святое семейство» по своему содержанию не выходит из круга идей, очерченных ими в статьях, помещенных в «Немецко-французском ежегоднике». Хотя эта книга и носит полемический характер, однако положения, сформулированные в «Немецко-французском ежегоднике», получили в ней конкретное обоснование и дальнейшее развитие. Как указывал В. И. Ленин, в «Святом семействе» заложены основы «революционно-материалистического социализма...»

Критикуя субъективно-идеалистические взгляды левогегельянцев на роль идей и личности в истории, Маркс и Энгельс показали, что не идеи сами по себе творят историю, а люди, овладевшие этими идеями и применяющие практическую силу для претворения их в действительность; что только народ способен своей борьбой упразднить объективные бесчеловечные условия своего существования. В. И. Ленин особенно подчеркивал важность выдвинутого в «Святом семействе» положения, что, чем шире и глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее массы, принимающие в нем участие. Гениальная идея

о всемирно-исторической задаче пролетариата формулируется в книге более конкретно, связывается с экономическим положением рабочего класса в капиталистическом обществе: «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой... С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность».

В «Святом семействе» дана также разработка некоторых основополагающих идей диалектического материализма. Можно поэтому без всяких оговорок сказать, что в этой книге Маркс и Энгельс сделали значительный шаг вперед в развитии теории научного коммунизма по сравнению со статьями, опубликованными в «Немецко-французском ежегоднике».

Перед написанием «Святого семейства» Маркс проделал огромную работу по подготовке философско-экономического труда, в котором подверг критике буржуазную политическую экономию, выяснил ценность и значение гегелевской диалектики и вскрыл недостатки грубо уравнительного коммунизма. Этот труд — «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Меринг не упоминает о нем. А между тем уже здесь Маркс уяснил себе многие положения, развитые им позже совместно с Энгельсом в «Святом семействе». Особенно конкретно в «Рукописях» сформулирована идея о роли пролетариата в буржуазном обществе. «...Вся кабала человечества,— пишет Маркс,— заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения»; именно поэтому эмансипация рабочих «заключает в себе общечеловеческую эмансипацию».

Серьезным пробелом работы Меринга является то, что в ней отсутствует развернутая характеристика книги Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (1846 г.). Это объясняется тем, что важнейшие разделы «Немецкой идеологии» остались неизвестны Мерингу (ее рукопись целиком была опубликована впервые лишь в 1932 г. в СССР).

В период, к которому относится написание книги, Маркс и Энгельс свою обязанность видели в том, чтобы научно обосновать свои взгляды и убедить в их правильности передовых представителей европейского, и прежде всего германского, пролетариата. Поэтому в «Немецкой идеологии» они стремились дать всестороннее обоснова-

ние новому, коммунистическому мировоззрению, уделяя при этом особенно большое внимание вопросам исторического материализма.

Основу всей истории, пишут Маркс и Энгельс, составляет способ производства и соответствующие ему производственные отношения, и поэтому коммунистическая революция, открывающая колоссальные возможности для развития общества, является неизбежным результатом существующих экономических условий. Вместе с тем необходимость коммунистической революции они видят в том, что *«свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества».

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс более конкретно ставят вопрос о роли пролетариата в революционной борьбе. В положении о том, что каждый стремящийся к господству класс «должен прежде всего завоевать себе политическую власть», нельзя не видеть начала их учения о диктатуре пролетариата.

Глубокая разработка вопросов об общественном бытии и общественном сознании, о различных формах собственности, об отношении государства и права к собственности и многих других делают «Немецкую идеологию» одной из самых значительных работ периода формирования марксизма. Написанные после нее «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» В. И. Ленин считает уже зрелыми произведениями марксизма.

В заключительных главах книги Меринг рассказывает о создании Марксом и Энгельсом первой международной пролетарской организации — Союза коммунистов, но центральное место отводит раскрытию идей двух гениальных произведений марксизма: «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала». И это понятно. Ведь «Манифест Коммунистической партии» — первый программный документ марксизма — содержит классическое изложение тех результатов, к которым пришли Маркс и Энгельс на основании своих теоретических исследований и практической борьбы, а «Капитал» — это «величайшее политико-экономическое произведение» нового времени — является главным трудом научного коммунизма, доказывающим уже на основе раскрытия законов движения буржуазного способа производства и его противоречий неизбежную гибель капитализма.

Работа Меринга написана на большом и интересном историческом материале. Она поможет изучающему научный социализм уяснить, как жили и работали великие учители пролетариата, в какой обстановке они создавали свою революционную теорию и каковы основные ее принципы. Книга представляет собой яркое и глубокое изложение основных этапов формирования всепобеждающего коммунистического учения.

А. Поляков

Глава I

КАРЛ МАРКС И ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Карл Маркс родился 5 мая 1818 г. в Трире. Его отец — адвокат, а позднее юстицрат [1], Генрих Маркс — перешел в 1824 г. вместе со своей семьей из иудейского вероисповедания в христианское. Подрастающий мальчик рано пробудил в родителях самые большие надежды, которым не суждено было, впрочем, сбыться в их понимании. Мать, происходившая из голландских евреев и объяснявшаяся всю жизнь на ломаном немецком языке, была любящей и заботливой женщиной, но в духовном отношении ничем, по-видимому, не выделялась. Отец, прекрасно образованный человек, хорошо знавший Локка, Лейбница и Лессинга, но отнюдь не революционер, а скорее немецкий и даже прусский патриот, был мягкой и нежной натурой и с беспокойством следил за первыми проявлениями «демона» в любимце-сыне. Он умер, когда Карлу Марксу минуло 20 лет, более счастливый, чем мать, скончавшаяся только в 1863 г. и пережившая как раз самые тяжелые десятилетия могучей борьбы гения с не признававшим его миром. Своим родителям Карл Маркс был обязан счастливым детством и беззаботной юностью. Он обязан им также той полной независимостью от еврейства, которую он обнаруживал с самого начала,— независимостью, которой мы в такой мере не встречаем ни у одного немецкого еврея, сыгравшего какую-либо роль в истории. Такой независимости не достигли даже такие близкие ему по гениальности натуры, как Гейне и Лассаль [2], или такие умные люди, как Бёрне [3] и Иоганн Якоби [4], из которых последний заступался за евреев при помощи фальшивых

доводов религиозной терпимости, когда Маркс давно уже понял социальное значение еврейского вопроса.

Еврейство стояло в Восточной и Западной Европе на существенно различных ступенях культуры. В Португалии, в Испании, на юге Франции, в Англии и не в малой степени также в Голландии оно жило преданиями великой в своем роде истории, плавало в потоке буржуазной культуры, и даже преследования, которым оно подвергалось еще временами, закаляли его в упорной борьбе. Иначе обстояло дело в Восточной Европе, в придунайских странах, в Богемии и Польше, в Германии, вплоть до Эльзаса и Северной Франции. Живя среди ведущих распутную жизнь деспотов и порабощенных масс, необходимое обоим, но обоими презираемое и презирающее обоих, еврейство было здесь еще насквозь пропитано паразитарным барышничеством и ростовщичеством. Эта социальная противоположность шла глубже общности крови и веры. Так, в Гамбурге существовали рядом высокообразованная португальско-испанская и совершенно необразованная немецко-польская еврейские общины, не поддерживавшие друг с другом никаких отношений. Законодательство французской революции проводило в начале различие между «евреями юга» и «евреями севера»; сначала оно эмансипировало политически первых, а вторых уравняло в правах с христианами лишь впоследствии. Кодекс Наполеона[5] сохранил это равноправие, но в позднейшей Рейнской Пруссии уже в 1808 г. вышел императорский декрет, подвергший ростовщиков-евреев суровым ограничениям. Прирейнские области были и в этом отношении в известной степени связующим звеном между буржуазной Западной и феодальной Восточной Европой. В то время как в рейнских городах жило то образованное еврейство, еврейский характер которого одновременно консервировался и впитывался общей буржуазной культурой, в деревне, и как раз в окрестностях Трира, свирепствовал еврей-ростовщик и душил мелкое крестьянство при помощи тех утонченных приемов, которые развились у него в процессе разложения феодализма в Восточной Европе.

Именно с теми чиновничьими кругами, отчеты которых рисовали в ярких красках обнищание мелкого землевладения в результате ограбления евреем-ростовщиком, поддерживал отношения — деловые и общественные —

адвокат Маркс. Особенно одно из этих знакомств имело решающее значение в жизни Карла Маркса: это была соседская дружба, связывавшая его семью с семьей регирунгсрата [6] Вестфалена.

В семье этого свободомыслящего чиновника молодой Карл Маркс нашел свой второй дом. У старого Вестфалена он научился читать Гомера и Шекспира, на всю жизнь оставшихся его любимыми поэтами. Дети Вестфалена стали его товарищами по играм, а Женни фон Вестфален, родившаяся в 1814 г. в Зальцведеле и бывшая на несколько лет старше его, сделалась подругой его жизни — благородной и мужественной подругой, какая вряд ли была когда-либо у другого революционного борца. Уже в 1836 г. они были помолвлены, а в 1843 г., после закрытия «Рейнской газеты» [7], состоялась в Крейцнахе их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только делила труды, борьбу и судьбу своего супруга, но и принимала в них участие с величайшим пониманием и самой пылкой страстью.

Жизненный путь Карла Маркса начался под счастливой звездой. Богатые дарования, обнаруженные им уже в раннем возрасте, ему не пришлось растрачивать в борьбе с внешними препятствиями, они развивались, напротив, гармонически, поощряемые всей социальной обстановкой, в которой Маркс вырос. Ничто в его детстве и юности не могло сделать его карикатурой, похожей на ту, которую все еще хотят сделать из него смертельные враги пролетариата,— тем холодным, как лед, озлобленным, недовольным собой и миром демагогом, у которого в жилах текла вместо крови азотная кислота. В этой легенде есть крупица истины: факт, что Маркс стал революционером не под влиянием возмущенной страсти, а в силу глубокого понимания внутренней связи вещей, свидетельствует о счастливой гармоничности его развития. Молодой Маркс был свежим, здоровым, полным сил человеком, который всем своим существом жаждал полноты настоящей жизни. Первыми его литературными произведениями были стихи. Он вряд ли напечатал когда-либо хотя одно стихотворение по той основательной причине, что связанная формой речь была чужда ему, но несравненная выпуклость изображения, которую мы видим у него даже при освещении самых сухих тем, свидетельствует о том, что в Марксе были некоторые черты истинного поэта. На революционных стихотворениях Гейне, Фрейлиграта [8], Веерта [9]

заметны глубокие следы его влияния; всякий раз, когда он произносит эстетические суждения, они отличаются столько же тонкостью, сколько глубиной чувства.

В 16 лет Карл Маркс поступил в Боннский университет, чтобы согласно желанию отца изучать юриспруденцию, но первый год студенчества не дал, по-видимому, особых результатов. Тем с большим жаром набросился на работу жаждущий знания юноша, когда он осенью 1836 г., тотчас после помолвки, переехал в Берлин. Аккуратным студентом он, правда, не был и здесь; в течение 9 семестров он записался только на 12 курсов, а сколько он из них прослушал — и это было бы также еще под вопросом, если бы вообще имело какое-либо значение. Насколько можно судить по сочинениям Маркса, из университетских преподавателей на него оказал влияние только Ганс[10], который постоянно воевал тогда с исторической школой права[11] и ее главой Савиньи. Гораздо большее значение для студента Маркса имело то обстоятельство, что, устав от первой безнадежной попытки одолеть массу научного материала, он попал из своей уединенной кельи в круг берлинских младогегельянцев, которые как раз в это время были заняты ликвидацией духовного наследия своего учителя, но в более критическом духе, чем это уже сделал Штраус[12] в своей «Жизни Иисуса». В этом кругу Карл Маркс подружился с Бруно Бауэром[13] и Фридрихом Кёппеном[14]; будучи лет на десять старше его, они уже приобрели себе видное положение в республике духа, но тем не менее обращались с юным студентом по-товарищески, как с равным, руководимые верным чувством, что в его лице выступает на арену борьбы могучая и несравненная сила. Бруно Бауэр не желал себе лучшего товарища в работе и борьбе, и точно так же Фридрих Кёппен посвятил другу из Трира свой задорнейший боевой памфлет.

Лишь после упорного сопротивления Маркс сдался гегелевской философии, но зато никто из ее бесчисленных приверженцев не изучил ее так основательно и не понял ее так глубоко, как он. Нельзя сказать, чтобы справедлива была другая ходячая фраза о Марксе, будто его острый раввинский или казуистический ум не мог достаточно насытиться расчленением и рассечением понятий. Что властно привлекало его к гегелевской философии, так это ее диалектический метод, революционное острие которого

как раз и было завуалировано призрачной игрой туманных понятий. Маркс, напротив, разделался с этими понятиями, окунувшись в массу исторического материала. Он рано обнаружил черту, отличающую царей науки от ее чернорабочих,— ненасытную жажду знания и неутомимую самокритику. Уже в молодости друзья его сетовали на то, что он проводит ночи напролет в занятиях, подорвавших его железное здоровье. Но Маркс не тратил своего неутомимого прилежания на то, чтобы копаться в мелочах. Бесспорно, что в свои молодые годы он находил иной раз невинное удовольствие уже в одном звоне своего острого и тяжелого оружия, как оно и подобает энергичному и пылкому юноше; однако видеть в этом отталкивающее манерничанье или погоню за парадоксами может только бессильная зависть.

Более метко судил о Марксе Руге[15] в первых стадиях их ссоры, когда глаз его был изощрен ненавистью, но еще не ослеплен ею. Руге писал тогда Фейербаху: «Маркс очень много читает; он работает с необычайной интенсивностью и обладает критическим талантом, превращающимся подчас в высокомерие вырождающейся диалектики, но он ничего не доводит до конца, он все обрывает и каждый раз кидается снова в беспредельное море книг. По своим научным склонностям он всецело принадлежит немецкому миру, но по своему революционному образу мыслей он исключен из него». Этот портрет молодого Маркса не прикрашен лестью, но и не искажен. Маркс соединил в себе все фаустовские стремления немецкой учености, чтобы навсегда преодолеть их. Он внес жизнь в науку, как и науку в жизнь. Это был тот прогресс, который немецкое образование только и могло еще сделать, который оно при всех условиях должно было сделать, если не хотело из двигателя исторического развития превратиться в тележку для тупоумных филистеров. Ученый мир, исключивший из своей среды Маркса за его революционный образ мыслей, исключил себя также из своего прошлого и будущего, сделал сам себя послушным холопом минутных интересов правящих классов.

В 1841 г. Маркс окончил университетский курс и получил докторскую степень за диссертацию о различии между натурфилософией Демокрита и Эпикура. Этот ученый труд должен был составить только начало обширного сочинения, общего изложения эпикурейской, стоической

и скептической философий — тех греческих философий самосознания, которые некогда последовали за философией понятий Платона и Аристотеля, как теперь философское самосознание Бруно Бауэра и его кружка последовало за абсолютной идеей Гегеля. До этого обширного труда дело не дошло, не дошло даже до опубликования докторской диссертации, которой Маркс думал приобрести право чтения лекций в Бонне в качестве доцента философии. После того как Бруно Бауэр подвергся со стороны Эйххорна[16] дисциплинарному взысканию, будучи доцентом богословия в Бонне, Марксу нечего было больше искать в прусских университетах. Дальновидная по обыкновению реакция толкнула этого прирожденного борца в борьбу, и по первым литературным опытам Маркса можно со все возрастающей ясностью проследить, как эта борьба шаг за шагом толкала его дальше по пути познания, как она разрывала перед его глазами одну идеологическую оболочку вещей за другой, как она все глубже кидала его в бушующие волны действительной жизни.

Проведенный Марксом в Париже 1844 год был, несомненно, самым плодотворным годом его юности. Великая революция со своими потрясшими мир последствиями; значительные исторические произведения, позволявшие проникнуть взором до самых сокровенных глубин ее и проследить классовую борьбу третьего сословия вплоть до средних веков; богатая литература, развивавшая социалистическую идею до самых тонких ее оттенков и как раз в это время начавшая проникать в рабочий класс через утопию Кабе[17], через социально-политическую агитацию Луи Блана[18] и манифест Прудона[19], — все это доставляло обилие сменяющихся впечатлений, которые могли сбить с толку даже способные головы, но гениальную силу должны были тем более побудить собрать в один фокус все рассеянные в них лучи нового света. Руге совершенно растерялся в Париже, между тем как Маркс ухватил здесь первые нити исторического материализма.

Неправда, будто он в часы журналистского легкомыслия выдумал, что экономическая структура общества обусловливает его идеологическую надстройку, как уверяет идеология, принимающая тем более глубокомысленный вид, чем более она поверхностна. Первоначально область материальных интересов была ему так же далека, как всякому истинному гегельянцу, но его толкнула туда не-

умолимая необходимость борьбы, которую он так же мало мог вызвать к жизни, как и всякий другой, но которую он понял глубже, чем кто-либо. Он не закрывал себе упорно глаза на тот факт, что идеалистические точки зрения классической философии не могут быть для него надежными проводниками в исторической области; он искал и нашел действительную почву, на которой движется человеческое общество. В этом была только его вина, ибо заслугой Штрауса, Руге и Бауэра было то, что они на своих заоблачных путях не спотыкались ни о какой экономический камень преткновения, что именно потому они никогда не умели разбираться в практическом мире и умерли, наконец, как жертвы жалких немецких условий.

Мастерство, с которым Маркс применял диалектический метод немецкой философии, позволило ему быстро и верно ориентироваться в области материальных интересов. Мы замечаем огромный прогресс между весной 1842 г., когда Маркс, идеолог с головы до ног, вступил в практическую борьбу, и осенью 1844 г., когда он ясным пониманием общественных отношений превзошел не только буржуазную политическую экономию, но и западноевропейский социализм в лице самых передовых его представителей. Правда, переход Маркса от идеализма к материализму не вполне еще закончен, и экономические категории представляются ему в философском одеянии. Мы видим это, например, когда он свой удивительно острый прогноз, подтвержденный вот уже 60-летней историей,— что в политической жизни Германии класс буржуазии не свершит ничего, а пролетариат достигнет тем большего значения — облекает в слова о возможности в Германии только человеческой, а не политической эмансипации [20]. Мы имеем здесь перед собой философски вышколенный глаз, которым Маркс видел насквозь буржуазное общество. Маркс видел, что последнее должно умереть, родив более высокоразвитое общество, элементы которого уже смутно намечались в его недрах, но свои доказательства он брал из философского, а не из экономического арсенала.

В этом направлении Фридрих Энгельс дополнял его столь же значительным, сколько и решающим образом. Энгельс был, подобно Марксу, прирожденным диалектиком, выковавшим и укрепившим свои дарования в классической философии. Он не обладал строго философским

образованием Маркса, но своим светлым и ясным умом он твердо схватил то, что было бессмертно в творениях Гегеля. С раннего возраста он находился в водовороте практической жизни, и это преимущество с избытком уравновешивало пробелы его систематического образования.

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в Бармене в семье фабриканта. Фирма «Эрмен и Энгельс» приобрела себе почетное имя в истории рейнской промышленности благодаря той решительности, с которой она выступила против существующих издавна злоупотреблений в вопросе о мере и весе фабричных изделий. Семья Энгельсов принадлежала к числу первых в Бармене; Фридриха Энгельса, как и Маркса, толкнула на революционный путь не нужда, а возвышенный ум. Вследствие этого он совершенно порвал с духом своей высококонсервативной и правоверной семьи; еще будучи мальчиком, он охотно отказался от чиновничьей карьеры, к которой предназначался. Пройдя курс в маленьком реальном училище Бармена, где наглядное преподавание физики и химии дало ему прекрасный фундамент для последующего естественнонаучного образования, Энгельс поступил в эльберфельдскую гимназию и за год до выпускного экзамена окончательно решил сделаться купцом. Он прошел свое ученичество сначала в одном барменском, затем в бременском торговом доме, с октября же 1841 г. до октября 1842 г. служил в качестве вольноопределяющегося в гвардейской артиллерии в Берлине. Ни один уроженец Рейнской провинции не смотрел тогда на «королевский мундир» как на почетное платье, и рейнская буржуазия организовала широко разветвленную систему подкупа, чтобы избавить своих сыновей от ненавистной службы. Тем больше свидетельствует о практических наклонностях Энгельса в его отношении к действительной жизни — даже к менее привлекательным ее сторонам — тот факт, что он в старой казарме на Купферграбене глубоко заинтересовался военными науками и сохранил потом этот интерес навсегда.

Он не запускал, однако, из-за этого своих философских занятий. «Сущность христианства» Фейербаха произвела на него глубокое впечатление, с Бауэрами он находился в дружеских отношениях и время от времени писал в «Рейнской газете». В редакции этой газеты он впервые встретился с Марксом, когда проезжал в конце ноября

1842 г. через Кёльн в Манчестер, чтобы стать там приказчиком на фабрике, совладельцем которой был его отец. Первая личная встреча Маркса и Энгельса была, однако, довольно холодной. Маркс как раз тогда выступил против берлинских «свободных» [21], единомышленником которых слыл Энгельс, а Энгельс в свою очередь был восстановлен против Маркса Бауэрами, с которыми состоял в переписке.

В Манчестере Энгельс прожил 21 месяц — с декабря 1842 г. до сентября 1844 г. Здесь он прошел свою высшую школу — среди крупной промышленности, разлагающей буржуазное общество, чтобы заложить основы общества социалистического. Он изучал и то и другое, бесчеловечную и человеческую стороны этого всемирно-исторического процесса, и его философское образование дало ему возможность познать ту внутреннюю связь между ними обеими, которой не в состоянии еще были понять английский социализм и английский пролетариат. Энгельс сотрудничал как в «Северной звезде», органе чартистов [22], так и в газете Роберта Оуэна «Новый нравственный мир». В лице Бауэра, Молля и Шаппера, руководивших тогда Союзом справедливых [23], он познакомился с первыми революционными пролетариями и никогда не забывал потом импонирующего впечатления, которое эти уже сложившиеся люди произвели на него, еще только складывавшегося человека. В то время как Маркс из изучения французской революции почерпнул вывод, что не буржуазное общество покоится на государстве, а, наоборот, государство покоится на буржуазном обществе, Энгельс узнал из английской промышленности, что экономические факты, не игравшие до сих пор в историографии никакой роли или встречавшие презрительное отношение со стороны историков, представляют собой, по крайней мере в современном мире, решающую историческую силу; что они образовали основу для возникновения нынешних классовых противоположностей; что в странах, где эти противоположности достигли полного развития благодаря крупной промышленности, следовательно особенно в Англии, они в свою очередь являются основой для образования политических партий, для борьбы партий и, таким образом, для всей политической истории.

Различными путями оба пришли к одинаковой цели. У Маркса преобладал еще философский, у Энгельса —

уже экономический подход. Маркс дал добытому результату исследования более общую формулировку, а Энгельс выдвинул ту сторону, которая имела решающее значение для настоящего и будущего человечества. Маркс назвал однажды «Наброски к критике политической экономии», опубликованные Энгельсом в «Немецко-французском ежегоднике» [24], гениальным эскизом, и это суждение является предельно метким. Энгельс не подверг здесь буржуазную политическую экономию систематической критике; его суд над нею несколько суммарный, да и вообще он знал тогда ее самого значительного представителя Рикардо только из вторых рук. Тем не менее эта молодая, горячая голова правильно определила слабые стороны, органически присущие буржуазной политической экономии; он победоносно изобличил ее внутреннее неразумие и верно указал раны, от которых она должна истечь кровью. Энгельс первым наметил план экономических основ научного социализма; эта заслуга не умаляется его собственным замечанием, что найденное им Маркс нашел бы и самостоятельно, ибо для исторического суждения важно то, что было, а не то, что могло быть.

Не столь глубокой по существу, как критика политической экономии, но почти еще более характерной для личности Энгельса была его критика Карлейля [25]. В Энгельсе, как и в Марксе, сочеталось с острым критическим умом истинно поэтическое чутье, о чем красноречиво свидетельствуют его отличные переводы английских рабочих и народных песен. Карлейль импонировал Энгельсу, но он не дал себя пленить обворожительным чарам мистического пророка. Энгельс сумел понять этот одинокий ум во всей его оригинальной глубине, но он видел также границы, за которые Карлейль не в состоянии был выйти.

Когда Маркс и Энгельс осенью 1844 г. вторично встретились в Париже, то обнаружилось их полное согласие по всем теоретическим вопросам. На этом покоилось сначала их братство по оружию, которое затем было скреплено, конечно, еще и тем обстоятельством, что по своим человеческим качествам они стояли на такой же высоте, как мыслители и борцы. Их сочувствие страждущим и угнетенным не уменьшалось от того, что они вели борьбу против угнетателей только при помощи самого острого оружия, что они сознавали невозможность достигнуть в суровой классовой борьбе каких-либо результатов при

помощи того жиденького и бесплодного настроения, которое филистер называет своим человеческим состраданием и своим нравственным возмущением. В них не было и следа сентиментальности, не было ничего от того ханжеского и мечтательного, дряблого и прекраснодушного существа, каким жалкая 300-летняя история сделала немецкого филистера. Но они не были и мрачными фанатиками, не напускали на себя сугубой важности; их мужественное и потому скромное самосознание презирало все те позы, которые так любят принимать «благороднейшие и лучшие», официальные вожди буржуазных классов. Служа своему делу, они могли быть безжалостными, потому что необходимо было быть такими, но в прочих отношениях им не было чуждо ничто человеческое. Они были добрыми людьми, готовыми прийти на помощь, и снисходительными; энергичные натуры, полные неистощимой жизнерадостности, они умели смеяться от всей души и любили ясный детский смех; ничто не нравилось им так в библейском Христе, как его любовь к детям.

Впервые духовно сойдясь друг с другом, они на время расстались. Энгельс отправился в Бармен, чтобы докончить там свою книгу о положении рабочего класса в Англии. Маркс остался в Париже. Двери отечества уже тогда были закрыты для него; на основании сочинений Маркса обер-президиум в Кобленце предписал всем пограничным полицейским властям арестовать его в случае появления на границе. Скоро, однако, наступил конец и его пребыванию в Париже. С достойным признания усердием прусское правительство позаботилось о том, чтобы меч его опаснейшего врага не заржавел: оно выгнало Маркса из Франции, как выгнало раньше из Германии. Внешним предлогом к этому послужила случайная статья Маркса для одной газетки, при помощи которой немецкие эмигранты в Париже пытались продолжать свою войну против отечественных деспотов.

Газетка эта была «Вперед!» [26]. Она издавалась в Париже с начала 1844 г. Газета была основана актером Генрихом Бернштейном на деньги композитора Мейербера и служила на первых порах весьма многосторонним и подчас несколько сомнительным делам своего основателя. Как торговец литературным товаром, притом как весьма изобретательный торговец, Бернштейн после прекращения издания «Немецко-французского ежегодника» сообразил,

что он мог бы, пожалуй, сделать хорошее дельце, если бы дал в своей газетке последний приют немецким эмигрантам, тем более, что полная безобидность «Вперед!» не спасла ее от запрещения немецкими правительствами. Бернштейн вошел по этому вопросу в соглашение с Бернайсом, которому предоставил место в редакции. Приблизительно с середины 1844 г. «Вперед!» вступила в политическую борьбу, и само собой понятно, что газета не стеснялась клеймить многочисленные гнусности немецких правительств, в особенности прусского деспотизма. Бернайс нимало не церемонился с германской реакцией. Отныне для газеты стали писать время от времени, ввиду отсутствия какого-либо другого органа, Гейне, Гервег[27], Бакунин[28], Гесс[29], Руге, независимо от редакции и каждый под свою ответственность.

Маркс был до известной степени вынужден к сотрудничеству в этой газете. Руге поместил в ней ряд статей, содержавших отчасти плохие остроты по адресу прусской королевской четы, отчасти философско-оракульские изречения насчет прусского короля и социальной реформы. Руге писал, что король прусский и немецкое общество не имеют еще даже предчувствия о своей реформе. В такой неполитической стране, как Германия, невозможно довести частичную нужду фабричных округов до общего сознания, как дело, касающееся всех: на нее смотрят как на пожарное бедствие или наводнение, имеющее местный характер. Король видит в ней нераспорядительность администрации или недостаток благотворительной деятельности и, в конце концов, ждет всего от доброго умонастроения христианских сердец, которое преодолеет все затруднения. Немецкие бедняки в свою очередь не разумнее бедных немцев: они не видят ничего дальше своего домашнего очага, своей фабрики, своего округа. Всего этого вопроса в целом до сих пор еще не коснулась всепроникающая политическая душа, а между тем социальная революция без политической души невозможна. Руге подписал эту, как и другие свои статьи, псевдонимом «Пруссак», что дало основание заподозрить в авторстве Маркса, который действительно был прусским подданным, тогда как Руге со времени своего переезда в Дрезден перестал быть им. Перед французскими властями он объявил себя саксонцем и стал под покровительство саксонского посольства в Париже.

Эта литературная недобросовестность Руге побудила Маркса напечатать в газете «Вперед!» «Критические заметки», понятно, не к остротам Руге по адресу прусской королевской четы, а к его философским галлюцинациям относительно прусской социальной реформы. Маркс указал на то, что понять социальную нужду как «дело, касающееся всех», не способна не только неполитическая Пруссия, но и политическая Англия, где сверх того пауперизм имеет универсальный характер. Английское законодательство о бедных показывает, что причину пауперизма находили там, во-первых, в законе природы, во-вторых, в неудовлетворительности администрации и, в-третьих, в злой воле рабочих, так что в конце концов в Англии придумали работные дома — средство, в котором благотворительность хитроумно переплетается с местью несчастным, обращающимся к благотворительности буржуазии. Следовательно, и Англия не дошла еще до «предчувствия о своей реформе», как не дошел до него в свое время конвент, представлявший собой *«максимум политической энергии, политического могущества* и *политического рассудка»* *. Подобно тому как Англия искала причину пауперизма в злой воле бедных, а король Пруссии искал ее в нехристианских чувствах богатых, так и конвент искал ее в контрреволюционном образе мыслей собственников. Чтобы уничтожить пауперизм, он рубил головы собственникам, как для достижения той же цели Англия наказывает бедных, а король прусский увещевает богатых.

Далее Маркс проводит мысль, уже развитую им в «Немецко-французском ежегоднике», что государство, какова бы ни была его форма, не может уничтожить противоречия между общими и частными интересами, потому что оно зиждется именно на этом противоречии. «Ибо эта раздробленность, эта мерзость, это *рабство гражданского общества* есть та естественная основа, на которой зиждется *современное* государство, подобно тому как *рабовладельческое гражданское общество* было той естественной основой, на которой зиждилось *античное* государство. Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом. Античное государство и античное рабство — эти неприкрытые *классические* противоположности — были *прикованы* друг к другу не в

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 439.

большей степени, чем современное государство и современный торгашеский мир, эти лицемерно-прикрашенные *христианские* противоположности. Чтобы устранить *бессилие* своей администрации, современное государство должно было бы устранить нынешнюю *частную жизнь*. А чтобы устранить частную жизнь, государство должно было бы устранить само себя...» * Чем могущественнее государство, следовательно, чем более политической является страна, тем менее оно склонно искать причину социальных зол в самом принципе государства, т. е. в нынешнем устройстве общества, деятельным, сознательным и официальным выражением которого является государство, тем менее оно склонно понимать общий принцип общества. Политический рассудок потому и есть политический рассудок, что он мыслит внутри рамок политики. Чем он острее и живее, тем менее он способен понимать социальные недуги. Классическим периодом политического рассудка является французская революция. Герои французской революции, весьма далекие от того, чтобы усматривать источник социальных недостатков в принципе государства, видели, напротив, в социальных недостатках источник политических неустройств.

Против презрительного отзыва Руге о немецких рабочих Маркс возражает, что «социальная» революция с политической душой, которой Руге требует от них, либо представляет собой бессмысленный набор слов, если под «социальной» революцией понимать таковую в противоположность политической и наделять ее тем не менее политической душой, либо же она не более как парафраз того, что принято называть «политической революцией», или «просто революцией». Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер. «Но если *социальная революция с политической душой* — парафраз или бессмыслица, то *политическая революция с социальной душой* имеет разумный смысл. *Революция* вообще — *ниспровержение* существующей власти и *разрушение* старых отношений — есть *политический акт*. Но *социализм* не может быть осуществлен без *революции*. Он нуждается в этом *политическом* акте, поскольку он нуждается в *уничтоже-*

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 440.

нии и *разрушении* старого. Но там, где начинается его *организующая деятельность*, где выступает вперед его *самоцель*, его *душа*,— там социализм отбрасывает *политическую* оболочку» *. В заключение Маркс советовал «Пруссаку» отказаться на время от всякого писательства по политическим и социальным вопросам так же, как от декламаций по поводу состояния Германии, и начать с того, чтобы добросовестно выяснить самому себе свое собственное состояние.

Понятно, Руге был наделен слишком большим самомнением, чтобы последовать доброму совету. Не способный возразить на острую диалектику, с которой Маркс критически разобрал его туманные рассуждения, он обозвал своего противника разлагающей софистической натурой, в образовании которой скрыт червь, а по адресу «Вперед!» исчерпал все регистры померанской грубости.

Между тем расчет Бернштейна оказался верным. Благодаря сотрудникам, пользовавшимся газетой «Вперед!» как единственным еще доступным для них оружием против гонителей свободного слова, газета сильно пошла в ход и, несмотря на все запрещения, все больше распространялась в Германии. Тогда «законный» король в Берлине обратился к «незаконному» королю-буржуа в Париже с слезной мольбой о дружески-соседской полицейской услуге. Гизо[30], который при всем своем реакционном образе мыслей был литературно образованным человеком, по-видимому, не сразу внял этому исторгнутому болью крику. Кроме того, дело и вообще представляло известные затруднения: добиться от французских присяжных обвинительного вердикта за мнимые или действительные оскорбления прусского короля было невозможно, а несколько месяцев тюрьмы, к которым суд исправительной полиции приговорил редактора Бернайса за формальные нарушения французских законов о печати, далеко еще не означали насильственного прекращения существования «Вперед!». Только путем некрасивого вмешательства Александра фон Гумбольдта удалось уломать Гизо; так что в середине января 1845 г. он предписал сотрудникам «Вперед!», приблизительно десятку немецких писателей, покинуть в 24 часа Париж и возможно скорее выехать из пределов Франции.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 448.

Однако ангел, поразивший сначала Гизо глухотою, имел, по-видимому, верное предчувствие. Французская цивилизация возмутилась против прусского варварства; она ценила национальное гостеприимство выше, чем опасения нечистой совести, поднявшие шум в Берлине. Независимая печать выступила с негодующим протестом против роли палача, которую взяло на себя министерство Гизо. С другой стороны, Бернштейн был глубоко убежден, что глиняный горшок должен уступить, когда он сталкивается с железным. Но мир не без добрых людей: Бернштейн добровольно отказался от дальнейшего издания «Вперед!», а правительство за это взяло обратно свой приказ о его высылке. Сотрудников своих Бернштейн принес в жертву, но и из них некоторые спаслись: после долгого обивания порогов и долгих ходатайств Руге получил разрешение остаться в Париже под условием, что он будет впредь хорошо вести себя.

Маркс, в которого прежде всего метило прусское правительство, не мог, конечно, пойти на что-нибудь подобное. Он переехал в Брюссель, где прожил три года, большей частью работая совместно с Энгельсом. Можно сказать, что в это время их годы учения и годы странствий вступили в свою вторую половину.

Глава II

«РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА»

Из серьезных ежедневных газет только три оказали более или менее сильное влияние на прусское население. Одна из них выходила за пределами Пруссии — лейпцигская «Всеобщая газета», которую тайно питали недовольные элементы прусской бюрократии, но которую прусское правительство тотчас же запретило, как только она опубликовала письмо Гервега. В самом прусском государстве честным и мужественным языком говорили «Кенигсбергская газета» и «Рейнская газета» — «Кенигсбергская распутница и ее сестра-потаскуха с Рейна», как его романтическому величеству угодно было называть их на своем жаргоне гвардейского поручика. «Кенигсбергская газета» стояла на позициях буржуазной идеологии Иоганна Якоби и редактировалась старшим учителем Виттом, которому приходилось из-за этого испытывать мелочные преследо-

вания министра Эйххорна; в этой газете заслужил себе в числе прочих свои литературные шпоры молодой Валесроде[31]. Она отставала, однако,— особенно в смысле широты кругозора — от «Рейнской газеты по вопросам политики, торговли и промышленности», которая стала выходить в Кёльне с 1 января 1842 г.

Согласно заявлению, помещенному в первом номере «Рейнской газеты», она была основана группой независимых жителей Рейнской провинции, поклонников прогресса, стремившихся к подъему Рейнской провинции, к развитию ее учреждений, к увязыванию ее и общенемецких интересов, вообще — к внутреннему процветанию человеческого общества. Как видит читатель, объявление не отличалось большой ясностью; точно так же то, что газета провозгласила потом своей политической программой — введение общего избирательного закона, охватывающего все классы и интересы, публичность правительственных действий, свободу печати и т. д., не было так аккуратно разделено по главам и параграфам, как это соответствует обычаям уже оформившейся партии. «Рейнская газета» объединяла различные элементы, которым ясно было, что их связывает, но еще не было ясно, что их разделяет; за старшими вождями рейнской буржуазии, за Давидом Ганземаном и Людольфом Кампгаузеном[32], президентом кёльнской торговой палаты, за этими трезвыми, расчетливыми дельцами стояло молодое поколение, выросшее под духовным влиянием гегелевской философии. Гораздо яснее, чем в вопросах политики, «Рейнская газета» отдавала себе отчет в вопросах торговли и промышленности: она требовала точной и подробной отчетности о государственном хозяйстве, уменьшения государственных расходов, развития железных дорог, уменьшения судебных пошлин и почтовых тарифов, общего флага и общих консулов для государств, входящих в состав Таможенного союза[33].

Эти обстоятельства обусловливали ее большое превосходство над оппозиционной прессой остэльбской Пруссии. По смелости и ясности мысли она по крайней мере не уступала «Немецкому ежегоднику»[34], а в понимании промышленного развития, толкавшего вперед немецкую жизнь, она далеко превосходила их. Она так же энергично выступала за Таможенный союз, как Шён[35] восставал против него. На Таможенном союзе, говорила газета,

основано право прусского государства главенствовать в Германии; газета готова была вести борьбу под знаменем этого государства, если оно вслед за хозяйственным прогрессом откроет путь прогрессу духовному и политическому. Со свойственной ненависти проницательностью меттерниховские перья в аугсбургской «Всеобщей газете» изобличали прусские тенденции «Рейнской газеты», в то время как прусские государственные деятели шептали друг другу на ухо, что газета живет на деньги французского правительства. Берлинское правительство было слишком ограниченно, чтобы понять, какое сильное оружие «Рейнская газета» хотела вложить в его руки. Оно тем больше упорствовало в своей абсолютистско-феодальной отсталости, чем энергичнее «Рейнская газета» хотела поднять его на высоту современного буржуазного общества. Так конфликт обострялся с каждым днем, и соответственно с этим в «Рейнской газете» чем дальше, тем больше руководящее место занимали радикальные элементы.

Это была внушительная плеяда. Из берлинских младогегельянцев в газете сотрудничали Бруно Бауэр, Кёппен, Науверк, Штирнер [36]; первый редактор немецкого отдела Рутенберг был также родом из Берлина. Из коренных жителей Рейнской провинции в «Рейнской газете» работали Генрих Бюргерс [37], Георг Юнг [38], Мозес Гесс, Герман Пютман [39], Карл Маркс. Газета не помещала регулярных передовых статей, она не была еще сдавлена в тисках шаблонного предприятия, создаваемого системой конкуренции.

Но тем богаче был материал приложений с техническими и научными статьями, тем интереснее материал раздела фельетонов, содержащий исследования по вопросам эстетики, литературы и философии, а также превосходные стихи. Гервег и Пруц [40] были здесь постоянными гостями. Очень скоро, однако, самый молодой сотрудник «Рейнской газеты» выдвинулся как ее лучшая сила; даже теперь, когда раскрываешь запыленные комплекты газеты, то среди обилия хорошего легко выделяешь работы Карла Маркса, как лучшее, отличающееся широтой и глубиной идейного замысла, силой и блеском стиля, резкими противоположениями диалектической аргументации, остротой мысли, которая, анализируя, всегда проникает в запутанный хаос немецкой жизни, пока не доберется до сути

дела. Осенью 1842 г. Маркс взял на себя редактирование газеты и вел его в течение всей зимы; он оставил его лишь незадолго до гибели газеты.

Первые работы Маркса были посвящены вопросу о свободе печати. В «Anekdota» [41] Руге он поместил свои замечания по поводу новейшей прусской цензурной инструкции, где требовал полного упразднения цензуры. Сам институт плох, говорил он, а институты могущественнее людей. Маркс издевается над манерой мнимого либерализма, умеющего утешаться по поводу негодных институтов сменой заправляющих ими лиц. Он по пунктам разбирает новую инструкцию, чтобы обнаружить логическую бессмыслицу, которую она скрывала под романтически-туманной оболочкой. Как и старый цензурный эдикт, инструкция содержала предписание, что исследование истины в печати должно отличаться серьезностью и скромностью; на это Маркс возражает: «Вы восторгаетесь восхитительным разнообразием, неисчерпаемым богатством природы. Ведь не требуете же вы, чтобы роза благоухала фиалкой,— почему же вы требуете, чтобы величайшее богатство — дух — существовало в *одном* только виде? Я юморист, но закон велит писать серьезно. Я задорен, но закон предписывает, чтобы стиль мой был скромен. *Бесцветность* — вот единственный дозволенный цвет этой свободы. Каждая капля росы, озаряемая солнцем, отливает неисчерпаемой игрой цветов, но духовное солнце, в скольких бы индивидуальностях, в каких бы предметах лучи его ни преломлялись, смеет порождать только один, только *официальный цвет!* Существенная форма духа — это *радостность, свет,* вы же делаете единственно законным проявлением духа — *тень;* он должен облачаться только в черное, а ведь в природе нет ни одного черного цветка» *.

Новая инструкция отличалась, однако, от старого эдикта в том отношении, что предписывала цензорам внимательно следить за тем, благонамеренна ли тенденция печати или нет. Со жгучей насмешкой Маркс пишет по этому поводу: «Писатель, таким образом, становится жертвой *самого ужасного терроризма,* подвергается *юрисдикции подозрения.* Законы против *тенденции,* законы, не дающие объективных норм, являются террористиче-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 6.

скими законами, вроде тех, какие изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не *действия как таковые*, а *образ мыслей* действующего лица,— это не что иное, как *позитивные санкции беззакония*... закон, преследующий за тенденцию, карает не только то, что̀ я делаю, но и то, что̀ я думаю, *независимо* от моих действий. Он является, следовательно, оскорблением для чести гражданина, хитроумной ловушкой, угрожающей моему существованию.

Я могу вертеться и изворачиваться как угодно, от этого положение вещей нисколько не изменится. Мое существование взято под подозрение, моя сокровеннейшая сущность, моя индивидуальность рассматривается как *нечто дурное*, и *за это мнение обо мне* я и *несу наказание*. Закон карает меня не за то зло, которое я делаю, а за то именно зло, которого я не делаю. В сущности я несу наказание за то, что мое действие *не* является *противозаконным*, ибо только этим я заставляю милосердного, благожелательного судью ограничить свое рассмотрение моим *дурным образом мыслей*, который настолько благоразумен, что не обнаруживает себя в действиях.

Закон, карающий за образ мыслей, *не* есть *закон, изданный государством* для *его граждан*, это — *закон одной партии против другой*» *.

Законы о тенденции, говорит далее Маркс, изобретаются теми правительствами, которые принципиально противопоставляют себя народу и потому считают свой антигосударственный образ мыслей всеобщим, нормальным образом мыслей. Нечистая совесть правящей клики измышляет законы о тенденции, как законы мести, карающие за тот образ мыслей, которого придерживаются одни только члены правительства. «Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность... Они — невольный крик нечистой совести. И как проводится в жизнь подобный закон? С помощью средства, которое еще более возмутительно, чем самый закон: при посредстве *шпионов* или же посредством предварительного соглашения считать подозрительными целые литературные направления... Подобно тому как в законе, преследующем за

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 14—15.

тенденцию, *законодательная форма противоречит содержанию;* подобно тому как *правительство,* издающее этот закон, яростно выступает против того, что̀ оно представляет в своем собственном лице, т. е. против антигосударственного образа мыслей,— точно так же правительство и в каждом частном случае является по отношению к своим законам как бы *миром, вывороченным наизнанку,* ибо оно применяет двоякую меру. Что̀ для одной стороны — право, то для другой — правонарушение. *Уже самые законы, издаваемые правительством, представляют собою прямую противоположность тому, что̀ они возводят в закон...*

Так, инструкция хочет охранять религию, сама же нарушает самый общий основной принцип всех религий — святость и неприкосновенность субъективного образа мыслей. Судьею сердца, вместо бога, она провозглашает цензора. Так, она запрещает оскорбительные выражения и порочащие честь суждения об отдельных лицах, но подвергает вас каждый день оскорбительному и порочащему вашу честь суждению цензора. Так, она хочет уничтожить сплетни, исходящие от злонамеренных и дурно осведомленных лиц, и вместе с тем принуждает цензора полагаться на подобные сплетни, доверяет шпионству злонамеренных и дурно осведомленных лиц...» *.

«Новая цензурная инструкция также запутывается в этой диалектике. Она впадает в противоречие, когда вменяет цензорам в обязанность делать все то, за что она осуждает печать как за противогосударственные действия» **. В этой статье лев впервые поднял лапу против бесправия и произвола, и ее сокрушающий удар так же метко поражает теперешние насильственные акты против рабочего класса, как он 50 лет тому назад поражал цензурную инструкцию.

Выступления в самой «Рейнской газете» Маркс начал подробной критикой дебатов рейнского провинциального ландтага в 1841 г. В ландтаг поступила покрытая более чем тысячью подписей петиция из Кёльна с просьбой довести ее непосредственно до сведения короля. Она требовала свободного доступа публики в заседания ландтага, ежедневного печатания дебатов в несокращенном виде, права свободно, в приличном тоне, обсуждать в газетах

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 15—16, 17.
** Там же, стр. 16.

эти дебаты, как и все внутренние дела страны, наконец, закона о печати вместо цензуры. Ландтаг присоединился к этим пожеланиям с очень большими оговорками: он просил у короля разрешения называть в протоколах ландтага имена ораторов и затем — не закона о печати, не уничтожения цензуры, а только цензурного закона, который бы не допускал произвольных действий цензоров. То и другое было отклонено короной.

По этому поводу Маркс в шести больших статьях резко выступает против ландтага. На заявление одного оратора, что сословия могли бы публиковать свои речи, смотря по обстоятельствам или по своему усмотрению, он возражает с холодным презрением: «Мы можем уверить его (оратора.— *Ред.*), что провинция отнюдь не интересуется «словами» представителей сословий как отдельных личностей, а ведь только «такие» слова они справедливо могут назвать «своими». Провинция, напротив, требует, чтобы слова представителей сословий превратились в публичный, повсюду слышный, голос страны». Маркс уже теперь бичует то, что впоследствии заклеймил названием парламентского кретинизма. «Здесь речь идет о том, должна ли провинция *знать свое представительство* или нет! Должно ли к таинству правительства присоединиться еще и новое таинство — представительства? Но так народ представлен и в правительстве. Новое представительство народа в лице сословного собрания было бы, следовательно, лишено всякого смысла, если бы специфический характер этого представительства не заключался именно в том, что здесь не другие действуют за провинцию, а, напротив, действует она сама; не другие представительствуют вместо нее, а она сама себя представляет. Представительство, существующее оторванно от сознания представляемых, не есть представительство. О чем не знаешь, о том и не тужишь. Бессмысленное противоречие состоит здесь в том, что функция государства, преимущественно выражающая собой *самодеятельность* отдельных провинций, оказывается совершенно изъятой из сферы даже их *формального* содействия — их *осведомленности;* это бессмысленное противоречие состоит в том, что моя самодеятельность заключается в неизвестной мне деятельности другого» *.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 47—48.

Столь же беспощадно Маркс расправляется с дебатами ландтага о свободе печати. Голосам из княжеского и дворянского сословия, опасавшимся деморализующего влияния свободной печати, он возражает, что деморализующим образом действует, напротив, подцензурная печать. От нее неотделим величайший порок — лицемерие, а из этого коренного ее порока вытекают все остальные ее недостатки, в которых нет и зародыша добродетели, вытекает самый отвратительный — даже с эстетической точки зрения — порок пассивности. «Правительство слышит только *свой собственный голос,* оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в *толпу людей, живущих только частной жизнью»* *. Но Маркса не удовлетворяет и то, что было сказано о свободе печати из рядов городского сословия. По поводу требования, чтобы печать не была исключена из всеобщей промысловой свободы, Маркс саркастически замечает: «Здесь перед нами оппозиция буржуа, а не гражданина». Он не желает, конечно, отрицать относительной справедливости этого воззрения. «Какой бы своеобразной ни казалась на первый взгляд точка зрения оратора, мы все же безусловно должны отдать ей предпочтение перед бессодержательными, туманными и расплывчатыми рассуждениями тех немецких либералов, которые думают, что, перенося свободу с твердой почвы действительности в звездное небо воображения, они тем самым воздают ей честь. Этим резонерам воображения, этим сентиментальным энтузиастам, которые видят профанацию в каждом соприкосновении их идеала с будничной действительностью, мы, немцы, отчасти обязаны тем, что свобода до сих пор осталась для нас фантазией и сентиментальным пожеланием» **. Немцы вообще склонны к сантиментам и экзальтации, они питают пристрастие к музыке небесной лазури. Они уже от природы отличаются всеподданнейшей и благоговейнейшей преданностью, они не

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 69.
** Там же, стр. 73.

осуществляют идей от чрезмерного уважения к ним. Но как бы относительно правилен ни был указанный взгляд на свободу печати, он все-таки ложен. «Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать... *Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом»* * — тезис, жестокую правду которого буржуазная печать подтвердила с тех пор 60-летней... несвободой.

За исключением нескольких голосов, особенно из крестьянского сословия, другие ораторы, участвовавшие в дебатах рейнского провинциального ландтага относительно свободы печати и публикования отчетов о заседаниях ландтага, производят на Маркса безотрадное и неприятное впечатление представителей, колеблющихся постоянно между намеренной закоснелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма. «Эти господа хотят возвеличить свободу не как естественный дар всеобщего, ясного света разума, а как сверхъестественный дар особо благоприятного сочетания звезд. Так как они рассматривают свободу только как *индивидуальное свойство* отдельных лиц и сословий, то они неизбежно приходят к выводу, что всеобщий разум и всеобщая свобода относятся к разряду *вредных идей* и фантасмагорий *«логически построенных систем»*. Желая спасти частные свободы привилегии, они осуждают всеобщую свободу человеческой природы» **. Маркс отвергает ту «свободу», которая хочет существовать только во множественном числе; вместе с Вольтером он называет «свободы» изъятиями из общего рабства. Особые виды свободы являются необходимыми следствиями из ее общего принципа: в промысловой свободе природа промысла принимает форму, отвечающую внутреннему принципу его жизни; в судебной свободе суды следуют собственным, им присущим законам права. «Подобно тому, как в мировой системе каждая отдельная планета, вращаясь вокруг себя, движется в то же время вокруг солнца,— так и в системе свободы каждый из ее миров, вращаясь вокруг себя, вращается вокруг центрального солнца свободы» ***.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 76, 77.
** Там же, стр. 51.
*** Там же, стр. 75.

В этих статьях Маркс стоит еще целиком на точке зрения гегельянца, правда, радикального гегельянца, жадно взирающего из заоблачного мира на мир земной, но все же гегельянца, который выводит свои заключения из чисто идеологических предпосылок. В этом отношении характерны также следующие заключительные слова в уничтожающей полемике Маркса против «Кёльнской газеты», редактор которой, Гермес, был подкуплен правительством и выставлял перед полицией и цензурой младогегельянцев невежественными болтунами, а их публицистическую деятельность — отвратительным плодом мальчишеского самомнения. «Прежние философы государственного права исходили в своей конструкции государства из инстинктов,— например, честолюбия, общительности,— или даже из разума, но не общественного, а индивидуального разума. Новейшая философия, придерживаясь более идеальных и глубоких взглядов, исходит в своей конструкции государства из идеи целого. Она рассматривает государство как великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода, причем отдельный гражданин, повинуясь законам государства, повинуется только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума» *. С этой точки зрения Маркс подвергает историческую школу права столь же блестящей, сколь острой критике: выдержками из учебника естественного права Гуго он показывает, что ее метод стремится доказать не разумность существующего, а его неразумие. Она ложно толкует своего учителя Канта, полагая, что так как мы не можем познать истину, то логически мы должны неистинное, раз оно существует, признать за нечто достоверное. Отовсюду с самодовольным усердием тащит доводы, которые должны сделать очевидным, что разумная необходимость не одухотворяет позитивные институты — собственность, государственный строй, брак, что они даже противоречат разуму и в лучшем случае допускают пустое разглагольствование за и против себя. Идеологическая точка зрения Маркса выступает достаточно ярко и в том, что он говорит относительно законов о печати, в противоположность законам о цензуре. «В законе о печати карающей является свобода. В законе о цензуре свобода подвергается каре.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 112.

Закон о цензуре есть закон, который берет свободу под подозрение. Закон о печати есть вотум доверия, который свобода выдает сама себе. Закон о печати карает злоупотребление свободой. Закон о цензуре карает свободу как некое злоупотребление... Закон о цензуре имеет только *форму* закона...

Закон о печати есть *действительный закон*, потому что он выражает положительное бытие свободы... *Отсутствие законодательства о печати* следует рассматривать как изъятие свободы печати из сферы юридической свободы, так как юридически признанная свобода существует в государстве в форме *закона»* *. Какая разница между законодательством о печати в сухой действительности кодексов и тем философским гороскопом, который был составлен ему молодым Марксом!

Вскоре, однако, он, по собственному выражению, спустился на «твердую землю» и в суровом столкновении с экономическими фактами познал недостаточность идеалистических воззрений на общество и государство. В другой серии из пяти больших статей он критиковал дебаты рейнского провинциального ландтага по поводу закона о краже леса. Он и здесь требует, чтобы каждая отдельная материальная задача была разрешена политически, т. е. в связи со всем государственным разумом и с государственной нравственностью; он называет *«низменным материализмом»*, «грехом против священного духа народов и человечества», «безнравственной, неразумной и бездушной абстракцией» думать при законе о лесных порубках только о дровах и лесе, рабски подчинять материи сознание. Но подобно тому как в дебатах о свободе печати ему открылось различие между буржуа и гражданином, так открылось ему в дебатах о краже леса различие между буржуа и пролетарием. И для такого проницательного ума это было вполне понятно. Наступающая эра крупной буржуазии усиленно стремилась вырвать последние корни общинного землевладения и начала жестокую войну против народных масс с целью их экспроприации. Из 207 478 расследований по уголовным делам, которые велись в 1836 г. в Пруссии, около 150 тыс., т. е. почти $^3/_4$, касались краж леса и проступков против законодательства о лесах, охоте и пастбищах.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 62.

Один из методов экспроприации заключался в том, что собирание валежника объявлялось кражей леса. Маркс говорит по этому поводу, что даже карательное уголовное уложение XVI в. не отваживалось на что-либо подобное. «...если закон называет кражей леса такое действие, которое едва ли можно назвать даже нарушением лесных правил, то закон *лжет*, и бедняк приносится в жертву узаконенной лжи» *. Маркс ссылается на изречения Монтескьё, что есть два вида испорченности: один, когда народ не соблюдает законов, и другой, когда законы портят народ; последнее зло неизлечимо, ибо оно заключается в самом лекарстве. «Но мы, непрактичные люди, выдвигаем в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы то, что так называемые историки в своем ученом и ученически послушном лакействе придумали, в качестве настоящего философского камня, чтобы превращать всякое грязное притязание в чистое золото права. Мы требуем для бедноты *обычного права*, и притом не такого обычного права, которое ограничено данной местностью, а такого, которое присуще бедноте во всех странах» **. Маркс идет еще дальше и выдвигает положение, что обычное право по своей природе является *только* правом низшей, неимущей массы.

Его доказательство просто. Привилегированные сословия уже нашли в законе признание своего разумного права и даже своих неразумных притязаний. На права, которыми они пользуются вопреки закону, они притязают как на свою собственность для удовлетворения своих прихотей. «Но если эти обычные права благородных являются обычаями, противоречащими понятию разумного права, то обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права. Содержание обычного права бедноты восстает не против формы закона, —оно, скорее, восстает против своей собственной неоформленности. Форма закона не противоречит этому содержанию, но только оно не приобрело еще этой формы» ***. Маркс видит основу всякого обычного права бедных в неопределенном характере некоторых видов собственности, в силу которого ее нельзя признать ни безусловно частной собственностью, ни

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 122.
** Там же, стр. 125.
*** Там же, стр. 127.

безусловно собственностью общей, в смешении частного и публичного права, выступающем перед нами во всех средневековых установлениях. Рассудок уничтожил эти двойственные, неустойчивые формы собственности, применив к ним заимствованные из римского права категории абстрактного частного права. «В этих обычаях бедного класса живет, таким образом, инстинктивное чувство права, корни этих обычаев положительны и законны, а форма *обычного права* здесь тем более естественна, что *само существование бедного класса* остается до сих пор *не более как обычаем* гражданского общества, не нашедшим еще надлежащего места в кругу сознательно расчлененного государства» *.

Маркс подробнее разъясняет свою точку зрения на одном примере из дебатов рейнского провинциального ландтага. Один представитель от городов выступил против постановления, по которому сбор брусники и лесных ягод должен был наказываться, как кража. Он указывал на то, что эти ягоды собирают дети бедняков, чтобы заработать таким образом кое-что для своих бедных родителей; это с незапамятных времен разрешалось владельцами лесов, и таким образом возникло обычное право для малышей. Другой депутат возразил, что в его округе эти ягоды стали уже предметом торговли и их бочками отправляют в Голландию. Эту аргументацию Маркс разбивает следующими едкими замечаниями: «Действительно, в *одной местности* уже дошли до того, что обычное право бедных превратили в *монополию* богатых. Вот вам и исчерпывающее доказательство того, что можно монополизировать общественную собственность, а отсюда уже само собой следует, что она подлежит-де монополизированию. Природа предмета требует монополии, потому что интересы частной собственности придумали эту монополию. Идея, осенившая нескольких современных жадных торгашей, не вызывает никаких возражений, если только она может заставить валежник приносить выгоду исконно-тевтонскому землевладению» **. Маркс заключает признанием, что он с отвращением следил за этими скучными и пошлыми дебатами, но счел своим долгом показать на этом примере, чего можно ожидать от сословного предста-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 130.
** Там же, стр. 131.

вительства частных интересов, если оно когда-нибудь будет всерьез призвано к законодательству.

Статьи о краже леса привели Маркса к вопросу о значении пролетариата в буржуазном обществе. Однако серьезное внимание, которое «Рейнская газета» уделяла экономическим вопросам, встречало препятствие в идеологическом самодовольстве ее сотрудников из младогегельянцев. Если государство должно быть всеобщностью, то нужно, чтобы оно было единым, чтобы оно не было разделено. Обо что же разбивались попытки построить государство в его «всеобщности»? Ответ был ясен, и он действительно был дан: свобода разбивается о нищету, которая отнимает у весьма значительной еще части общества возможность свободно развивать свои силы.

Среди швейцарских корреспондентов газеты находились друзья Вейтлинга [42] — Август Беккер и Себастьян Зейлер [43]. «Рейнская газета» в конце сентября 1842 г. сама ссылалась на статью из «Молодого поколения» Вейтлинга, где по поводу правительственных форм в коммунистическом обществе говорилось, что в правительство следует выбирать не лиц, а способности,— идея, которой «Рейнская газета» не хотела отказать в гениальности и оригинальности. На следующий день она перепечатала из «Молодого поколения» письмо случайного корреспондента о берлинских «семейных домах», как статью, «не лишенную интереса для истории этого важного современного вопроса». Корреспонденция изображала дома для рабочих у Гамбургских ворот как «полдюжины фабрикоподобных мышиных нор, сплетенных из глины и дерева, вышиною в 40 футов и длиною около 90 футов, выкрашенных в синюю и белую краски», как гнездо отчаянной нищеты, чем они и были в действительности.

Почти одновременно в «Рейнской газете» прозвучало слабое эхо французского социализма. Газета послала на ученый конгресс в Страсбург собственного корреспондента, кажется Мозеса Гесса. На конгресс явилось много немецких и французских ученых; рядом с немецкими либералами, вроде Велькера [44], приветствовавшего французскую революцию, как родоначальницу естественного права [45], присутствовали французские социалисты, например Консидеран и Леру [46], а в политико-экономической секции конгресса обсуждались системы французского социализма. Корреспондент «Рейнской газеты» сделал по

этому поводу замечание, что среднее сословие занимает теперь положение, аналогичное положению дворянства в 1789 г.: третье сословие претендовало тогда на привилегии дворянства и получило их, а теперь неимущее сословие требует себе доли в богатстве правящих ныне средних классов. Теперешнее среднее сословие предусмотрительнее, однако, чем дворянство 1789 г., и задача будет, вероятно, разрешена мирным путем.

Это замечание и перепечатка статьи о берлинских семейных домах дали аугсбургской «Всеобщей газете» желанный повод напасть на «Рейнскую газету» за коммунистическую пропаганду. Маркс, к которому только что перешло редактирование газеты, ответил на это 16 октября 1842 г. энергичной отповедью. Одному из парижских корреспондентов аугсбургской «Всеобщей газеты», «который трактует историю, как кондитер ботанику», пришла в голову фантазия, что монархия должна стремиться усвоить себе на свой лад социалистически-коммунистические идеи. Маркс насмехается над «аугсбургской кумушкой» и спрашивает: «Или же она упрекает нас в том, что мы не прописали тотчас же какого-нибудь испытанного рецепта и не подсунули изумленному читателю ясного, как день, проекта ни к чему не обязывающего решения проблемы? Мы не обладаем искусством *одной* фразой разделываться с проблемами, над разрешением которых работают *два* народа» *. Но, отражая несправедливые нападки, Маркс в то же время с нескрываемой резкостью высказывается против наспех состряпанных решений этих вопросов, какими бы благими намерениями они ни были внушены. С характерной для него честностью он признает, что не составил себе еще самостоятельного суждения о французском социализме, а развивает свою программу следующим образом: ««Rheinische Zeitung», которая не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их *практического осуществления* или же хотя бы считать его возможным,— «Rheinische Zeitung» подвергнет эти идеи основательной критике. Но что такие произведения, как труды Леру, Консидерана и, в особенности, остроумную книгу Прудона нельзя критиковать на основании поверхностной минутной фантазии, а только после

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 116.

упорного и углубленного изучения,— это признала бы и аугсбургская кумушка, если бы она хотела чего-либо большего и была способна на большее, чем салонные фразы... Мы твердо убеждены, что по-настоящему *опасны* не *практические опыты*, а *теоретическое обоснование* коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут *массовыми*, могут ответить *пушками*, как только они станут опасными; *идеи же*, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть,— это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» *.

Марксу не суждено было выполнить своего плана в «Рейнской газете». После его вступления в редакцию газета приняла резко оппозиционное направление и в то же время задавала цензуре столько хлопот своей ловкой тактикой, что регирунгс-президент фон Герлах уже в середине ноября выразил издателю «самое решительное неудовольствие правительства по поводу направления газеты». Только в надежде, что газета «повернет по более удовлетворительному пути», власти не прибегли к запрещению, а ограничились тем, что выгнали Рутенберга из Кёльна. Чтобы облегчить газете путь к исправлению, сместили ее цензора, полицейского советника Доллешаля, действительно представлявшего собой великолепный экземпляр цензорской ограниченности: он вычеркнул раз из «Кёльнской газеты» объявление о сделанном Филалетом, будущим королем Саксонии, переводе «Божественной комедии» Данте на том основании, что божественное никому не дозволено превращать в комедию. На его место был назначен асессор Витхауз, который должен был производить удушение мысли более искусно; однако и он не умел или не хотел исполнять обязанности палача так, чтобы удовлетворить власть имущих в Берлине.

Очень скоро дело дошло до новых конфликтов. «Рейнская газета» получила из Бернкастеля и других мест у Мозеля компетентные отчеты о жалком положении примозельских крестьян. Примозельский край, лежащий между Триром и Кобленцем, между Эйфельскими горами и Хунсрюком, был очень беден. У примозельского кресть-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 117, 118.

янина не было клочка земли для земледелия или табаководства, как у крестьянина в рейнском Пфальце; все его владение ограничивалось виноградником, и каждый неурожай ставил его в безвыходное положение. Между тем с середины 20-х до середины 30-х годов следовал друг за другом ряд неурожаев, а затем явился Таможенный союз, низкие тарифы которого, благоприятствуя ввозу французских вин, затрудняли сбыт мозельских и понижали их цены. Другие жалобы мозельских крестьян были направлены против капиталистического хозяйничанья бюрократических общинных управлений, урезывающих их права пользования общинными угодьями, лесными и пастбищными, против обременительности и неравномерной раскладки налога на виноградное сусло, против нещадно эксплуатировавшего их ростовщичества; их маленькие участки продавались массами с аукциона, так как они не в силах были платить дольше налоги и проценты. Нужда этого до крайности бедного населения была настолько очевидна, что даже у прусского абсолютизма не хватало духа отрицать ее, хотя он и признавал ее только с теми «если» и «но», на которые так щедра обыкновенно всякая суемудрая и неспособная бюрократия, когда ей приходится сталкиваться с практическими задачами. Последним средством абсолютизма осталась, как всегда, палка, ударами которой он награждал неудобных для него людей, ждавших от него большего, чем он мог дать.

Мозельские письма в «Рейнской газете» представляли собой совершенно спокойные и со знанием дела написанные отчеты. Одна из этих корреспонденций осуждала тот факт, что в одной общине в несколько тысяч душ не было еще приступлено к раздаче дров, несмотря на наличие прекрасного леса; другая радостно приветствовала бо̀льшую свободу печати, так как отныне примозельские крестьяне смогут публично бичевать язвы, от которых они страдают, не навлекая на себя упрека в «наглом визге». Эти две корреспонденции вызвали со стороны обер-президента фон Шапера два замечания. В одном он требовал указать название той общины, где имела будто бы место история с дровами, в другой он оспаривал то, чтобы какие-либо власти совершили когда-либо такой «недостойный поступок», как объявление наглым визгом жалобы виноделов на их «положение, которое всеми признается тяжелым». Он просил, чтобы ему точно указали случаи, когда

власти, хотя бы и до появления более мягкой цензурной инструкции, помешали откровенному публичному обсуждению тяжелого положения примозельских крестьян, и обещал свою благодарность корреспонденту, если тот открыто расскажет, от каких язв страдают виноградари, в особенности если он сумеет предложить пригодные средства против них. Разбрызгав таким образом весь свой вежливый яд, бюрократическая душа перешла в грубый тон и объявила утверждение корреспондента злостной клеветой, покуда обратное не будет доказано.

«Рейнская газета» подняла перчатку. Она собрала через своего корреспондента обильный материал о положении примозельских крестьян и предоставила ему свои столбцы для основательного ответа на нападки фон Шапера, дополнив еще сама ответ из других источников. 15 января 1843 г. открылся ряд этих статей, причем материал был аккуратно распределен на пять рубрик. К рассмотрению предлагались: 1) вопрос о распределении лесного материала, 2) отношение примозельского края к большей свободе для печати, 3) язвы примозельского края, 4) вампиры примозельского края, 5) предложения, касающиеся мер к облегчению положения. Первый пункт был исчерпан тем, что корреспондент уполномочил редакцию назвать обер-президенту общины, где раздача дров не происходила. По второму пункту газета обилием официального и документального материала доказала, что правительство, несомненно, насильственно подавляло жалобы примозельских крестьян; что оно не сделало никакой серьезной попытки к облегчению положения, а всегда отделывалось пустыми фразами; что бюрократия, высшие инстанции которой полагаются на низшие, а низшие — на высшие, вообще не способна сделать ничего для устранения социальных зол. Этих снарядов было достаточно для правительства; оно поспешно отступило под прикрытие красного цензорского карандаша. 20 января статьи оборвались, не дойдя до половины; обсуждения трех последних пунктов бюрократия, столь же трусливая, сколько насильническая, даже не допустила.

Зато 28 января на самом видном месте «Рейнской газеты» появилась заметка, что королевские министерства, которым подведомственна цензура, постановили прекратить издание «Рейнской газеты» с 1 апреля с. г. Вместе с тем регирунгс-президенту фон Герлаху было дано полномочие

ежедневно требовать к себе всю газету после того, как она прошла через цензуру, не разрешать никогда ее печатания и выпуска в свет раньше, чем она будет просмотрена им самим, и совершенно задержать ее, если, несмотря на цензуру, он найдет еще в ней недозволенные места. В запрещении от 25 января говорилось, что газета с момента своего возникновения следовала предосудительному направлению, что в ней явно господствует намерение подорвать государственное устройство в его основе, поколебать монархический принцип, набросить подозрение на правительство в общественном мнении, натравить одни сословия на другие, пробудить недовольство существующим законным порядком. Деятельность газеты основана на пустых теориях и направлена к предосудительным целям, которые не могут быть терпимы ни в одном государстве. Способ выражения и язык разнузданы. Распоряжение признавало бессилие цензуры; назначение последней, говорилось в нем, не состоит в беспрерывной борьбе с бесчинством, покоющимся на столь упорных, злокачественных тенденциях. Затем христианско-германский принцип — который при всем нравственном отвращении к мирским тенденциям питает нежное чувство к звонкой монете — сказался еще в замечании, что газета была бы давно запрещена, если бы правительство не посчиталось с денежными интересами акционеров,— соображение, и теперь побуждающее его не запрещать газету немедленно, а лишь по истечении первого квартала.

Цензор Витхауз сложил с себя свою должность, когда в лице регирунгс-президента над ним был поставлен обер-цензор; кёльнское общество любителей пения устроило за это «нецензору» торжественную серенаду. На его место был прислан из Берлина секретарь министерства Сен-Поль, который проявил наконец требуемую правительством смесь грубости и ловкости, так что обер-цензура была снова отменена 18 февраля. Возможно, что этому способствовали и слезные мольбы акционеров, испугавшихся за свои кошельки и устроивших 12 февраля общее собрание. Не борьба с цензором — хотя следы его свирепости чувствуются еще и теперь на столбцах «Рейнской газеты» — заставила Маркса отказаться 17 марта от редактирования газеты, а убеждение акционеров, что им удастся, смягчив тон газеты, отменить произнесенный над нею смертный приговор. Марксу сразу представился случай на практике

проверить свое мнение, что свобода печати состоит прежде всего в том, чтобы не быть промыслом.

Иллюзия акционеров оказалась, естественно, тем, чем она была. Депутация, посланная ими в Берлин, не была даже допущена к королю. На петиции из Кёльна, Трира и других рейнских городов был получен ответ, что запрещение должно остаться в силе, а участвовавшие в них чиновники получили еще в придачу нагоняй с замечанием, что им следовало бы иметь более зрелые взгляды на общественные отношения. «Рейнская газета» прекратила свое существование 31 марта 1843 г.

Но даже на это падающее гордое знамя бросил свою тень немецкий дух лакейства, и на поминках газеты ее убийца-цензор сидел за столом вместе с акционерами, а к его стулу был прикреплен цепью экземпляр газеты. Прежде чем Сен-Поль покинул Кёльн после доблестно выполненного подвига во имя культуры, он навлек еще на себя обвинительный приговор суда исправительной полиции за то, что подрался у дома терпимости с ночными сторожами. Его товарищем в этом геройском бою был другой цензор, тот самый граф Фриц Эйленбург, который лет 30 спустя предстал перед социал-демократией как старый ханжа с рубящей саблей и стреляющим ружьем. К сожалению, прусские историки не сообщают, с какими благочестивыми чувствами король-романтик смотрел на то, что его храбрые рыцари религии и нравственности дрались у земных домов терпимости со стражами порядка в то самое время, когда он на милом и образном языке своей фантазии молол вздор относительно «сестры-потаскухи на Рейне».

Глава III

«НЕМЕЦКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ЕЖЕГОДНИК»

Тотчас после того, как Маркс оставил редактирование «Рейнской газеты», он писал Руге: «Пышный плащ либерализма упал с плеч, и отвратительнейший деспотизм предстал во всей своей наготе перед лицом всего мира» *. Но корень этого деспотизма вскрывал Руге, когда писал своему брату: «Печать во всей Германии душат не один или два чиновника, не король: ее душат с согласия и от

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 371.

имени народа, писателей, ученых, бюргеров, солдат, крестьян». Если публицистическая оппозиция хотела пустить новые корни, то приходилось делать это за границей. Из этой необходимости и возник «Немецко-французский ежегодник».

1. ОСНОВАНИЕ И ГИБЕЛЬ ЖУРНАЛА

Деловые и литературные приготовления к новому предприятию заняли почти целый год. Тотчас после закрытия «Немецкого ежегодника» Руге задумал план возобновить его вместе с Марксом за границей. Он вошел компаньоном в «Литературную контору» Фрёбеля и внес 6 тыс. талеров, но новый журнал не должен был выходить в Швейцарии, как «Anekdota». Цюрих слушается приказаний из Берлина, говорил Маркс. Гервег уже в феврале пал жертвой страха пред монархической реакцией и был выслан из Цюриха. Он принужден был отказаться от проектировавшегося им журнала и собрал его обломки — статьи, предназначавшиеся для первых номеров,— в «21 лист из Швейцарии», использовав цензурную свободу, обещанную книгам объемом более 20 печатных листов.

Но Маркс и Руге направили свои стопы в Париж не только потому, что хотели быть совершенно независимыми от немецкой цензуры. Обоих практическая борьба заставила перейти из области религии в область политики; Маркс энергично поддерживал в «Рейнской газете» полемику Гервега и Руге с Бауэрами и беспощадно осуждал фривольность «свободных», берлинскую манеру в их внешнем поведении, их политическую романтику, гениальничанье и погоню за известностью, хотя и допускал, что в отдельности это по большей части превосходные люди. Но политическая борьба оказалась невозможной в Германии, тогда как во Франции волны ее высоко поднимались. Кроме того, Маркс нигде не мог так хорошо изучить французский социализм, как у его источника. С своей стороны, Руге задумывал интеллектуальный союз между немцами и французами. Он считал, что быть против Франции и против политики — это то же самое, что быть против политики и против свободы. Франция есть политический принцип, чистый принцип человеческой свободы в Европе, и только она одна является им. Приданое немцев в новом союзе должна была составить логическая проницательность гегелевской философии, как надежный компас в

метафизических и фантастических областях, в которых французы — даже Ламенне[47] и Прудон, не говоря уже о сен-симонистах и фурьеристах,— неслись без руля, по воле ветра и волн. Руге хотел привлечь в качестве сотрудников Ламартина[48], Ламенне, Луи Блана, Леру, Прудона.

В конце лета 1843 г. он отправился на несколько месяцев в Париж, чтобы позондировать почву. Результат показался ему благоприятным, и к концу 1843 г. он и Маркс окончательно переехали в Париж. Однако уже три месяца спустя Руге писал своей матери, что два первых выпуска «Немецко-французского ежегодника» вышли в свет, но что вместе с тем все предприятие пришло к концу.

Причины этой неудачи лишь отчасти заключались в том, что распространение журнала в Германии натолкнулось на большие препятствия и что финансовые средства «Литературной конторы» скоро иссякли. Это, быть может, удалось бы преодолеть. Еще легче, пожалуй, оказалось бы возможным победить холодную сдержанность французских писателей. Никто из них не выступил в «Немецко-французском ежегоднике»: одни обещали, но ничего не делали, другие отказали, подчас в неприятной форме. Ламенне прочитал издателям двухчасовую лекцию о своих религиозных фантазиях и объявил затем, что подождет их дел, прежде чем принять участие в журнале. Ламартин выступил с публичным опровержением газетного сообщения, будто он обещал работать сообща с «еретиком» (!) Ламенне в журнале господ Маркса и Руге, на что последние возразили в «Мирной демократии», что Ламартин все же дал им основание надеяться на его сотрудничество. Особенно нелюбезно повел себя Луи Блан. Он поздравлял, правда, Германию с тем, что ее молодежь начинает обращать свое внимание на практику жизни, однако считал, что она должна научиться умерять свой пыл, так как атеизм в философии имеет своим необходимым последствием анархию в политике. Он высказывал порицание немецким юношам, которые своим признанием французского материализма, Дидро, Гольбаха и Энциклопедии[49] отодвинулись больше чем на столетие назад, и напыщенно заклинал их: «Помните о том, что Руссо — представитель демократии, основанной на единстве и братской любви! Помните о том, что та самая рука, которая дала нам «Общественный договор», написала «Исповедь савойского викария»!»[50] Этот трусливый мелкий буржуа не мог

отказаться от сладкой привычки окружать борьбу практической жизни небесным ореолом какой-нибудь религии и таким образом заграждать себе путь к глубокому пониманию ее. Но дерево не должно было непременно упасть после первого удара, и издатели «Немецко-французского ежегодника» могли бы на первых порах тем легче обойтись без французских сотрудников, что в лице Гейне, Гервега, Иоганна Якоби, Фридриха Энгельса и др. они собрали вокруг себя штаб немецких сотрудников, с которыми можно было смело показаться в свет.

Что привело их к безнадежному крушению — это разрыв между ними самими. О внешнем поводе к этому разрыву мы имеем только рассказ Руге, который дышит смертельной ненавистью к Марксу и не может быть принят на веру. По словам Руге, Маркс прекратил дружеские отношения потому, что Руге отказывался признать за «прохвостом» Гервегом какую-либо будущность из-за разных глупостей, которые Гервег наделал, по-видимому опьяненный наслаждениями парижской жизни. Возможно, что в этом есть доля правды. Маркс питал к истинно поэтическим натурам родственную симпатию; если бы он находился продолжительное время, как Руге, вместе с Гервегом в Берлине, то не смотрел бы на аудиенцию поэта у короля с тайным чувством удовлетворения, какое испытывал Руге, а по мере своих сил не допустил бы ее, но теперь, когда Гервег так тяжело страдал от последствий этой юношеской глупости, Маркс судил, быть может, справедливее и потому мягче о его действительных или мнимых ошибках. Возможно также, что неискоренимая филистерская мораль Руге вывела как-нибудь Маркса из себя. Ведь не оставлял же Руге своей вечной проповеди морали даже по отношению к такому поэту, как Гейне, хотя он теперь и оценивал его правильнее, чем некогда в Галле: еще спустя много лет он хвалился, что вместе с Марксом внушил Гейне его бессмертные сатиры, например «Зимнюю сказку». По каким причинам Маркс и Руге разошлись лично, не так, впрочем, важно; историческое значение имеет лишь их политический разрыв, а он коренился гораздо глубже, чем в случайном споре из-за Гейне или Гервега.

Нужна была вся близорукость романтической реакции, чтобы отнести к крайней оппозиции такого человека, как Руге. Если бы ему оставили прежнюю свободу философст-

вования, которую терпел ведь даже старый и глупый король, то он скромно удовлетворился бы геройской ролью городского гласного в Галле или Дрездене. Как хорошо он чувствовал себя в этих мелочных делах, показывает самодовольство, с которым он 20 лет спустя рассказал о них в своих мемуарах. Следует ли построить новый вокзал на левом берегу Эльбы в интересах ломовиков и легковых извозчиков или на правом — в интересах пассажиров, вправе ли берлинские евреи приезжать на дрезденскую ежегодную ярмарку с фальшивыми бриллиантами, можно ли помешать невоспитанному англичанину положить ноги на стол в читальне — таковы вопросы, которыми с удовольствием занимался Руге. Какой огромный контраст с ними представляют экономические конфликты, с которыми сталкивался в «Рейнской газете» идеалист и младогегельянец Маркс: война между буржуазным и феодальным обществом, антагонизм между буржуазией и пролетариатом или даже спор о свободе торговли и покровительственных пошлинах, поднятый в особенности южногерманскими фабрикантами, предводительствуемыми Листом [51], против низких тарифов Таможенного союза. Когда Маркс и Руге окунулись во французскую жизнь, то Маркс поплыл по волнам, как сильный корабль, который в конце концов попадает в открытое море, тогда как ореховая скорлупка — Руге — боязливо стремилась назад к прибрежным песчаным отмелям. Чтобы познакомиться с внутренней жизнью коммунистических рабочих кружков, Маркс охотно поддерживал сношения с Эвербеком [52] из Данцига, который руководил тогда парижскими общинами Союза справедливых; между тем когда Эвербек попросил у Руге пару франков на напечатание сочинений Вейтлинга, прибавив безобидное замечание, что «на то и деньги у Руге», то отставной дрезденский городской гласный произнес перед ним «гневную» речь, которую вдобавок нашел стоящей сохранения для потомства; он просит не вмешиваться в его частные дела, сказал Руге, он не для того уехал от немецкого полицейского надзора и цензуры, чтобы позволить Эвербеку контролировать свое хозяйство, и так далее в том же стиле. При практическом соприкосновении с социализмом буржуа сбросил свою философскую оболочку; Руге начал смотреть на «прусских палачей» более снисходительными глазами, чем на «гнусные еврейские души» коммунистов.

При отраженном свете последующей 50-летней истории типичная разница между Руге и Марксом, разница между шумливым мещанином и революционным мыслителем, выступает уже очень ясно в переписке Маркса с Руге, Бакуниным и Фейербахом, которой открывается «Немецко-французский ежегодник». Руге выдавал себя потом за автора этих писем, но ни с психологической точки зрения, ни по стилю нет никаких оснований считать, что они принадлежат ему; во всяком случае, по существу своего содержания письма, несомненно, принадлежали тем лицам, чьи инициалы значатся в подписях. Переписка открывается кратким, внушительным аккордом Маркса: романтическая реакция ведет к революции, государство — слишком серьезная вещь, чтобы можно было превратить его в какую-то арлекинаду; можно, пожалуй, на некоторое время предоставить ветру полный глупцов корабль, тем не менее он плывет навстречу своей неминуемой судьбе, и именно потому, что глупцы этого и не подозревают. Руге отвечал длинной иеремиадой насчет неизменного овечьего терпения немецких филистеров, которых он охотно уничтожил бы. Он знает, однако, что принадлежит сам к ним, и не хочет уклониться от общего позора. «Скажите мне откровенно какую угодно горькую истину, я приготовился к этому. У нашего народа нет будущего; что толку в нашей славе?»

На это Маркс отвечает: «Ваше письмо... хорошая элегия... но политического в нем решительно ничего нет... мир принадлежит филистеру... мы должны внимательно к нему (филистеру.— *Ред.*) присмотреться. Сто̀ит изучить этого господина мира» *. Маркс анализирует первые шаги Фридриха-Вильгельма IV как попытку неглупого монарха упразднить филистерское государство на его собственном базисе. Эта попытка потерпела неудачу и должна была потерпеть ее. Филистер — это материал монархии, а монарх — всего лишь король филистеров; он не может сделать ни себя, ни своих подданных свободными, настоящими людьми, пока обе стороны остаются тем, что̀ они собой представляют сейчас. Король хотел править не при помощи мертвого закона, а своим живым сердцем; он хотел привести все сердца в движение в пользу своих сердечных желаний, но остальные сердца бились по-иному,

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 372.

чем сердце короля; те, над кем он господствовал, не могли открыть рта без того, чтобы не заговорить тотчас же об уничтожении старого господства; идеалисты, возымевшие дерзкое желание сделать человека человеком, заговорили, и, в то время как король фантазировал на старонемецкий лад, они считали себя вправе философствовать на новонемецкий лад. Благодаря этому расхождению слуги, так легко руководившие прежде ходом вещей, и вместе с ними русский царь смогли легко убедить вспыльчивого короля, что нельзя управлять людьми, поднимающими свой голос. Последовало возвращение к старому, окостенелому государству слуг и рабов; молчание сделалось единственным способом выражения взглядов. Таким образом всему миру было дано наглядное доказательство того, что деспотизму необходимо присуще скотство и что он несовместим с человечностью.

После этого, полагает Маркс, Руге не станет, конечно, делать ему упрека, что он слишком высокого мнения о настоящем; если он не отчаивается все-таки относительно настоящего, то потому только, что именно современное отчаянное положение вселяет в него надежду. Он не говорит о неспособности господ и о равнодушии слуг и подданных, полагающихся во всем на волю божью, хотя обоих этих моментов, взятых вместе, было бы уже достаточно, чтобы привести к катастрофе. Он обращает внимание лишь на то, что враги филистерства, словом все мыслящие и страдающие люди, достигли взаимопонимания и что даже пассивная система размножения подданных старого склада вербует каждый день рекрутов для служения новому человечеству. «А система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатации людей ведет еще гораздо скорее, чем размножение населения, к расколу внутри теперешнего общества,— к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить, потому что она вообще не исцеляет и не творит, а только существует и наслаждается» *. Их же задача — разоблачать старый мир и вместе с тем совершать положительную работу для образования нового мира.

Далее следуют письма Бакунина и Фейербаха, также восстающих против отчаянного настроения Руге. Бакунин пишет в высокомерно-благожелательном тоне о немецких

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 377—378.

делах: «...Я, скиф, развяжу у вас ваши путы, у вас, германцев, желающих быть греками».

Фейербаху гибель «Немецкого ежегодника» напоминает гибель Польши: «Усилия немногих людей были тщетны в общем болоте загнившей народной жизни... Нам нужны были новые люди. Но на этот раз они не придут из болот и лесов, как во времена переселения народов; из нашего ребра мы должны создать их». Он рекомендует основать новый орган, чтобы прочистить головы. Руге признает себя побежденным «новым Анахарсисом и новым философом», а затем Маркс, как бы в великолепном заключительном аккорде, делает вывод из всего спора.

Ясно, говорит Маркс, что нужно создать новый сборный пункт для истинно мыслящих и независимых голов. Но если относительно «Откуда?» и не существует никаких сомнений, то тем бо́льшая путаница господствует по вопросу «Куда?». «Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признаться себе самому, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее. Между тем, преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир. До сих пор философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия стала мирской; это неопровержимо доказывается тем, что само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы. Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что̀ нам нужно совершить в настоящем,— я говорю *о беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими» *. Маркс не желает водружать никакого догматического знамени, и коммунизм Кабе, Дезами[53] и Вейтлинга для него также только догматическая абстракция.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 379.

Преимущественный интерес в теперешней Германии вызывают, во-первых, религия, а во-вторых, политика; им нужно не противопоставлять какую-либо готовую систему, вроде «Путешествия в Икарию», а брать их за исходную точку, каковы бы они ни были.

Маркс отвергает мнение «завзятых социалистов», что политические вопросы не стоят никакого внимания. Из конфликта политического государства с самим собой, из противоречия между его идеальным назначением и его реальными предпосылками повсюду можно развить социальную истину. Он ссылается на различие между сословной и представительной системами, в свое время разобранное им в «Рейнской газете»: этот вопрос лишь выражает политическим языком различие между господством человека и господством частной собственности. «Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что̀ собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет» *. Маркс заключает переписку программой: работа современности над уяснением самой себе смысла собственной борьбы и собственных желаний.

Вершину этой программы составляют статьи, помещенные в «Немецко-французском ежегоднике» Марксом и Энгельсом. Все, что принадлежит другим сотрудникам,— песни Гейне и Гервега, документальные сообщения Иоганна Якоби из его процесса о государственной измене, статьи Бернайса и письма Гесса — все это имеет более или менее значительную эстетическую или историческую ценность, но не представляет значения для истории социализма.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 381.

2. СТАТЬИ МАРКСА

Маркс и Энгельс написали для «Немецко-французского ежегодника» по две статьи. Работы Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» и «К еврейскому вопросу» находятся друг с другом в известной внутренней связи, то же самое относится и к работам Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии». Но независимо от этого все четыре статьи связаны как бы одной красной нитью, а именно Фейербахом, из которого они исходят и дальше которого они подвигаются вперед ощупью.

В письме из Крейцнаха от 20 октября 1843 г. Маркс обратился к Фейербаху с просьбой дать для первого же выпуска журнала критику Шеллинга. Он называет Фейербаха «прямой противоположностью Шеллингу»: для Фейербаха искренняя юношеская мысль Шеллинга стала истиной, действительностью, серьезным, мужественным делом, тогда как у Шеллинга она осталась фантастической юношеской мечтой. «Я считаю Вас поэтому необходимым, естественным, призванным их величествами природой и историей, противником Шеллинга» *. Немногие строки, бойкие и любезные, набросанные как бы в порыве вдохновения, настолько взволновали Фейербаха, что он тотчас же взялся за лекции Шеллинга с намерением исполнить «долг необходимости», на который ему указывал Маркс. Но в конце концов он все-таки отказался, мотивируя свой отказ тем, что самое необходимое он уже изложил вкратце, а вновь пережевывать уже сказанное ad captum vulgi, для общего понимания, он не желал бы. Маркс всегда отзывался о Фейербахе с высоким уважением, как и Фейербах о Марксе, но то, что отделяло их друг от друга — период промышленного и политического развития в полжизни одного поколения,— ясно выступило при первом же их соприкосновении: 40-летний муж желал бы все-таки явиться чувственному миру только в важной тоге философа, а 25-летний юноша хотел завоевать этот мир разящим мечом.

В «Критике гегелевской философии права. Введение» Маркс исходит из основы иррелигиозной критики в том ее виде, как она была заложена Фейербахом: человек создает религию, религия же не создает человека. Но он

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 258.

тотчас же делает шаг дальше: «...*человек* — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек это — *мир человека,* государство, общество» *. Задача истории, задача философии, находящейся на службе истории, состоит в том, чтобы установить правду посюстороннего мира, после того как исчезла правда потустороннего мира. «Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики»* **.

Чтобы разрешить эту задачу, Маркс обращается не к оригиналу, а к копии — к немецкой философии государства и права — по той простой причине, что его критика приурочивается к Германии. Если бы захотели приурочить такую критику к самим существующим немецким порядкам, это привело бы к анахронизму. «Отвергая немецкие порядки 1843 г., я, по французскому летосчислению, нахожусь едва ли даже в 1789 г. и уж никак не в фокусе современности» ***. Далее следует яркое изображение немецких порядков, изображение «взаимного тягостного давления всех общественных сфер друг на друга, всеобщего бездеятельного недовольства, ограниченности, в одинаковой мере выражающейся как в самовозвеличении, так и в самоуничижении,— всего того, что заключено в рамки такой правительственной системы, которая живет тем, что охраняет всякие мерзости, и сама есть не что иное как *мерзость, воплощенная в правительстве»* ****. Если критика хочет понять современную социальную действительность, если она хочет возвыситься до истинно человеческих проблем, то ей нужно стать вне немецких порядков, «иначе она рассматривала бы свой предмет на таком уровне, который *ниже* действительного уровня этого предмета» *****.

Маркс приводит пример. «Отношение промышленности, вообще мира богатства, к политическому миру есть одна из главных проблем нового времени. В какой форме начинает эта проблема занимать немцев? В форме *покровительственных пошлин, запретительной системы, национальной экономии.* Тевтономания перекочевала из чело-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 414.
** Там же, стр. 415.
*** Там же, стр. 416.
**** Там же, стр. 417.
***** Там же, стр. 418.

века в материю, и таким образом в одно прекрасное утро наши рыцари хлопка и герои железа проснулись патриотами» *.

Маркс уже тогда разорвал патриотический покров, в который облекал свою капиталистическо-меркантилистскую агитацию Лист, чествуемый и теперь еще как национальный герой. «В то время как во Франции и Англии проблема гласит: *политическая экономия*, или *господство общества над богатством*, в Германии она гласит: *национальная экономия*, или *господство частной собственности над нацией*... Там идет речь о разрешении вопроса, здесь — лишь о коллизии. Это — достаточно показательный пример *немецкой* формы современных проблем, пример того, как наша история, подобно неумелому рекруту, повторяющему старые упражнения, считала до сих пор своей задачей лишь повторять избитые истории» **.

Но немецкая история имеет свое идеальное продолжение в немецкой философии, немцы — философские современники настоящего, не будучи его историческими современниками. Немецкая философия государства и права — единственная история, стоящая на уровне официальной современной действительности. Ее критика вводит в самую гущу тех вопросов, о практическом разрешении которых идет речь. Практическая политическая партия в Германии — под ней Маркс разумеет, очевидно, либеральную буржуазию — справедливо требует отрицания философии; ее ошибка заключается лишь в том, что она серьезно не выполняет, да и выполнить не может этого требования. Философию не отрицают тем, что поворачиваются к ней спиной и, отвернувши голову, бормочут по ее адресу несколько сердитых и банальных фраз. Эта партия хочет исходить из действительных зародышей жизни, но она забывает, что действительный зародыш жизни немецкого народа до сих пор произрастал только под его черепом. Она не может упразднить философию, не осуществив ее в действительности. Ту же ошибку, но в противоположном направлении делает теоретическая, ведущая свое происхождение от философии политическая партия — здесь Маркс имеет в виду, очевидно, берлинских «свободных». Она не критикует философии, а исходит из ее предпосы-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 418—419.

** Там же, стр. 419.

лок и не идет дальше вытекающих из них результатов или же выдает требования и результаты, полученные из другого источника, за непосредственные требования и результаты философии. Коренной порок этой партии заключается в мнении, что можно превратить философию в действительность, не упразднив самой философии. Вопрос заключается, напротив, в следующем: «...может ли Германия достигнуть практики, à la hauteur des principes *, т. е. *революции*, способной поднять Германию не только до *официального уровня* современных народов, но и на *человеческую высоту*, которая явится ближайшим будущим этих народов?» **.

Маркс отвечает на это: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает ad hominem ***, а доказывает она ad hominem, когда становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек» ****. «Между тем *радикальной* немецкой революции препятствует, по-видимому, одна огромная трудность... революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей... Каким же образом она (Германия.— *Ред.*) может перескочить одним *сальто-мортале* не только через свои собственные преграды, но вместе с тем и через те преграды, которые стоят перед современными народами, через преграды, которые она в действительности должна воспринимать как освобождение от своих действительных преград и которые должны быть целью ее стремлений?» ***** Разрешая этот вопрос, Маркс говорит, что немецкие правительства вынуждены сочетать цивилизованные недостатки современного государственного мира, преимуществами которого немецкий народ не пользуется, с варварскими недостатками

* На высоте принципов. *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 422.

*** Argumentum ad hominem — доказательство применительно к данному лицу. *Ред.*

**** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 422.

***** Там же, стр. 423—424.

государственного старого порядка, которыми немцы наслаждаются в полной мере; что Германия разделяла все страдания современного исторического развития, не разделяя его радостей; что Германия в одно прекрасное утро окажется на уровне европейского упадка, ни разу не побывав на уровне европейской эмансипации. «Утопической мечтой для Германии является не *радикальная* революция, не *общечеловеческая* эмансипация, а, скорее, частичная, *только* политическая революция,— революция, оставляющая нетронутыми самые устои здания» *.

Политическая революция основана на том, «что *часть гражданского общества* эмансипирует себя и достигает *всеобщего* господства, на том, что определенный класс, исходя из своего *особого положения*, предпринимает эмансипацию всего общества. Этот класс освобождает все общество, но лишь в том случае, если предположить, что все общество находится в положении этого класса, т. е. обладает, например, деньгами и образованием или может по желанию приобрести их.

Ни один класс гражданского общества не может сыграть эту роль, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и в массах. Это — тот момент, когда данный класс братается и сливается со всем обществом, когда его смешивают с обществом, воспринимают и признают в качестве его *всеобщего представителя;* тот момент, когда собственные притязания и права этого класса являются поистине правами и притязаниями самого общества, когда он действительно представляет собой социальный разум и социальное сердце» **. Наоборот, чтобы революция народа и эмансипация отдельного класса совпали друг с другом, все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь другом классе, одно определенное сословие должно быть олицетворением общих для всех препятствий, одна особая социальная сфера должна считаться общепризнанным преступлением в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего самоосвобождения. Отрицательно-всеобщее значение французского дворянства и духовенства обусловило положительно-всеобщее значение французской буржуазии.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 425.
** Там же.

Далее Маркс указывает, что в Германии ни у одного особого класса нет не только последовательности, резкости, смелости, беспощадности, которые наложили бы на него клеймо отрицательного представителя общества. В такой же степени ни у одного сословия нет также той душевной широты, которая отождествляет себя, хотя бы только на мгновение, с душой народа, того вдохновения, которое материальную силу воодушевляет на политическое насилие, той революционной отваги, которая бросает в лицо противнику дерзкий вызов: я — ничто, но я должен быть всем. Различные сферы немецкого общества относятся друг к другу не драматически, а эпически; каждая располагается со своими особыми притязаниями; рядом с другими даже моральное чувство собственного достоинства немецкой буржуазии основано лишь на сознании того, что она — общий представитель филистерской посредственности всех других классов. Каждый класс уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его, как только он начинает борьбу с классом, стоящим выше его. Буржуазия еще едва только отваживается сформулировать со своей точки зрения мысль об эмансипации, как уже развитие социальных условий, а также и прогресс политической теории объявляют эту самую точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной.

«В чем же, следовательно, заключается *положительная* возможность немецкой эмансипации?

Ответ: в образовании класса, скованного *радикальными цепями,* такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право,* ибо над ней тяготеет не *особое бесправие,* а *бесправие вообще,* которая уже не может ссылаться на *историческое* право, а только лишь на *человеческое* право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества,— одним словом, такой сферы, которая

представляет собой *полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека.* Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть *пролетариат»* *.

Пролетариат еще только зарождается в Германии в результате начинающего прокладывать себе путь промышленного развития, ибо не стихийно возникшая, а искусственно созданная бедность, не механически, тяжестью общества придавленная книзу человеческая масса, а масса, возникшая из стремительного процесса его разложения, преимущественно из разложения среднего сословия,— вот что образует пролетариат, хотя постепенно, как это само собой понятно, ряды пролетариата пополняются и стихийно возникающей беднотой, и христианско-германским крепостным сословием. Если пролетариат возвещает разложение существующего миропорядка, то он высказывает лишь тайну своего собственного бытия, ибо он и есть фактическое разложение этого миропорядка. Если он требует отрицания частной собственности, то он возводит лишь в принцип общества то, что̀ общество возвело в его принцип, что̀ уже воплощено в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация *немца* в *человека* **. *«Голова* этой эмансипации — *философия,* ее *сердце — пролетариат.* Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность.

Когда созреют все внутренние условия, *день немецкого воскресения из мертвых* будет возвещен *криком галльского петуха»* ***.

В статье «К еврейскому вопросу», критикуя работы Бруно Бауэра в этой области, Маркс доказывает, что в Германии возможна не политическая, а человеческая эмансипация, и одновременно исследует различие между ними.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 427—428.
** Там же, стр. 428.
*** Там же, стр. 429.

Еврейский вопрос был, так сказать, тем концом, с которого немецкий идеализм подошел к проблемам экономического развития. Христианско-германское государство травило, угнетало, преследовало евреев, но в то же время оно их терпело, покровительствовало им и даже ласкало их. В XVIII в. «старый Фриц» [54] превратил евреев в совершенно бесправных людей, но в то же время предоставил им широкое покровительство, «главным образом в видах содействия успехам коммерции, мануфактур и фабрик». «Король-философ» предоставил «вольности христианских банкиров» денежным евреям, помогавшим ему в его подделках монеты и прочих финансовых операциях сомнительного свойства, тогда как философа Моисея Мендельсона он лишь терпел в своих владениях — и то не как философа, а как человека, состоявшего в должности бухгалтера у одного из еврейских богачей. В 40-х годах XIX в. Фридрих-Вильгельм IV донимал евреев всевозможными придирками, что не мешало, однако, еврейскому капиталу усиливаться в ходе экономического развития. Капитал этот начал подчинять себе правящие классы и занес свой бич над классами управляемыми: в форме промышленного капитала над пролетариатом и в еще гораздо большей степени — в форме ростовщического капитала — над мелким крестьянством и мещанством.

Против этого странного противоречия, против этого «ложного положения» возмутился Бруно Бауэр. В этом пункте он заметил капиталистическую фазу общественного развития, но только как средневековый эмбрион, как нарост на теле христианско-германского государства. Он не мог поэтому вырваться из рамок религиозной противоположности между христианством и еврейством. При всей резкости, с которой он критиковал теологию, он все еще продолжал смотреть на вещи сквозь теологические очки. Он нападал на христианско-германское государство, которое по своей религиозной сущности не могло эмансипировать евреев, но в то же время он нападал на евреев, которые по своей религиозной сущности не могли быть эмансипированы. Религиозная точка зрения имела для него решающее значение. Христиане и евреи должны перестать быть христианами и евреями, если они хотят быть свободными. Но, поскольку христианство как религия опередило еврейство как религию, перед евреем лежит более далекий и трудный путь к свободе, нежели перед

христианином. По Бруно Бауэру, евреи, чтобы получить возможность быть эмансипированными, должны некоторым образом пройти сперва школу христианства и гегелевской философии. Разрешение еврейского вопроса, эмансипация евреев извращаются у него в идеалистический выверт.

Против этого Маркс выдвигает практические результаты, к которым привело его изучение французской революции. Он говорит, что отнюдь не достаточно исследовать вопросы: кто должен эмансипировать? кто должен быть эмансипирован? Перед критикой стоит еще третья задача, она должна поставить вопрос: о какого рода эмансипации идет речь? Нужно исследовать отношение политической эмансипации к человеческой эмансипации. Бауэр спрашивает евреев: имеете ли вы право, с вашей точки зрения, требовать политической эмансипации? Между тем скорее следует задать вопрос: имеет ли точка зрения политической эмансипации право требовать от евреев отказа от иудейства, требовать от человека вообще отказа от религии?

Маркс отвечает на этот вопрос отрицательно, доказывая, что христианско-германское государство, государство привилегий, представляет собой лишь несовершенное, еще теологическое государство, еще не развившееся в чисто политическое государство. Политически завершенное, современное государство, не знающее больше религиозных привилегий,— вот что такое завершенное христианское государство. Оно не только может эмансипировать евреев, но оно уже их эмансипировало и по самой своей сущности должно их эмансипировать. Там, где политическое государство существует в высшей форме своего развития, там, где государственная конституция прямо объявляет осуществление политических прав независимым от религиозного культа, как, например, в некоторых североамериканских штатах,— там человека, не имеющего религии, все же не считают порядочным человеком. Существование религии не противоречит, таким образом, завершенности государства. Политическая эмансипация еврея, христианина, вообще религиозного человека, есть эмансипация государства от еврейства, от христианства, вообще от религии. Государство может освободить себя от некоторого ограничения, а человек в то же время фактически не будет от него свободен, и в этом сказывается ограниченность политической эмансипации.

Государство, как государство, аннулирует, например, частную собственность. Человек объявляет частную собственность упраздненной в политическом отношении, как только он упраздняет имущественный ценз для активного и пассивного избирательного права, как это и произошло во многих североамериканских штатах. Государство упраздняет по-своему различия в происхождении, сословии, образовании, профессии, когда оно объявляет происхождение, сословие, образование, профессию неполитическими различиями, когда оно, не обращая внимания на эти различия, провозглашает каждого человека равноправным участником народного суверенитета. Тем не менее государство позволяет частной собственности, образованию, профессии действовать свойственным им способом и проявлять их особую сущность в качестве частной собственности, образования, профессии. Весьма далекое от того, чтобы упразднить все эти фактические различия, государство, напротив, существует лишь при условии, что эти различия существуют, оно чувствует себя политическим государством и осуществляет свою всеобщность лишь в противоположность к этим своим элементам. Завершенное политическое государство является по своей сущности родовой жизнью человека, в противоположность к его материальной жизни. Все предпосылки этой эгоистической жизни продолжают существовать в гражданском обществе вне государственной сферы, но именно как свойства гражданского общества. Отношение политического государства к своим предпосылкам — будь то материальные элементы, как частная собственность и т. п., или духовные элементы, как религия и т. п.,— это конфликт между общим и частным интересом. Конфликт, в котором человек как приверженец особой религии находится со своим государственным гражданством, с другими людьми как членами общества, сводится к расколу между политическим государством и гражданским обществом.

Но если человек, хотя и оставаясь евреем, может быть политически эмансипирован, получить права гражданина государства, то может ли он при этом притязать на так называемые права человека и получить их? Бауэр решает вопрос отрицательно. На это Маркс отвечает, что несовместимость религии с правами человека отнюдь не вытекает из понятия о правах человека, наоборот, право быть религиозным, и притом на какой угодно лад, прямо ука-

зано среди этих прав. Привилегия веры есть всеобщее право человека. Droits de l'homme — права человека как таковые — отличаются от droits du citoyen — прав гражданина государства. Кто же этот homme (человек), отличаемый от citoyen (гражданина)? Не кто иной, как член гражданского общества. Маркс подробно доказывает это на определении прав человека (равенства, свободы, безопасности, собственности) в самой радикальной конституции, во французской конституции 1793 г. Политическая революция была революцией гражданского общества. При феодальном строе общество носило, с одной стороны, непосредственно политический характер, т. е. элементы гражданской жизни, например собственность, семья, род и способ труда, были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной власти, сословий и корпораций. Но, с другой стороны, оно именно потому распадалось на несколько отдельных составных частей и исключало индивида из государственного целого. Необходимым последствием такой организации было превращение всеобщей государственной власти в особую функцию обособленного от народа повелителя и его слуг. Политическая революция, низвергнувшая эту деспотическую власть и поднявшая государственные дела на высоту дел народных, конституировавшая политическое государство как всеобщее дело, т. е. как действительное государство, разбила все сословия, корпорации, цехи, привилегии и уничтожила тем самым политический характер гражданского общества. «Политическая эмансипация есть сведѐние человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к *эгоистическому, независимому* индивиду, с другой — к *гражданину государства,* к юридическому лицу.

Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом;* лишь тогда, когда человек познѐт и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы,— лишь тогда свершится человеческая эмансипация» *.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 406.

Наконец, Маркс исследует воззрение Бауэра, будто христианин более способен к эмансипации, чем еврей. Он и здесь разбивает теологическую формулировку вопроса, за рамки которой Бауэр, при всем своем критическом отношении к теологии, не выходит. Маркс хочет рассмотреть не еврея субботы, а еврея будней. Бесспорно, еврейский вопрос есть также вопрос религиозный, но он имеет под собой реальную мирскую основу. Не действительный еврей должен быть объясняем из еврейской религии, а, напротив, объяснения еврейской религии следует искать в действительном еврее. Таким образом, вопрос о способности еврея к эмансипации превращается для Маркса в вопрос: какой особый общественный элемент надо преодолеть, чтобы упразднить еврейство? Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги. «Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег* — следовательно, от практического, реального еврейства — была бы самоэмансипацией нашего времени.

Организация общества, которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно и возможность торгашества,— такая организация общества сделала бы еврея невозможным. Его религиозное сознание рассеялось бы в действительном, животворном воздухе общества, как унылый туман. С другой стороны, когда еврей признает эту свою *практическую* сущность ничтожной, трудится над ее упразднением,— тогда он высвобождается из рамок прежнего своего развития, трудится прямо для дела *человеческой эмансипации* и борется против *крайнего практического* выражения человеческого самоотчуждения» *. Маркс обнаруживает в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента, доведенного до нынешней своей ступени историческим развитием, в котором евреи приняли, в этом дурном направлении, ревностное участие; этот элемент достиг той высокой ступени развития, на которой он необходимо должен распасться.

Еврейство эмансипировалось на еврейский лад тем, что присвоило себе денежную власть, оно эмансипировалось благодаря тому, что деньги стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов. «Евреи настолько эмансипировали себя,

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 408.

насколько христиане стали евреями» *. Если Бауэр называет ложным такое положение вещей, при котором за евреем в теории не признается политических прав, тогда как на практике он располагает огромной властью, то указанное противоречие есть противоречие между политикой и денежной властью вообще. В то время как в идее политическая власть возвышается над денежной властью, она на самом деле стала рабыней последней. Еврейство сохранилось не вопреки истории, а благодаря ей; гражданское общество постоянно порождает еврея из собственных своих недр. Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого нет места никакому другому богу. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей; они лишили поэтому весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги представляют собой отчужденную от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность властвует над человеком, и человек поклоняется ей. Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека. И так как реальная сущность еврея получила свое всеобщее действительное осуществление в гражданском обществе, то гражданское общество не могло убедить еврея в недействительности его религиозной сущности. Общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства.

Другими словами, Маркс говорит: повседневные религиозные вопросы имеют ныне общественное значение, о религиозных вопросах как таковых нет больше речи. На историческое развитие еврейства он смотрит не глазами теолога, а глазами мирянина. Он прослеживает это развитие не в религиозной теории, а в промышленной и торговой практике, получающей свое фантастическое отражение в еврейской религии. Практическое еврейство получило свое завершение лишь в завершенном христианском мире; мало того, оно в сущности есть завершенная практика самого христианского мира. Так как гражданское общество носит насквозь коммерческий, еврейский характер и, следовательно, еврей наперед уже является необходимым членом его, то он имеет тем большее право на

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 409.

политическую эмансипацию, на пользование общечеловеческими правами.

Признание прав человека есть не что иное, как признание эгоистического гражданского индивида и необузданного движения духовных и материальных элементов, образующих содержание жизненного положения этого индивида, содержание современной гражданской жизни. Права человека не освобождают человека от религии, а только предоставляют ему свободу религии, они не освобождают его от собственности, а предоставляют ему свободу собственности, они не освобождают его от грязной погони за наживой, а только предоставляют ему свободу промысла. Признание прав человека современным государством имеет совершенно такой же смысл, как признание рабства античным государством. Подобно тому как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно так же современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество. Путем собственного своего развития гражданское общество разорвало старые политические оковы и создало современное государство, а это государство, в свою очередь, путем провозглашения прав человека признало свое собственное материнское лоно и свою собственную основу. Развитая современная государственность имеет своей необходимой основой развитое гражданское общество, другими словами, всеобщую борьбу человека против человека, индивида против индивида, взаимную войну всех индивидов, отделенных друг от друга уже только своей индивидуальностью, всеобщее необузданное движение стихийных жизненных сил, освобожденных от оков привилегий, фактическое рабство индивида при кажущейся свободе и независимости индивида, который принимает это необузданное движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религий и т. д., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой завершенное его рабство и полную бесчеловечность.

Анархия есть закон гражданского общества, эмансипировавшегося от расчленявших его привилегий, и анархия гражданского общества есть основа современного публично-правового состояния, так же как это публично-правовое состояние является в свою очередь гарантией этой анархии. Насколько сильно они противоположны друг

другу, настолько же сильно они взаимно обусловливают друг друга.

Этой критикой еврейского вопроса Маркс делает значительный шаг вперед в критике гегелевской философии права. Если Гегель поставил государство над обществом, то Маркс находит, что фактически общество стоит над государством. Маркс доказывает это положение на развитом буржуазном обществе и развитом современном государстве. Он указывает на то, что в античную и феодальную эпохи общество было так же, как и в современную эпоху, необходимой основой государства, а не наоборот. Однако лишь современная эпоха настолько упростила и в то же время настолько усилила противоположность между обществом и государством, что эта противоположность необходимо должна разрешиться в сознательную организацию общественных сил, которая в высшем синтезе уничтожит противоречие между общественной анархией и государственным принуждением, которая эмансипирует человека, сделав его господином над источниками своей жизни. Статьи Маркса в «Немецко-французском ежегоднике» содержат плодотворные зародыши материалистического понимания истории.

К самому еврейскому вопросу Маркс никогда больше не возвращался. То, что можно было сказать по этому вопросу, он сказал исчерпывающим образом. Необозримая литература, возникшая с тех пор по еврейскому вопросу, ни в одной своей мысли не идет дальше Маркса, а, напротив, сплошь и рядом отстает от его статьи в идейном отношении. Маркс не имеет ничего общего с антисемитизмом: он не только утверждает, *что* еврей имеет неоспоримое право на политическую эмансипацию, на пользование общечеловеческими правами, но и доказывает, *почему* еврей имеет такое право. Мало того, он говорит: политическая эмансипация представляет собой, конечно, большой прогресс, и если не вообще, то во всяком случае в пределах существующего до сих пор миропорядка она является последней формой человеческой эмансипации. Но, с другой стороны, Маркс не имеет также ничего общего с филосемитизмом, который хотел бы всякую критику, направленную против денежного еврейства, сразить несколькими красивыми стихами из «Натана Мудрого» Лессинга. Напротив, он рассматривает еврейство как продукт общественного развития, который в своей определен-

ной исторической форме возник из определенных исторических условий и исчезнет вместе с их исчезновением. Историческое развитие сделало еврейство, без вины, но не без участия с его стороны, носителем денежной власти и тем самым антисоциальным элементом, который неизбежно должен разложиться. Но разложится он в социалистическом обществе, которое будет вращаться уже не вокруг бога денег, а вокруг солнца труда.

Если бы мы резюмировали на языке наших дней то, что Маркс в то время сказал по еврейскому вопросу, то результат его исследования гласил бы: подобно человеческой эмансипации рабочего, подобно человеческой эмансипации женщины, также и человеческая эмансипация еврея возможна лишь в социалистическом обществе.

3. СТАТЬИ ЭНГЕЛЬСА

Как Маркс во французской революции, так Энгельс в английской промышленности искал и нашел разрешение своим сомнениям относительно борьбы и стремлений своего времени. Он видел, как ничем не сдерживаемое движение собственности, отчужденной от человека, повергает его (человека) в нищету, унижение, рабство, варварство; но он видел также, что собственность, действуя разлагающим образом на все частные интересы, прокладывает путь к великому перевороту нашего столетия — к примирению человека с природой и с самим собой.

В своих «Набросках к критике политической экономии» Энгельс называет буржуазную политическую экономию, начиная от Адама Смита, систему свободы торговли, тем же лицемерием и безнравственностью, которые во всех областях противостоят теперь свободной человечности. Буржуазная политическая экономия, разработавшая законы частной собственности, является шагом вперед по сравнению с меркантилистской [55] системой; она пугается, однако, последнего шага и не задается вопросом, какое оправдание имеет частная собственность. Поэтому она не может успешно преодолеть меркантилистскую систему: непоследовательность либеральной политической экономии должна неизбежно сказаться в ее составных частях. За лицемерной гуманностью новых экономистов скрывается варварство, о котором не имели представления старые экономисты; путаница понятий у старых экономистов представ-

ляется образцом простоты и последовательности в сравнении с фальшивой логикой новых; защитники свободы торговли — еще худшие монополисты, чем сами старые меркантилисты. Если они не в состоянии понять реставрации меркантилистской системы Листом, то связь все-таки очень проста. «Подобно тому как теология должна или вернуться к слепой вере, или идти вперед к свободной философии, так и свобода торговли должна привести на одной стороне к реставрации монополии, на другой — к уничтожению частной собственности» *. Во всех чисто экономических спорах защитники свободы торговли правы, поскольку они критикуют меркантилистов; иначе обстоит дело, когда они спорят с противниками частной собственности, умеющими экономические вопросы разрешать также и с экономической точки зрения более правильно, как это давно доказали в теории и на практике английские социалисты.

С этой общей точки зрения Энгельс исследует отдельные экономические категории: торговлю, стоимость, цену, земельную ренту, капитал, труд, конкуренцию. Вскрывая их непримиримые противоречия, он не выдвигает их, однако, как Прудон, в качестве предпосылок, исходя из которых можно спорить с политико-экономами; напротив, он доказывает, что они являются логическими проявлениями частной собственности. Подобно тому как Бруно Бауэр при самой резкой критике теологии не выходил все-таки никогда из области богословских предпосылок, так и Прудон, критикуя самым резким образом частную собственность, был опутан экономическими понятиями, вытекающими из частной собственности. Как там Маркс разбил богословские рамки вопроса, так Энгельс разбил здесь политико-экономические его рамки и привел его назад ко всеобщей, чисто человеческой основе.

При меркантилистской системе торговля открыто выставляла напоказ свою низменную алчность. Либеральная политическая экономия сделала ее более гуманной. Почему? Потому, что в интересах торговца быть в хороших отношениях как с тем, у кого он дешево покупает, так и с тем, кому он дорого продает. Чем дружественнее отношения, тем дело выгоднее. «Разве мы не низвергли варварство монополий, кричат лицемеры... разве мы не создали братство народов и не уменьшили число войн? —

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 547.

Да, все это вы сделали, но *как* вы это сделали! Вы уничтожили мелкие монополии, чтобы тем свободнее и безграничнее развивалась одна большая основная монополия — собственность; вы принесли цивилизацию во все концы света, чтобы приобрести новую территорию для развития вашей низменной алчности; вы побратали народы, но братством воров, и уменьшили число войн, чтобы тем больше наживаться в мирное время, чтобы обострить до крайности вражду отдельных лиц, бесчестную войну конкуренции!» * Но этого мало! После того, как либеральная политическая экономия употребила все свои усилия, чтобы путем уничтожения национальностей сделать вражду всеобщей, превратить человечество в стадо хищных зверей (ибо что же другое представляют собой конкуренты?), пожирающих друг друга именно потому, что каждый имеет одинаковый интерес со всеми другими,— после этой подготовительной работы ей остался только один шаг для достижения цели — разложение семьи. Это она выполнила при помощи собственного прекрасного изобретения — фабричной системы. При посредстве этой системы она разложила последний остаток общих интересов — общность имущества в семье. Энгельс указывает на обыденное уже тогда явление, по крайней мере в Англии, что дети, едва достигнув девятилетнего возраста, следовательно работоспособности, тратят свой заработок на себя, рассматривая родительский дом просто как платное пристанище и платя родителям известную сумму за стол и квартиру.

Энгельс находит, впрочем, что и землевладелец не лучше купца. «Он грабит, монополизируя землю. Он грабит, обращая в свою пользу рост населения, который повышает конкуренцию, а с ней и стоимость его земельного участка, обращая в источник своей личной выгоды то, что явилось результатом не его личных усилий, то, что совершенно случайно достается ему... Сделать предметом торгашества землю, которая составляет для нас все, которая является первым условием нашего существования, было последним шагом к торгашеству собой; это было и до нынешнего дня остается такой безнравственностью, которую превосходит лишь безнравственность торговли собой» **.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 550.
** Там же, стр. 556—557.

Энгельс говорит, что аксиомы, квалифицирующие способ наживы землевладельца как грабеж, устанавливающие, что каждый имеет право на продукт своего труда и что никто не должен собирать жатву там, где он не сеял, не являются его утверждением. Первая аксиома исключает обязанность кормить детей, вторая отнимает у каждого поколения право на существование, ибо каждое поколение наследует то, что оставлено предшествующим поколением. Эти аксиомы являются, напротив, следствиями частной собственности; нужно либо осуществить все вытекающие из нее следствия, либо отказаться от нее как от предпосылки.

Частная собственность разъединяет землю, мертвую и бесплодную без оплодотворяющей работы человека, и человеческую деятельность, первым условием которой является именно земля. Она разлагает человеческую деятельность опять-таки на труд и капитал и ставит их во враждебные отношения друг к другу. Но этой борьбы между землей, капиталом и трудом еще недостаточно: частная собственность разбивает и дробит еще каждый из этих элементов. Один земельный участок противостоит другому участку, один капитал — другому капиталу, одна рабочая сила — другой рабочей силе. Иными словами, так как частная собственность изолирует каждого в его собственной грубой обособленности и так как каждый имеет все-таки тот же интерес, что и его сосед, то землевладелец враждебно противостоит землевладельцу, капиталист — капиталисту и рабочий — рабочему. В этой враждебности одинаковых интересов, именно вследствие их одинаковости, завершается безнравственность теперешнего состояния человечества; это завершение есть конкуренция. «Она — главная категория экономиста, его любимейшая дочь, которую он не перестает ласкать и голубить,— но посмотрите, что за лицо медузы открывается здесь» *.

Энгельс доказывает прежде всего, что конкуренция заключает в себе такое же противоречие, как частная собственность, а именно резкое противоречие между общим и частным интересом. В интересах каждого отдельного человека — владеть всем, но общество заинтересовано в том, чтобы каждый владел наравне с другими. Таким образом, каждый должен желать для себя монополии,

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 559.

между тем как общество как таковое должно терять от монополии и потому должно ее устранить. Конкуренция уже предполагает монополию, а именно монополию собственности, и, покуда существует монополия собственности, до тех пор собственность на монополию имеет одинаковое с ней оправдание, ибо, раз уж дана монополия, она есть собственность. Какая жалкая поэтому половинчатость нападать на мелкие монополии и сохранять основную монополию, частную собственность!

Закон конкуренции состоит в том, что спрос и предложение всегда стремятся совпасть друг с другом и именно потому никогда не достигают вполне этой цели. Если спрос больше предложения, то цены повышаются и возбуждается предложение. Как только это увеличившееся предложение выявляется на рынке, цены падают, и при большом перевесе предложения над спросом падение цен бывает настолько значительным, что этим снова возбуждается спрос. «Так происходит все время; никогда не бывает здорового состояния, а всегда имеет место смена возбуждения и расслабления, исключающая всякий прогресс, вечное колебание, никогда не приходящее к концу. Этот закон, с его постоянным выравниванием, при котором потерянное в одном месте наверстывается в другом, экономист находит превосходным. Это его главная гордость, он не может досыта наглядеться на него и рассматривает его при всех возможных и невозможных условиях. И все же ясно, что закон этот — чисто естественный закон, а не закон духа. Это — закон, порождающий революцию. Экономист является со своей прекрасной теорией спроса и предложения, доказывает вам, что «никогда не может быть произведено слишком много», а практика отвечает торговыми кризисами, которые появляются снова так же регулярно, как кометы, и бывают у нас теперь в среднем через каждые пять — семь лет. За последние восемьдесят лет эти торговые кризисы наступали так же регулярно, как прежде большие эпидемии, и приносили с собой больше бедствий, больше безнравственности, чем эпидемии... Разумеется, эти торговые революции подтверждают закон, подтверждают его в полнейшей мере, но не тем способом, как нам это изображает экономист. Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что

участники здесь действуют бессознательно. Если бы производители как таковые знали, сколько нужно потребителям, если бы они организовали производство, распределили его между собой, то колебания конкуренции и ее тяготение к кризису были бы невозможны. Начните производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, и вы избавитесь от всех этих искусственных и несостоятельных противоположностей. Но до тех пор, пока вы продолжаете производство нынешним несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом, до тех пор останутся и торговые кризисы; и каждый последующий кризис должен быть универсальнее, следовательно — тяжелее предыдущего, должен разорять большее число мелких капиталистов и увеличивать в возрастающей прогрессии численность класса, живущего только трудом; должен, следовательно, заметно увеличивать массу людей, нуждающихся в получении работы, что является главной проблемой наших экономистов, и, наконец, все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов» *.

Конкуренция, борьба капитала с капиталом, труда с трудом, земельной собственности с земельной собственностью приводит производство в лихорадочное состояние, при котором ставятся на голову все его естественные и разумные отношения: никто из тех, кто вовлечен в конкурентную борьбу, не может выдержать ее без высшего напряжения своих сил, без отказа от всех истинно человеческих целей. «Следствием такого чрезмерного напряжения на одной стороне неизбежно является расслабление на другой. Когда колебание конкуренции незначительно, когда спрос и предложение, потребление и производство почти равны друг другу, в развитии производства должна наступить такая стадия, на которой окажется так много избыточной производительной силы, что огромной массе народа нечем будет жить, что люди станут умирать с голоду — и именно от избытка. В этом абсурдном положении, в этом состоянии воплощенной бессмыслицы уже продолжительное время находится Англия. Если же производство колеблется более сильно, что является необходимым следствием описанного положения вещей, то насту-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 560—561.

пает чередование расцвета и кризиса, перепроизводства и застоя. Экономист никогда не мог уяснить себе этого безумного состояния; чтобы объяснить его, он придумал теорию народонаселения, которая столь же бессмысленна и даже более бессмысленна, чем это противоречие одновременного существования богатства и нищеты» *. Прежде чем перейти, однако, к критическому разбору теории народонаселения, получившей распространение в том типическом виде, в каком ее сформулировал Мальтус [56], и составляющей догмат либеральной политической экономии, Энгельс предлагает собственное объяснение «удивительного факта», который «удивительнее всех чудес всех религий вместе взятых»,— что нация должна умирать с голоду как раз от богатства и избытка.

Он говорит, что производительная сила, находящаяся в распоряжении человечества, беспредельна. Урожайность земли можно повысить до бесконечности приложением капитала, труда и науки. По расчетам самых солидных экономистов и статистиков, «перенаселенная» Великобритания может быть приведена в течение 10 лет в такое состояние, что сможет производить хлеб в количестве, достаточном для населения, в 6 раз большего, чем нынешнее. Капитал растет с каждым днем, рабочая сила растет вместе с ростом населения, а наука все больше и больше подчиняет человеку силы природы. «Эта беспредельная производительная способность, будучи использована сознательно и в интересах всех, вскоре сократила бы до минимума выпадающий на долю человечества труд; предоставленная конкуренции, она выполняет то же самое, но в рамках противоположности. Одна часть земли подвергается наилучшей обработке, тогда как другая — в Великобритании и Ирландии 30 миллионов акров хорошей земли — остается невозделанной. Одна часть капитала обращается с невероятной быстротой, другая же лежит мертвой в сундуках. Одна часть рабочих работает по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки, тогда как другая остается без дела, без работы и умирает с голоду. Или же эти противоположности выступают не одновременно: сегодня торговля идет хорошо, спрос очень значителен, всюду идет работа, капитал оборачивается с удивительной быстротой, земледелие процветает, рабочие работают

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 563.

до изнеможения,— завтра наступает застой, земледелие не окупает затраченных на него усилий, большие площади земли остаются невозделанными, капитал в самом разгаре движения вдруг застывает, рабочие остаются без занятий, и вся страна страдает от избыточного богатства и избыточного населения» *. Как ни просто объяснение этого явления, но его никогда не осмелится признать либеральная политическая экономия, которой пришлось бы в таком случае отречься от всего великолепия системы конкуренции.

Вместо этого либеральная политическая экономия пыталась выйти из затруднения при помощи теории народонаселения. Мальтус утверждал, что население всегда давит на средства существования, что человеческому роду свойственна неизменная тенденция размножаться свыше имеющихся в его распоряжении средств существования; по его гипотезе, население растет в геометрической прогрессии (1 : 2 : 4 : 8 : 16 : 32 и т. д.), а производительная сила земли — только в арифметической (1 : 2 : 3 : 4 : 5 : 6 и т. д.). В постоянной перенаселенности либеральная политическая экономия усмотрела причину всей нищеты и всех пороков. Из нее она сделала следующие милые выводы: раздача милостыни есть преступление, так как она поддерживает прирост избыточного населения; напротив, очень полезно объявить бедность преступлением и превратить работные дома в тюрьмы и т. п. Правда, эта теория плохо согласовалась с библейским учением о совершенстве бога и его творения, но набожная английская буржуазия считала, что «плохо то опровержение, которое фактам противопоставляет библию!».

На эту «гнусную, низкую доктрину, это отвратительное кощунство против природы и человечества» с негодованием обрушивается Энгельс. Он задает вопрос: где же это доказано, что производительная способность земли растет в арифметической прогрессии? В противоположность этому голословному утверждению, Энгельс обращает внимание на успехи, которыми земледелие XIX в. обязано одной только химии, даже только двум лицам — сэру Гемфри Дэви и Юстусу Либиху. Смешно говорить о перенаселении, пока обработанной может считаться вообще только одна треть земли, и сама продукция этой

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 563—564.

трети земли может быть увеличена в 6 и более раз путем применения уже теперь известных улучшенных способов обработки. Мальтус делает две ошибки. Он упускает из виду, что избыточное население всегда связано с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью,— факт, рассмотрение которого должно привести к правильному пониманию дела. Затем Мальтус смешивает средства существования со средствами занятости. Что Мальтус действительно доказал и доказательство чего составляет его заслугу — это нечто иное: он доказал, что народонаселение всегда давит на средства занятости, что производство рабочей силы регулировалось до сих пор законом конкуренции и потому было также подвержено периодическим кризисам и колебаниям.

При всей несостоятельности либеральной теории народонаселения Энгельс признает исторический прогресс, который она представляет собой. Она обратила внимание на производительную силу земли и человечества, она дает сильнейшие экономические аргументы в пользу социального преобразования. «При посредстве этой теории мы стали понимать глубочайшее унижение человечества, его зависимость от условий конкуренции; она показала нам, как в конце концов частная собственность превратила человека в товар, производство и уничтожение которого тоже зависит лишь от спроса; как вследствие этого система конкуренции убивала и ежедневно убивает миллионы людей; все это мы увидели, и все это побуждает нас покончить с этим унижением человечества путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов» *.

К тому же результату Энгельс приходит, когда рассматривает вопрос, каким образом конкуренция влияет на соотношение сил труда, капитала и земельной собственности. «Прежде всего, земельная собственность и капитал — и то и другое в отдельности — сильнее труда, потому что рабочий, чтобы прожить, должен работать, тогда как земельный собственник может жить на свою ренту, а капиталист — на свои проценты, в крайнем случае, на свой капитал или за счет капитализированной земельной собственности. Вследствие этого рабочему достается лишь самое необходимое, одни только средства

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 567.

существования, тогда как бо̀льшая часть продуктов делится между капиталом и земельной собственностью. Кроме того, более сильный рабочий вытесняет с рынка более слабого, больший капитал — меньший, крупная земельная собственность — мелкую. Практика подтверждает это заключение. Преимущества крупного фабриканта и купца перед мелким, крупного землевладельца перед владельцем одного-единственного моргена земли — известны. Следствием этого является то, что уже при обычных условиях крупный капитал и крупная земельная собственность поглощают по праву сильного мелкий капитал и мелкую земельную собственность, т. е. происходит централизация собственности. Во время торговых и сельскохозяйственных кризисов эта централизация происходит еще гораздо быстрее.— Вообще крупная собственность растет значительно быстрее мелкой потому, что на издержки по владению здесь вычитается из дохода значительно меньшая доля. Эта централизация владения есть закон, столь же имманентный частной собственности, как и все другие законы; средние классы должны все более и более исчезать, пока мир не окажется разделенным на миллионеров и пауперов, на крупных землевладельцев и бедных поденщиков. Никакие законы, никакое деление земельной собственности, никакие случайные дробления капитала ничуть не помогут...» * Свободная конкуренция порождает монополию так же, как монополия порождает конкуренцию; из этой дилеммы есть только один выход — устранение принципа, создающего ту и другую, т. е. устранение частной собственности.

Конкуренция пронизала все жизненные отношения людей; она господствует не только над численным ростом человечества, но и над его нравственным развитием. «Кто несколько знаком со статистикой преступности, тому должна бросаться в глаза своеобразная регулярность, с какой ежегодно возрастает преступность и с какой определенные причины порождают определенные преступления... Эта регулярность доказывает, что и преступность управляется конкуренцией; что общество порождает *спрос* на преступность, который удовлетворяется соответствующим *предложением*» **. Насколько справедливо при таких

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 568—569.
** Там же, стр. 570.

обстоятельствах, не говоря уже о всех прочих, наказывать преступников, об этом Энгельс предоставляет судить своим читателям. Указав на то, что конкуренция распространилась и на область морали, он хочет только показать, до какой глубокой деградации частная собственность довела человека.

Энгельс указывает, наконец, что при теперешних условиях земельная собственность и капитал имеют в своей борьбе против труда еще одного могущественного союзника — науку. «Например, почти все механические изобретения, в особенности бумагопрядильные машины Харгривса, Кромптона и Аркрайта, были вызваны недостатком в рабочей силе. Усиленный спрос на труд всегда влек за собой изобретения, которые значительно увеличивали силу труда и потому уменьшали спрос на человеческий труд. История Англии с 1770 г. до наших дней — непрерывное тому доказательство. Последнее крупное изобретение в бумагопрядении — сельфактор — было вызвано исключительно спросом на труд и ростом заработной платы; оно удвоило работу машин и тем наполовину сократило ручной труд, лишило половину рабочих работы и в результате этого понизило заработную плату другой половины; оно уничтожило сговор рабочих против фабрикантов и разрушило тот последний остаток силы, который еще позволял труду выдерживать неравную борьбу против капитала» *. Энгельс восстает против утверждения экономистов, что в конечном результате машины выгодны, дескать, для рабочих, ибо, удешевляя производство, они создают новый, более широкий рынок для своих продуктов и таким образом дают вновь занятие оставшимся без работы рабочим. В доказательство он ссылается на установленный экономистами же закон, по которому рабочая сила всегда давит на средства занятости. Следовательно, если бы указанные выгоды и должны были наступить, они оказались бы призрачными по той причине, что избыток конкурентов, ищущих работы, опять стоит наготове, между тем как невыгода — внезапное лишение средств существования для одной половины рабочих и падение заработной платы для другой половины — отнюдь не призрачна.

В тесной связи с этими высказываниями, содержащими критику буржуазной политической экономии, находится

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 570—571.

другая статья Энгельса, опубликованная в «Немецко-французском ежегоднике»,— критическое извлечение из памфлета Карлейля «Прошлое и настоящее». Энгельс начинает с того, что резкими штрихами рисует картину духовного обнищания английской аристократии и буржуазии; он называет образованного англичанина, по которому на континенте судят об английском национальном характере, самым презренным рабом в мире — рабом, задыхающимся в предрассудках, особенно в предрассудках религиозных. «Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения, несмотря на всю их грубость и на всю их деморализацию. От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее» *. Энгельс рассказывает, что когда «Жизнь Христа» Штрауса пришла на ту сторону Ламанша, то ни один благопристойный человек не осмелился перевести книгу, ни один видный издатель напечатать ее. «Наконец, какой-то социалистический lecturer (для этого специального агитаторского термина не существует немецкого слова), т. е. человек самого нефешенебельного общественного положения, перевел ее, мелкий типограф, социалист, напечатал ее отдельными выпусками, каждый ценой в пенни, и рабочие Манчестера, Бирмингема и Лондона оказались в Англии единственной читательской публикой для Штрауса» **. Из двух партий, на которые делится образованная Англия, Энгельс находит сравнительно более беспристрастный взгляд на вещи у тори: они видят в промышленности, в лучшем случае, необходимое зло, так как она сломила их могущество и единовластие; между тем виги находят, что в промышленности, дающей им власть и богатство, все безупречно, и в ее расширении усматривают единственную цель всякого законодательства. Тори-филантропы, как лорд Эшли, Ферранд, Уолтер, Остлер и др., взяли на себя обязанность защищать фабричных рабочих от фабрикантов. Томас Карлейль также принадлежал сначала к тори и все еще стоит ближе к этой партии, чем к вигам. Виг никогда не мог бы

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 574.
** Там же, стр. 575.

написать книгу, хотя бы наполовину такую человечную, как «Прошлое и настоящее»,— единственную достойную чтения книгу в английской литературе 1843 г., единственную затрагивающую человеческие струны, говорящую о человеческих отношениях и носящую на себе отпечаток человеческого образа мыслей.

Книга Карлейля — это параллель между Англией XII в. и Англией XIX в. Она самым мрачным образом смотрит на настоящее и рисует его красками, горящими от жгучего стыда; она гневно грозит ему пророческим языком потрясающей силы. Тунеядствующая землевладельческая аристократия, «не научившаяся даже сидеть смирно и по крайней мере не творить зла»; деловая аристократия, погрязшая в служении маммоне и представляющая собой банду промышленных разбойников и пиратов, вместо того чтобы быть собранием руководителей труда, «военачальниками промышленности»; парламент, избранный посредством подкупа; житейская философия простого созерцания и бездействия; подточенная, разлагающая религия; полный распад всех общечеловеческих интересов; всеобщее разочарование в истине и в человечестве; хаотическое, дикое смешение всех жизненных отношений; война всех против всех; несоразмерно многочисленный рабочий класс, находящийся в невыносимом угнетении и нищете, охваченный яростным недовольством и возмущением против старого социального порядка, и вследствие этого грозная, непреодолимо продвигающаяся вперед демократия; повсеместный хаос, беспорядок, анархия, распад старых связей общества, всюду духовная пустота, безыдейность и упадок сил — таково было, по Карлейлю, положение Англии в 40-х годах. Он сознается, что не располагает универсальным средством для исцеления социального зла, не имеет «моррисоновых пилюль», как он выражается на своем оригинальном языке.

До этого пункта Энгельс соглашается с Карлейлем, хотя не без оговорок. Он пишет: «Всякая социальная философия, пока она еще провозглашает какие-нибудь два-три положения своим конечным выводом, пока она прописывает моррисоновы пилюли, еще очень далека от совершенства; не голые выводы, а, наоборот, *изучение* — вот что нам больше всего нужно: выводы — ничто без того развития, которое к ним привело,— это мы знаем уже со времен Гегеля,— и выводы более чем бесполезны, если

они превращаются в нечто самодовлеющее, если они не становятся снова посылками для дальнейшего развития. Но выводы должны принять на время определенную форму, они в развитии своем должны освободиться от расплывчатой неопределенности и сложиться в ясные мысли, и тогда они,— во всяком случае, у такой чисто эмпирической нации, как англичане,— неизбежно должны принять форму «моррисоновых пилюль»» *. Энгельс дает затем объяснение английского скептицизма. Результат всей английской философской мысли — это признанное бессилие разрешить противоречия, на которые она наталкивается в конечном счете; отсюда, с одной стороны, возвращение к вере, с другой — приверженность к чистой практике, равнодушие к метафизике и пр. Английские социалисты, о которых Карлейль не упоминает ни словом во всех своих рапсодиях,— чистые практики, и потому они предлагают и такие мероприятия, несколько напоминающие «моррисоновы пилюли», как основание колоний внутри страны и т. д. Их философия — чисто английская, скептическая, т. е. они потеряли веру в теорию и на практике придерживаются материализма, на котором покоится вся их социальная система. Они односторонни, но односторонен также и Карлейль. И социалисты и Карлейль преодолели противоречие лишь в пределах противоречия: социалисты — в пределах практики, Карлейль — в пределах теории; чего не хватает обоим — это знания немецкой философии. Энгельс надеется, что английские социалисты сами придут к ней; незачем спешить навязывать им немецкую философию, которая на первых порах и не может принести им особенно большой пользы. Но Энгельс думает также, что Карлейлю остается сделать только один шаг, хотя, как показал весь опыт Германии, тяжелый шаг, чтобы преодолеть то противоречие, в котором он запутался.

Карлейль заявляет, что все бесполезно и бесплодно, пока человечество упорствует в атеизме, пока оно не обрело снова своей «души». Под атеизмом он понимает не неверие в личного бога, а неверие во внутреннюю сущность вселенной, в ее бесконечность, неверие в разум; его борьба направлена не против неверия в откровения библии, а против «самого страшного неверия, неверия в биб-

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 585.

лию всемирной истории». Он пантеист в духе Спинозы, Гёте, молодого Шеллинга. Его религия будущего имеет своего пророка в лице Гёте и свой культ — в труде. Пантеизм Карлейля — последняя форма религии, но это все еще религия: он все еще не может вырваться из дуализма, все еще признает нечто более высокое, чем человек как таковой. Соответственно с этим Карлейль верит только во временную, но не в прочную победу демократии. В своей жажде жизни, говорит он, миллионы трудящихся отбросят ложное руководство и будут в течение некоторого времени надеяться, что они обойдутся без руководителей. Но это будет продолжаться только один момент. Великая задача останется еще неразрешенной — задача руководства человечеством через посредство его истинных вождей, через посредство «военачальников промышленности», героев, лучших людей, лидерство которых сумело бы совместить неизбежную демократию с необходимым суверенитетом.

Против этого воззрения Карлейля Энгельс выдвигает результаты, добытые Бруно Бауэром и Фейербахом. Жалобы Карлейля, говорит он, справедливы, но одними жалобами ничего не сделаешь; чтобы избавиться от зла, нужно вскрыть его причины. Если бы Карлейль сделал это, он нашел бы, что атеизм и бездушие, против которых он выступает с обвинительным актом, имеют свою основу в самой религии. Религия по существу своему есть выхолащивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего, неземного бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих. «Мы тоже нападаем на лицемерие современного христианского миропорядка; борьба с ним, наше освобождение от этого лицемерия и освобождение мира от него, в конце концов, являются нашим единственным насущным делом; но так как мы пришли к познанию этого лицемерия благодаря развитию философии и так как мы ведем борьбу на научной основе, то сущность этого лицемерия не является для нас столь загадочной и непонятной, какой она, несомненно, еще представляется Карлейлю. Это лицемерие мы также относим за счет религии, первое слово которой есть ложь,— разве религия не начинает с того, что, показав нам нечто человеческое, выдает его за нечто сверхчеловеческое, божественное? Но так как мы знаем, что вся эта

ложь и безнравственность проистекает из религии, что религиозное лицемерие, теология, является прототипом всякой другой лжи и лицемерия, то мы вправе распространить название теологии на всю неправду и лицемерие нашего времени, как это впервые сделали Фейербах и Б. Бауэр. Пусть Карлейль прочтет их сочинения, если он желает знать, откуда проистекает безнравственность, отравляющая все наши отношения» *. Энгельс прибавляет, что все возможности религии исчерпаны; невозможно основать новую религию, вроде пантеистического культа героев или культа труда, и возлагать на нее свои надежды. После христианства ни одна религия не представляется больше возможной; невозможен и пантеизм, который сам еще представляет собой вывод из христианства, неотделимый от своей предпосылки, как это опять-таки доказал Фейербах.

Энгельс также хочет покончить с таким атеизмом, каким его изображает Карлейль, но иным путем: он возвращает человеку содержание, которое тот потерял из-за религии, но возвращает уже как человеческое, а не божественное содержание, и все возвращение сводится просто к пробуждению самосознания. Претензия человеческого и естественного быть сверхчеловеческим, сверхъестественным есть корень всей неправды и лжи. «Поэтому-то мы раз и навсегда объявили войну также религии и религиозным представлениям и мало беспокоимся о том, назовут ли нас атеистами или как-нибудь иначе. Между тем, если бы карлейлевское пантеистическое определение атеизма было правильным, настоящими атеистами оказались бы не мы, а наши христианские противники. Нам в голову не приходит нападать на «вечные внутренние факты вселенной»; напротив, только мы и обосновали их настоящим образом, доказав их вечность и защитив их от всемогущего произвола противоречивого в себе самом бога... Нам в голову не приходит подвергать сомнению или презирать «откровение истории»; история — это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 591.

В презрении к истории, в невнимании к развитию человечества повинна целиком другая сторона; в этом повинны опять-таки христиане, которые, построив особую «историю царствия божия», отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же еще вымышленной историей; утверждая, что человеческий род достигает завершения в их Христе, они приписывают истории мнимую конечную цель, якобы достигнутую Христом; они обрывают историю посреди ее течения и уже поэтому, последовательности ради, должны выдавать дальнейшие восемнадцать веков за дикую бессмыслицу и полную бессодержательность. *Мы* требуем, чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека. Нам нет надобности призывать сначала абстракцию какого-то «бога» и приписывать ей все прекрасное, великое, возвышенное и истинно человеческое для того, чтобы увидеть величие человеческого существа, понять развитие рода в истории, его неудержимый прогресс, его всегда обеспеченную победу над неразумием отдельного индивида, преодоление человеческим родом всего, что кажется сверхчеловеческим, его суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в конце концов, свободного, человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях... *Безбожие* нашего времени, на которое так сетует Карлейль, есть именно его *богопреисполненность*... До сих пор вопрос всегда гласил: что̀ есть бог? — и немецкая философия разрешила его так: бог — это человек. Человек должен лишь познать себя самого, сделать себя самого мерилом всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы, — и тогда загадка нашего времени будет им разрешена...

Все это имеется и у Гёте, «пророка», и у кого глаза открыты, тот может это у него обнаружить. Гёте неохотно имел дело с «богом»; от этого слова ему становилось не по себе; только человеческое было его стихией, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии как раз и составляет величие Гёте. В этом отношении с ним не

могут сравниться ни древние, ни Шекспир. Но эту совершенную человечность, это преодоление религиозного дуализма может постигнуть во всем его историческом значении лишь тот, кому не чужда другая сторона немецкого национального развития — философия. То, что Гёте мог высказать лишь непосредственно, т. е. в известном смысле, конечно, «пророчески», получило развитие и обоснование в новейшей немецкой философии» *.

Уже из этой критики внутренней, религиозной стороны точки зрения Карлейля ясно, что думает Энгельс о внешней, политико-социальной ее стороне, о его культе героев и всем прочем, сюда же относящемся. «...Словно эти герои,— замечает Энгельс,— в лучшем случае могли бы быть больше, чем *людьми*. Если бы он (Карлейль.— *Ред.*) постиг человека как человека, во всей его бесконечности, то не пришел бы к мысли снова делить человечество на два скопища — овец и козлищ, правящих и управляемых, аристократов и чернь, господ и простаков; тогда он нашел бы истинное социальное призвание таланта не в том, чтобы насильственно управлять, а в том, чтобы побуждать других и идти впереди них. Талант должен убедить массу в истинности своих идей, и тогда ему больше не придется беспокоиться об их осуществлении, которое совершенно само собой последует за их усвоением» **. Карлейль прав, конечно, называя демократию переходной ступенью, только вопреки его мнению это переходная ступень не к новой, улучшенной аристократии, а к истинной, человеческой свободе, точно так, как иррелигиозность нашего времени приведет в конце концов к полному освобождению от всего религиозного, сверхчеловеческого и сверхъестественного, а не к его восстановлению.

Энгельс заканчивает каждую из двух своих статей обещанием заняться вскоре подробнее фабричной системой, положением Англии и ее ядра — рабочего класса. Скорая гибель «Немецко-французского ежегодника» не позволила ему исполнить свое обещание в той форме, которую он первоначально имел в виду, но он сделал это впоследствии иным путем.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 592, 593, 594.
** Там же, стр. 595.

4. «СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО»

Прежде чем продолжать, однако, начатую в «Немецко-французском ежегоднике» выработку собственного положительного мировоззрения, Маркс и Энгельс объединились для выполнения своей первой совместной работы, для критического анализа немецкого идеализма, поскольку он находил еще достойных внимания представителей в лице Бруно Бауэра и берлинских «свободных». Благодаря своим статьям в ежегоднике Маркс и Энгельс вступили в оживленную переписку, и в сентябре 1844 г. Энгельс приехал на несколько дней в Париж, чтобы посетить Маркса. Тем же месяцем датировано предисловие к книге, вышедшей в 1845 г. во Франкфурте-на-Майне под заглавием: «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Соч. Фридриха Энгельса и Карла Маркса. Книга не находится ни в какой внешней связи с «Немецко-французским ежегодником», но по своему внутреннему содержанию она всецело относится к тому кругу идей, который Маркс и Энгельс уже очертили в названном журнале. До известной степени она является первым практическим испытанием прочности и надежности новой точки зрения, к которой они пришли, испытанием, которое в случае его удачи должно было, конечно, обеспечить этой точке зрения новые опорные пункты.

В предисловии авторы говорят, что цель «Святого семейства» — разъяснить широкой публике иллюзии, порождаемые спекулятивной философией. *«У реального гуманизма,*— пишут они,— нет в Германии более опасного врага, чем *спиритуализм,* или *спекулятивный идеализм,* который на место *действительного индивидуального человека* ставит *«самосознание»,* или *«дух»,* и вместе с евангелистом учит: «Дух животворящ, плоть же немощна». Само собой разумеется, что этот бесплотный дух только в своем воображении обладает духовными, умственными силами. То в *бауэровской* критике, против чего мы ведем борьбу, есть именно *карикатурно* воспроизводящая себя *спекуляция.* Мы видим в ней самое законченное выражение *христианско-германского* принципа, делающего свою последнюю попытку — утвердить себя посредством превращения самой *«критики»* в некую трансцендентную силу» *.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 7.

Изложение Маркса и Энгельса посвящено первым восьми выпускам «Всеобщей литературной газеты»[57], ежемесячника, который Бруно Бауэр издавал со своим братом Эдгаром, а также Фаухером, Юнгницем, Шелигой и др. в Шарлоттенбурге с декабря 1843 г.

В этом журнале берлинские «свободные» сделали попытку обосновать свое мировоззрение, исследовать историческое значение всех важных явлений, оказывавших влияние на современную жизнь,— религии и философии, христианства и еврейства, пауперизма и социализма, английской промышленности и французской революции,— свершить над всеми ними суд пред судилищем абсолютного самосознания и критической критики. Программа журнала заключалась до известной степени в положении Бруно Бауэра: «Все великие дела прежней истории потому именно были *с самого начала* неудачны и лишены действительного успеха, что масса была в них *заинтересована,* что они *вызывали энтузиазм* массы. Другими словами, дела эти должны были иметь жалкий конец потому, что идея, лежавшая в основе этих дел, была такого рода, что она должна была довольствоваться поверхностным пониманием себя, а следовательно и рассчитывать на одобрение массы». Противоположность между «духом» и «массой» проходит красной нитью через всю «Всеобщую литературную газету», которая заявляет, что «дух знает теперь, где ему *искать своего* единственного *противника,*— в самообманах и дряблости массы».

В известном отношении эта точка зрения была схожа с той точкой зрения, из которой исходили великие утописты. Массовые движения, подобные французской революции, которые, казалось бы, перевернули мир вверх дном, потерпели неудачу и завершились установлением весьма пошлого деспотизма торгашей. Всякий прогресс духа оказывался до сих пор прогрессом в ущерб массе человечества, которая попадала во все более и более бесчеловечное положение. Фурье и Оуэн также выступали в известном смысле как представители активного духа по отношению к пассивной массе. Разница была лишь в том, что перед ними было развитое буржуазное общество, тогда как Бауэры и их приверженцы жили в феодально-отсталом и зараженном мещанством обществе, в том, что первые были практическими, деловыми людьми, а вторые — немецкими философами, в том, что первые опира-

лись на французский материализм, а вторые — на немецкий идеализм, в том, что первые исследовали основы действительного общества, отношения человека к промышленности и природе, тогда как вторые делали воображаемый дух руководителем воображаемой истории.

«Всеобщая литературная газета» судила столь же отрицательно, сколь нелепо обо всех «массовых» движениях своей эпохи. Она относилась к английской промышленности так же немилостиво, как к французской революции; жизнь и деятельность западноевропейских культурных народов были для нее в большей или меньшей степени предметом отвращения. Но даже для немецких условий она представляла собой значительный регресс. Она не только поступилась тем, что было завоевано Фейербахом, но сделала также и из гегелевской философии печальную карикатуру. Заставляя абсолютный дух в качестве творческого мирового духа всегда лишь задним числом приходить к сознанию в философе, Гегель, в сущности, имел в виду лишь то, что абсолютный дух проделывает историю в спекулятивном воображении для видимости. При этом Гегель весьма настойчиво протестовал против неправильного толкования, будто философский индивид и есть сам абсолютный дух. Напротив, Бауэр и его приверженцы рассматривали себя как личные воплощения критики, абсолютного духа, который через них сознательно играет роль мирового духа в противоположность к остальному человечеству. Если гегелевская философия была спекулятивным выражением христианско-германской догмы о господстве бога над миром, духа над материей, то «Всеобщая литературная газета» была критической карикатурой, в которой гегелевская философия сама доводила себя до абсурда. Ее точка зрения настолько была лишена опоры и повисла в воздухе, что даже в философской атмосфере Германии она очень скоро улетучилась. «Всеобщая литературная газета» не пошла дальше двенадцати месячных выпусков, и в заключительном слове к «Святому семейству» Маркс и Энгельс еще имели возможность сами сообщить об ее кончине.

В связи с этим находится упрек, который был сделан «Святому семейству» тотчас после его выхода в свет: оно-де ломится в открытые двери. Руге писал одному другу его авторов: «Жаль, что «Литературная газета» не была Гибралтаром». Затем он говорил еще о «кипящем потоке

злобных и низких нападок», которым-де авторы «ошпарили» своего прежнего интимнейшего друга. В действительности же книга не была ни злобной, ни низкой, ни изменой дружбе, связывавшей прежде Энгельса и Маркса с Бруно Бауэром. Ничего лично оскорбительного для Бауэров она не содержит; она констатирует лишь на примере их публичной писательской деятельности окончательное банкротство идеалистической философии. Авторы ее имели на это тем большее право, что «Всеобщая литературная газета» вела постоянную полемику против поворота к практической жизни, сделанного Марксом в «Рейнской газете» и «Немецко-французском ежегоднике», и что она в своем чрезмерном, диком самомнении всячески помогала домартовской реакции и даже выказывала дружеское расположение к цензуре и цеховому строю.

Для Маркса и Энгельса полемика против Бауэров была подготовительной работой по расчистке почвы; они предпослали эту полемику самостоятельным сочинениям, в которых хотели — каждый за себя — изложить свои положительные воззрения и, следовательно, свое положительное отношение к новейшим философским и социальным доктринам. Теперешнему читателю эта полемика часто может казаться слишком мелочной, особенно в тех ее частях, где речь идет об Юнгнице, Шелиге и других забытых ныне величинах критической критики, у читателя иной раз создается впечатление утомительного многословия. То мастерство эпиграмматической критики, которое так часто обнаруживали потом Маркс и Энгельс, не везде еще заметно в их первой совместной работе. Возможно, однако, что необходимость разогнать книгу до двадцати печатных листов, чтобы избавить ее от немецкой цензуры, побудила авторов войти во многие подробности, которыми они при иных условиях охотно пренебрегли бы. В книге кое-где звучит, пожалуй, нотка юношеской самонадеянности, но нигде нет и звука низкой злобности или чего-либо подобного. Когда более чем поколение спустя Бруно Бауэр умер, одинокий и забытый, Энгельс был единственным человеком, который в прекрасном некрологе по достоинству оценил действительные заслуги покойного.

Неверно и то мнение, будто «Святое семейство» «ломилось в открытые двери». Доказательство того состояния деградации, до которого опустилась идеалистическая

философия, даже в том, что касалось языка и стиля, было еще самой малой заслугой книги. Главное состоит в том, что в книге уже блестяще выступает другая отличительная особенность полемики Маркса и Энгельса — тот плодотворный дух, который бьет идеологические измышления положительными фактами, который, разрушая, в то же время творит и, ломая, созидает. Так, нескольким критическим фразам Бруно Бауэра Маркс противопоставил «земную массовидную историю» французского материализма, изложив ее в сжато и сильно написанном очерке. В полемике против Юлиуса Фаухера Энгельс осветил с надлежащей исторической точки зрения классовую борьбу, бушевавшую в Англии между крупным землевладением, капиталом и трудом; при этом он так мало «ломился в открытые двери», что ему даже не удалось разбудить уснувшие чувства немецкой интеллигенции. То же относится к освещению событий французской революции, с которым Маркс выступил против высокомерных фраз Бруно Бауэра об «эксперименте XVIII века».

В этих разделах «Святого семейства» так же, как в других разделах, содержащих полемику против Бруно Бауэра по еврейскому вопросу, Маркс расширил и углубил мысли, уже изложенные им в «Немецко-французском ежегоднике». Против приведенного выше главного положения Бауэра, согласно которому все великие дела прежней истории потому именно были с самого начала неудачны и лишены действительного успеха, что масса была в них заинтересована, что они вызывали энтузиазм массы, или потому, что идея, лежавшая в основе этих дел, должна была рассчитывать на одобрение массы,— против этого положения Маркс возражает: *««Идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса»*. С другой стороны, нетрудно понять, что всякий массовый, добивающийся исторического признания *«интерес»*, когда он впервые появляется на мировой сцене, далеко выходит в *«идее»*, или *«представлении»*, за свои действительные границы и легко смешивает себя с *человеческим* интересом вообще. Эта *иллюзия* образует то, что *Фурье* называет *тоном* каждой исторической эпохи. *Интерес* буржуазии в революции 1789 г., далекий от того, чтобы быть *«неудачным»*, все *«выиграл»* и имел *«действительный успех»*, как бы впоследствии ни рассеялся дым *«пафоса»* и как бы ни увяли *«энтузиастические»* цветы, кото-

рыми он украсил свою колыбель. Этот *интерес* был так могущественен, что победоносно преодолел перо Марата, гильотину террористов, шпагу Наполеона, равно как и католицизм и чистокровность Бурбонов. «Неудачной» революция была только для той массы, для которой *политическая* «идея» не была идеей ее действительного *«интереса»,* истинный жизненный принцип которой не совпадал поэтому с жизненным принципом революции,— для той массы, реальные условия освобождения которой существенно отличны от тех условий, в рамках которых буржуазия могла освободить себя и общество» *. Революция была неудачна потому, что та масса, жизненными условиями которой, по существу, ограничилась революция, была массой ограниченной и исключительной, не охватывавшей всей совокупности населения, потому, что для самой многочисленной, отличной от буржуазии, части массы принцип революции не был ее действительным интересом, а был только «идеей».

Иллюзия террористов заключалась в том, что современное государство, основанное на буржуазном обществе, они хотели создать по образцу античного государства, основанного на рабстве. «Какое колоссальное заблуждение — быть вынужденным признать и санкционировать в *правах человека* современное буржуазное общество, общество промышленности, всеобщей конкуренции, свободно преследующих свои цели частных интересов, анархии, самоотчужденной природной и духовной индивидуальности,— быть вынужденным признать и санкционировать все это и вместе с тем желать аннулировать вслед за тем в лице отдельных индивидуумов *жизненные проявления* этого общества и в то же время желать построить по *античному* образцу *политическую верхушку* этого общества!» **. Иллюзия Наполеона заключалась в том, что он рассматривал государство как самоцель, а гражданскую жизнь — только как своего казначея и подчиненного, который не вправе иметь свою собственную волю. И террористы и Наполеон потерпели крушение из-за своих иллюзий. Затем против буржуазии снова выступила контрреволюция. «Наконец, в 1830 г. она осуществила свои желания 1789 г. с той только разницей, что

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 89.
** Там же, стр. 136.

ее *политическое просвещение* теперь было *завершено*, что она не видела больше в конституционном представительном государстве идеала государства, не думала больше, что, добиваясь конституционного представительного государства, она стремится к спасению мира и к достижению общечеловеческих целей, а, напротив, рассматривала это государство как *официальное* выражение своей *исключительной* власти и как *политическое* признание своих *особых* интересов» *. Но «жизненная история французской революции, ведущей свое летосчисление с 1789 г., не закончилась еще 1830 годом» — этим энергичным указанием Маркс заканчивает раздел о французской революции.

В обобщенной форме вывод Маркса из этих и других исторических экскурсов в «Святом семействе» гласит: «...*Естественная необходимость, свойства человеческого существа*, в каком бы отчужденном виде они ни выступали, *интерес*,— вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества. *Реальной* связью между ними является не *политическая*, а *гражданская* жизнь. Не *государство*, стало быть, сцепляет между собой *атомы* гражданского общества (как утверждал Бруно Бауэр.— *Прим. Меринга*), а именно то обстоятельство, что они *атомы* только в *представлении*, на *небе* своего воображения, а в *действительности* — существа, сильнейшим образом отличающиеся от атомов, что они не *божественные эгоисты*, а *эгоистические люди*. Только *политическое суеверие* способно еще воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство» **. На презрительные высказывания Бруно Бауэра о природе и промышленности Маркс отвечает:

«Или критическая критика полагает, что она дошла хотя бы только до *начала* познания исторической действительности, исключив *из* исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и промышленность? Или она думает, что действительно познала какой бы то ни было исторический период, не познав, например, промышлен-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 138.

** Там же, стр. 134.

ности этого периода, непосредственного способа производства самой жизни? Правда, спиритуалистическая, *теологическая* критическая критика знакома (знакома, по крайней мере, в своем воображении) лишь с политическими, литературными и теологическими громкими деяниями истории. Подобно тому как она отделяет мышление от чувств, душу от тела, себя самое от мира, точно так же она отрывает историю от естествознания и промышленности, усматривая материнское лоно истории не в грубо-*материальном* производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на небе» *. В этих положениях перед нами уже поднимаются молодые ростки материалистического понимания истории.

Маркс и Энгельс еще стоят в духовной зависимости, с одной стороны, от Фейербаха, с другой — от английского и французского социализма, но эту зависимость менее всего можно назвать рабской. Они, безусловно, признают гениальные работы Фейербаха, признают заслугу, которую он приобрел, дав великую и мастерскую разработку основ для критики всякой метафизики и поставив человека на место старого хлама, в том числе и бесконечного самосознания. Но через гуманизм Фейербаха они идут дальше к социализму, через абстрактного человека — к историческому. С достойной восхищения проницательностью они разбираются в еще хаотически перемешивающемся мире западноевропейского социализма. Они разоблачают тайну заигрываний с социализмом, которыми доставляла себе удовольствие сытая буржуазия. Они указывают, что самые человеческая нищета и бесконечная отверженность, вынуждающие принимать милостыню, служат забавой для аристократии денег и образования, существуют для удовлетворения ее себялюбия, для щекотания ее тщеславия: таков единственный смысл многочисленных благотворительных союзов в Германии, многочисленных благотворительных обществ во Франции, многочисленных благотворительных донкихотских предприятий в Англии, концертов, балов, спектаклей, обедов в пользу бедных, даже сбора пожертвований для потерпевших от несчастных случаев.

Из великих утопистов наибольший вклад в идейное содержание «Святого семейства» внес Фурье. Энгельс

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 166.

проводит, однако, различие между Фурье и фурьеризмом; он говорит, что тот разбавленный водой фурьеризм, который проповедуется газетой «Мирная демократия», есть не что иное, как социальное учение части филантропической буржуазии. Маркс указывает, что «организация труда» представляет собой не лозунг социалистов, а лозунг политически-радикальной партии, которая пытается осуществить во Франции компромисс между политикой и социализмом. Оба автора не перестают подчеркивать тот факт, который никогда не понимали великие утописты,— историческое развитие, самостоятельное движение рабочего класса. На заумное замечание Эдгара Бауэра, что «рабочий не делает ничего, поэтому он ничего и не имеет; не делает же он ничего потому, что его работа всегда остается чем-то единичным, рассчитана на удовлетворение его собственнейшей потребности и является будничной работой», Энгельс возражает: «Критическая критика не создает ничего, рабочий создает все, до такой степени все, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику. Английские и французские рабочие являются лучшим свидетельством этого» *. Несостоятельность измышленной Бруно Бауэром противоположности между «духом» и «массой», якобы исключающими друг друга, Маркс иллюстрирует, между прочим, замечанием, что коммунистической критике утопистов с самого же начала соответствовало на практике движение широкой массы. «Нужно быть знакомым,— говорит Маркс,— с тягой к науке, с жаждой знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и английских рабочих, чтобы составить себе представление о *человеческом* благородстве этого движения» **.

Французский пролетариат нашел самого выдающегося своего представителя в лице Прудона, книга которого о собственности явилась в известном смысле самым передовым постом западноевропейского социализма ***. Соответственно с этим Прудону особенно сильно досталось во «Всеобщей литературной газете», где он не был не только правильно оценен, но даже правильно переведен. Вот

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 21.
** Там же, стр. 92.
*** См. прим. 19 к настоящему изданию. *Ред.*

почему этот пролетарий среди французских социалистов оказался в фокусе особенно подробного критического внимания в «Святом семействе»; посвященные ему разделы принадлежат, как и значительно бóльшая часть всей книги, перу Маркса. Он живо вступается за Прудона, против «разносящей» критики его со стороны Эдгара Бауэра, и отсюда возникла академическая версия, будто Маркс был раньше приверженцем и почитателем Прудона, на которого впоследствии так резко нападал.

На самом деле Маркс в «Святом семействе» не только не отождествляет себя с Прудоном, но сравнивает его, напротив, с Бруно Бауэром. Эдгар Бауэр поднял Прудона на смех за то, что он находит в принципе равенства последнее разумное основание всех доказательств в пользу собственности, а между тем хочет вывести из того же принципа невозможность собственности. На это Маркс возражает, что то же самое делает Бруно Бауэр, когда он кладет в основу всех своих рассуждений «бесконечное самосознание» и рассматривает этот принцип как творческий принцип даже евангелий, которые своей бесконечной бессознательностью, казалось бы, прямо противоречат бесконечному самосознанию. Затем Маркс остроумно показывает, что для практического француза принцип равенства выражает то же самое, что для теоретического немца выражает принцип самосознания: подобно тому как в Германии разрушительная критика, прежде чем дойти в лице Фейербаха до рассмотрения действительного человека, старалась разделаться со всем определенным и существующим при помощи принципа самосознания, подобно этому во Франции разрушительная критика старалась достигнуть того же самого при помощи принципа равенства.

Подобно тому как Бруно Бауэр подверг критическому разложению теологию, оставаясь, однако, все время на ее же почве, подобно этому Прудон подверг критическому разложению политическую экономию, оставаясь на ее почве. Крупный шаг вперед, сделанный Прудоном, Маркс видит в том, что он впервые подверг решительному, беспощадному и в то же время научному критическому исследованию основную предпосылку политической экономии — частную собственность, которую представители этой науки рассматривали как непреложный, не подле-

жащий никакому дальнейшему исследованию факт. Правда, экономисты уже раньше замечали иной раз противоречие между человечной видимостью таких экономических предпосылок, как заработная плата, стоимость и т. д., и бесчеловечной действительностью частной собственности, но тогда они нападали на какую-нибудь из частных форм частной собственности, как на фальсификацию разумной самой по себе (т. е. в их представлении) заработной платы или стоимости; такой характер носят некоторые нападки Адама Смита на капиталистов, Сисмонди — на фабричную систему, Рикардо — на земельную собственность. Этой бессознательности Прудон раз навсегда положил конец, отнесясь серьезно к человечной видимости экономических отношений и резко противопоставив им их бесчеловечную действительность. Он изобразил частную собственность во всей ее всеобщности как фальсификацию экономических отношений и сделал, таким образом, все, что критика политической экономии могла сделать, оставаясь на политико-экономической точке зрения. Но Прудон не покидает этой точки зрения, отмечает далее Маркс, он борется с политической экономией при помощи ее же собственных предпосылок и оставаясь во власти этих предпосылок, а поэтому не умеет представить себе обратное завоевание человеком предметного мира иначе, как в политико-экономической форме владения, которую объявляет «общественной функцией», не будучи, однако, в состоянии надлежащим образом дать этой мысли соответствующее ей развернутое выражение.

Но, выступая против того, чтобы сделанный Прудоном шаг вперед был сведен на нет туманными разглагольствованиями Бауэров, Маркс подвергает политико-экономическую ограниченность Прудона столь же решительному критическому разложению, как и теологическую ограниченность Бауэров. Эдгар Бауэр осудил как «односторонность» Прудона то, что последний находит свое оружие в факте существования нищеты и бедности, что он признает этот факт абсолютным, правомерным, а факт собственности — неправомерным. Критика-де, напротив, соединяет оба факта — бедность и собственность — в один, она-де открывает внутреннюю связь обоих, делает из них одно целое, к которому обращается, как к таковому, с вопросом о предпосылках его существования. Маркс раз-

бивает эти поверхностные идеологические рассуждения простым замечанием о том, что предпосылка существования целого заключается именно в природе обеих этих сторон.

«Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *свое собственное существование,* а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность. Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность...

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную.* От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение. Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата *как* пролетариата,— этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одер-

живает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность» *.

Маркс настойчиво протестует против возражения, выдвинутого уже «критической критикой» и беспрестанно повторявшегося с тех пор,— что признавать за пролетариатом эту всемирно-историческую роль — значит будто бы объявлять пролетариев богами. Он говорит: «Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*,— то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *чтò такое пролетариат на самом деле* и чтò он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» **. И Маркс опять-таки подчеркивает, что «значительная часть английского и французского пролетариата уже *сознает* свою историче-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 38—39.
** Там же, стр. 40.

бивает эти поверхностные идеологические рассуждения простым замечанием о том, что предпосылка существования целого заключается именно в природе обеих этих сторон.

«Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *свое собственное существование*, а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность. Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность...

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение. Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата *как* пролетариата,— этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одер-

живает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность» *.

Маркс настойчиво протестует против возражения, выдвинутого уже «критической критикой» и беспрестанно повторявшегося с тех пор,— что признавать за пролетариатом эту всемирно-историческую роль — значит будто бы объявлять пролетариев богами. Он говорит: «Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*,— то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что̀ такое пролетариат на самом деле* и что̀ он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» **. И Маркс опять-таки подчеркивает, что «значительная часть английского и французского пролетариата уже *сознает* свою историче-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 38—39.
** Там же, стр. 40.

бивает эти поверхностные идеологические рассуждения простым замечанием о том, что предпосылка существования целого заключается именно в природе обеих этих сторон.

«Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *свое собственное существование,* а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность. Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность...

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную.* От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение. Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата *как* пролетариата,— этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одер-

живает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность» *.

Маркс настойчиво протестует против возражения, выдвинутого уже «критической критикой» и беспрестанно повторявшегося с тех пор,— что признавать за пролетариатом эту всемирно-историческую роль — значит будто бы объявлять пролетариев богами. Он говорит: «Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*,— то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *чтò такое пролетариат на самом деле* и чтò он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» **. И Маркс опять-таки подчеркивает, что «значительная часть английского и французского пролетариата уже *сознает* свою историче-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 38—39.
** Там же, стр. 40.

скую задачу и постоянно работает над тем, чтобы довести это сознание до полной ясности» *.

Перед глазами современников «Святое семейство» прошло, по-видимому, довольно бесследно. Энгельс сам высказался при получении книги, что она слишком объемиста и бо̀льшая часть ее будет непонятна широкой публике. Неумеренно хвалебный, но далеко не с таким же знанием дела написанный критический отзыв в журнале «Вестфальский пароход» всего менее понравился авторам. Современному читателю книга легко может показаться кучкой погасших угольев, но если у него хоть сколько-нибудь зоркие глаза, то из пепла ему будет светиться не один драгоценный камень непреходящего блеска.

Со «Святого семейства» началась совместная работа — дело жизни — Маркса и Энгельса, продолжавшаяся почти 40 лет и имевшая определяющее влияние на историческое развитие как международной, так и в особенности германской социал-демократии.

Обоих связывала такая настоящая и выдерживавшая все испытания дружба, подобной которой еще никогда не знала история человечества. Она была совершенно свободна от трений и взаимных неудовольствий, которые почти неизбежно должны были возникать между двумя резко выраженными индивидуальностями среди бесчисленных превратностей жаркой борьбы, столь же богатой поражениями, сколько победами. Она была словно защищена броней против всех искушений, с которыми внешний мир умышленно или неумышленно подступался к ней. Невозможно определить теперь — и, быть может, это никогда не удастся,— что принадлежит тому или другому из них в их общем труде. Правда, после смерти Маркса Энгельс часто приписывал своему покойному другу бо̀льшую, значительно бо̀льшую долю, и, несомненно, Маркс был более гениальным и глубоким умом из них обоих. Но если Энгельс, как он справедливо заявлял сам, без Маркса не сделал бы того, что им было сделано, то это положение следовало бы дополнить в отношении его умершего соратника, сказав, что и Маркс без Энгельса не стал бы тем, чем он был.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 40.

Глава IV

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Весной 1845 г. Энгельс переехал из Бармена в Брюссель. До известной степени тут могли сыграть роль личные причины. Образ мыслей Энгельса находился в самом резком противоречии с политическими и религиозными воззрениями его семьи, и некоторые лекции о коммунизме, читанные им перед бюргерской публикой родного города, были, несмотря на их академически мирный характер, насильственно прерваны полицией.

Но сильнее всего тянуло Энгельса в Брюссель желание сообща с Марксом окончательно уяснить себе их новую точку зрения. Для этой цели Энгельс привез с собой ценную подготовительную работу — свою книгу о положении рабочего класса в Англии, которую он закончил зимой. Предисловие помечено Барменом, 15 марта 1845 г.

1. ЭНГЕЛЬС О ПОЛОЖЕНИИ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ

В предисловии Энгельс говорит, что цель его книги — дать прочное обоснование социалистическим теориям и суждениям об их праве на существование, положить конец всяческим мечтаниям и выдумкам за и против них. Он считал необходимым познакомить с действительными условиями жизни пролетариата особенно немецких теоретиков, которые почти все пришли к коммунизму только «через фейербаховское преодоление гегелевской философии». Но в своей классической форме, в законченном виде пролетарские условия существовали лишь в Англии; поэтому Энгельс изобразил положение английских рабочих.

Совершенно верно, что Энгельс не был первым из тех, кто брался описать быт английского пролетариата, и он несомненно последний стал бы сколько-нибудь умалять заслуги своих предшественников, на работы которых он сам опирался. Но его книга была первой работой этого рода в немецкой литературе и, что еще важнее, первой в этом особом роде вообще. При этом, опять-таки, наименее важным обстоятельством было то, что до Энгельса никто еще не сумел набросать такой потрясающе верной картины страданий пролетариата: гораздо выше стояла удивительная проницательность, с которой 24-летний автор

понял дух капиталистического способа производства и сумел вывести из него не только подъем, но и упадок буржуазии, не только бедственное положение пролетариата, но и его спасение.

Только эта книга дала правильное освещение «Набросков к критике политической экономии», напечатанных Энгельсом в «Немецко-французском ежегоднике». Если там он занимался принципом, свободной конкуренцией, то здесь он занялся практикой, крупной промышленностью. Между обеими работами нет никакого различия, как это иногда утверждали, никакого различия в том смысле, будто Энгельс там осуждал с этической точки зрения и только здесь впервые судил с экономической. Обе работы имеют экономическую основу, и в более поздней из них Энгельс, так же как в более ранней, нисколько не стесняется резко освещать вопиющее противоречие между человеческими идеалами буржуазного разума и бесчеловечной действительностью промышленной буржуазии. Но что в самом деле составляет прогресс более поздней работы по сравнению с более ранней — это все большее освобождение автора от радикального крыла немецкой философии. Он не ссылается больше на Бруно Бауэра и Фейербаха, а «друга Штирнера» он цитирует лишь пару раз, и то с целью сказать ему, что его идеал Я, которое не видит в других Я ничего, кроме годных для использования субъектов, великолепно осуществлен капиталистическим обществом. В том-то и дело, что между обеими работами лежит «Святое семейство». Правда, всюду еще заметно, что Энгельс идет от немецкой философии, но заметно также, что он начал дифференцировать ее наследство. Кое-где он стоит еще на «общей, чисто человеческой основе», например когда в заключительных словах объявляет коммунизм делом человечества, а не одних только рабочих, что теоретически было весьма правильно, но практически совершенно бесплодно, пока господствующие классы не хотели слышать о коммунизме. Однако во всем изложении классовая борьба между буржуазией и пролетариатом выступает уже значительно резче как решающий факт, и к правильной оценке его Энгельс приходит благодаря все более сознательному применению гегелевского диалектического метода, как ключа к пониманию всемирно-исторического периода, начавшегося вместе с крупной промышленностью.

С наступлением этого периода начинается, по Энгельсу, история современного рабочего класса. «Разделение труда, использование силы воды и в особенности силы пара, применение машин — вот те три великих рычага, при помощи которых промышленность с середины XVIII века расшатывает устои старого мира. Мелкая промышленность создала буржуазию, крупная создала рабочий класс и возвела немногих избранных из рядов буржуазии на трон, но только затем, чтобы тем вернее когда-нибудь их низвергнуть» *. Суть книги заключалась в том, чтобы показать, каким образом крупная промышленность создает современный рабочий класс и как последний развивается и должен развиваться для ниспровержения своего творца в силу исторической диалектики, отдельные законы которой вскрываются автором.

Пролетарии конкурируют между собой, как это делают и буржуа. Конкуренция пролетариев определяет минимум заработной платы, конкуренция буржуа — ее максимум. Пролетарий, чтобы иметь вообще возможность существовать, нуждается в буржуазии, присвоившей себе монополию на все средства к жизни в самом широком объеме; буржуазии, которая может жить своим капиталом, пролетарий нужен как вьючное животное или предмет торговли, чтобы обогащаться. Если свободной рабочей силы больше, чем требуется буржуазии для ее целей, то рабочие, чтобы не остаться без работы и не умереть с голоду, сбивают плату до минимума, которого в обрез хватает только на то, чтобы избежать голодной смерти. Если рабочих меньше, чем требуется буржуазии, то отдельные буржуа перебивают рабочих друг у друга путем повышения заработной платы. При средних условиях, когда рабочих как раз столько, сколько нужно для изготовления требующихся в данный момент товаров, заработная плата стоит несколько выше минимума. Насколько выше — это зависит от средних потребностей рабочих. Если рабочие привыкли есть несколько раз в неделю мясо, то капиталисты вынуждены давать рабочим такую плату, чтобы указанная пища была для них доступна: не меньшую плату, ибо рабочие не конкурируют друг с другом, следовательно, не имеют причин довольствоваться меньшим; не большую, потому что отсутствие конкурен-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 261.

ции среди капиталистов не побуждает их привлекать к себе рабочих путем предоставления им особых прибавок.

Отсюда следует вывод, сделанный уже Адамом Смитом: что спрос на рабочих, как и спрос на всякий другой товар, регулирует производство рабочих, количество производимых людей, ускоряя этот процесс, когда он идет слишком медленно, и сдерживая его, когда он идет чересчур быстро. Если рабочих слишком мало, то цена их, т. е. заработная плата, повышается, рабочим живется лучше, число браков увеличивается, повышается рождаемость, больше детей остается в живых, пока не будет произведено достаточное количество рабочих. Если рабочих слишком много, то цены на них падают, начинается безработица, нужда, голод и вызванные ими эпидемии, уносящие «избыточное население». Рабочий юридически и фактически раб буржуазии, в такой степени ее раб, что продается, как товар, и, как товар, повышается и падает в цене. Вся разница между этим и старым откровенным рабством лишь та, что современный рабочий *кажется* свободным, так как он продается не раз навсегда, а по частям — на день, на неделю, на год — и так как продает его не один собственник другому, а он вынужден сам себя продавать, как раб не отдельного лица, а всего имущего класса. Для него суть дела не меняется. Если кажущаяся свобода дает ему даже некоторую действительную свободу, то ни один человек не гарантирует ему средств к жизни, и он может быть выброшен на мостовую в любой момент, как только буржуазия перестает быть заинтересованной в его существовании. Зато буржуазия чувствует себя при таком порядке гораздо лучше, чем при старом рабстве: она не теряет в выбрасываемом рабочем вложенного капитала и может производить гораздо дешевле, как это уже высчитал, к ее утешению, Адам Смит.

Но положение пролетариата существенно ухудшается еще вследствие того, что почти всегда имеется «избыточное население», что конкуренция *между* рабочими почти всегда больше, чем конкуренция *из-за* рабочих, что заработная плата, таким образом, стремится почти всегда к своему минимуму. Производительность труда каждого отдельного рабочего, которая доводится до максимума взаимной конкуренцией рабочих, разделение труда, введение машин, использование сил природы, все большее применение труда женщин и детей — все это непрерывно ли-

шает занятости множество рабочих. Освободившиеся рабочие не могут больше потреблять, и вследствие этого остаются без хлеба новые рабочие. Этот круговорот прерывается, однако, возрастающим расширением промышленности и завоеванием чужих рынков. В течение последних 60 лет спрос на мануфактурные товары, а вместе с ним и спрос на рабочих непрерывно и быстро возрастал, и население Британской империи увеличилось со стремительной быстротой. Тем не менее существует избыточное население. Чем же объясняется это противоречие?

Энгельс отвечает: «Самим характером промышленности и конкуренции и обусловленными им торговыми кризисами. При современной беспорядочной системе производства и распределения жизненных средств, целью которой является не непосредственное удовлетворение потребностей, а извлечение денежной прибыли, когда каждый работает и обогащается на свой собственный страх и риск, в любой момент может получиться застой. Англия, например, снабжает многие страны самыми разнообразными товарами. Даже если фабрикант знает, сколько потребляется ежегодно в каждой отдельной стране того или другого товара, то он все же не знает, как велики там запасы этого товара в каждый данный момент и еще менее знает, сколько посылают туда его конкуренты. Только по постоянно колеблющимся ценам он может сделать ненадежные выводы о наличных запасах и потребностях, и ему приходится отправлять свои товары наудачу; все делается вслепую, на авось, более или менее в расчете на случай. На основании первого благоприятного сообщения о каком-нибудь рынке каждый отправляет туда все, что может; в скором времени этот рынок переполняется товарами, сбыт приостанавливается, обратный приток денег задерживается, цены падают, и английской промышленности нечем занять своих рабочих» *. Постепенно и по мере того, как накопившиеся товарные запасы потребляются, в положении вещей происходит улучшение; получаемые отовсюду благоприятные известия и поднимающиеся цены восстанавливают деятельность.

Что следует затем, мы опять предоставим изобразить самому Энгельсу: «...рынки находятся большей частью далеко; пока туда прибудут новые запасы товаров, спрос

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 317—318.

все время растет, а вместе с ним растут цены; первые транспорты товаров берутся нарасхват, первые сделки еще больше оживляют рынок, дальнейший подвоз товаров сулит еще более высокие цены; в ожидании этого дальнейшего повышения начинаются закупки со спекулятивной целью, и, таким образом, в самое нужное время из обращения изымаются товары, предназначенные для потребления; спекуляция еще больше вздувает цены, так как вызывает у других желание покупать и выхватывает из обращения прибывающие товары; обо всем этом становится известно в Англии, и фабриканты снова начинают усиленно работать, строить новые фабрики, стараясь изо всех сил использовать благоприятный момент. Тогда и здесь начинается спекуляция с теми же последствиями, как и на заграничных рынках, цены растут, товары изымаются из обращения, то и другое доводит производство до высшего напряжения, затем появляются «несолидные» спекулянты, которые оперируют фиктивным капиталом, держатся благодаря кредиту и разоряются, если им не удается быстро перепродать закупленные товары. Они пускаются в эту всеобщую беспорядочную погоню за прибылью, еще более усиливают беспорядок и суету своей неутомимой жадностью, которая заставляет их безрассудно вздувать цены и расширять производство. Начинается какая-то бешеная скачка, которая увлекает самых уравновешенных и опытных людей; начинают ковать, прясть, ткать в таком количестве, как будто понадобилось заново экипировать все человечество, как будто где-то на луне обнаружен новый рынок в несколько миллиардов потребителей» *. Естественно, что рынки вследствие этого снова переполняются, и начинается новый кризис. «Так дело продолжается непрерывно: за процветанием следует кризис, за кризисом процветание, затем новый кризис, и этот вечный круговорот, в котором находится английская промышленность, обычно возобновляется... раз в пять или в шесть лет» **. Отсутствие всякого плана в производстве и необузданная конкуренция, связанные с крупнокапиталистическим способом производства, являются, по мнению Энгельса, причинами торговых кризисов; в отличие от этого он считает, что недостаточное потребление рабочими имеет лишь второстепенное значение.

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 319.
** Там же, стр. 320.

Из этого положения вещей вытекает тот факт, что английская промышленность вынуждена всегда — за исключением периодов высшего расцвета — иметь резерв незанятых рабочих, чтобы в наиболее оживленные месяцы производить требуемые на рынке массы товаров. В одной Англии и Уэльсе, не считая Шотландии и Ирландии, насчитывается полтора миллиона официальных пауперов. Энгельс рассматривает затем детально, какие последствия проистекают отсюда для положения английских рабочих. Он показывает, в каких помещениях они живут, как они одеваются и питаются, как они гибнут духовно, нравственно и физически; он во всех ужасающих подробностях рисует социальное убийство, которое совершает общество по отношению к ним. Он исследует, чем отличается бедность пролетариата от бедности трудящихся классов в прежние века. Тут мы видим прежде всего необеспеченность существования, необходимость проедать изо дня в день весь заработок. «...Пролетарий, не имеющий решительно ничего, кроме своих рук, проедающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишенный всякой гарантии, что он сможет добыть средства для удовлетворения своих самых насущных потребностей,— ибо всякий кризис, всякий каприз хозяина может лишить его куска хлеба,— этот пролетарий поставлен в самое возмутительное, самое нечеловеческое положение, которое только можно себе представить. Существование раба, по крайней мере, обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного все же есть кусок земли, который его кормит; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; а пролетарий предоставлен исключительно самому себе и в то же время ему не дают так применить свои силы, чтобы он мог на них целиком рассчитывать. Все то, что пролетарий в состоянии сделать сам для улучшения своего положения, лишь капля в потоке тех случайностей, от которых он зависит и над которыми он ни малейшим образом не властен» *. Далее мы видим унижающую муку принудительного труда, отупляющее действие которого во много раз усилено разделением труда, применением силы пара и машин. «В большинстве отраслей труда деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто механической манипуляцией, точно и неизменно

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 349.

повторяемой минута в минуту в течение долгих лет. Тот, кто с самого детства ежедневно в течение двенадцати часов и больше занимался изготовлением булавочных головок или опиливанием зубчатых колес и притом в условиях жизни английского пролетария, тот едва ли мог сохранить человеческие чувства и способности до тридцатилетнего возраста» *. Наконец, идет полное порабощение рабочих правилами внутреннего распорядка на фабриках, бесчеловечная продолжительность рабочего времени, женский и детский труд, ночная работа, которая разрушает все семейные связи и губит не только живущее, но и будущее поколение, truck-system — система оплаты труда товарами и cottage-system — система сдачи в наем рабочим коттеджей и прочие бесчисленные злоупотребления фабричной системы, рисуемые Энгельсом с самым точным знанием дела.

Энгельс не скрывает того, что крупная промышленность, создавшая современный пролетариат, сделала из него расу, лишенную человеческого облика, низведенную умственно и морально до животного состояния, физически расшатанную. Если среди английских рабочих все больше распространяются пьянство, половая распущенность, грубость и преступления против собственности, то может ли это при данных обстоятельствах быть иначе? Но в сегодняшней нищете Энгельс видит также надежду завтрашнего дня. Для рабочего существует лишь одна возможность остаться человеком и чувствовать себя как человек, и эта возможность есть страстное возмущение против буржуазии. Непрерывно растущая опасность низведения до скотского состояния толкает пролетариат на борьбу против буржуазии, на борьбу, не знающую перемирия, которая кончится победой пролетариата над буржуазией. Как раз те средства, при помощи которых буржуазия лишает пролетариат человеческого облика, становятся в руках пролетариата оружием против буржуазии.

Ирландская иммиграция много способствовала ухудшению положения английских рабочих, но зато живой ирландский темперамент подействовал революционизирующим образом на английский пролетариат. Сосредоточение населения в крупных центрах доводит до крайней степени деморализацию рабочих, но оно же пробуждает в них

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 351—352.

классовое сознание, понимание того, что, будучи слабыми в одиночку, они все вместе образуют силу; оно разрушает последние следы патриархальных отношений между рабочими и их так называемыми «кормильцами»; большие города становятся очагами самостоятельного рабочего движения. Суровая доля рабочего делает его более гуманным, обходительным, приветливым, он видит в каждом человеке человека, тогда как человек денег, буржуа, смотрящий на все сквозь призму личных интересов и не знающий другой цели в жизни, кроме наполнения своего денежного мешка, видит в рабочем существо низшее, чем человек. Таким образом, рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа. Но благодаря этому сглаживается искусственное невежество, в котором буржуазия держит пролетариат. Практическое образование пролетария не только заменяет ему школьную премудрость, но и обезвреживает спутанные религиозные представления, связанные с ней. «Нужда учит молиться и — что гораздо важнее — мыслить и действовать. Английский рабочий, который почти не умеет читать и еще меньше писать, все же прекрасно знает, в чем заключаются его собственные интересы и интересы всей нации; он знает также, в чем заключаются специальные интересы буржуазии и чего он может от этой буржуазии ожидать. Пусть он не умеет писать, зато он умеет говорить и говорить публично; пусть он не знает арифметики, зато он достаточно разбирается в политико-экономических понятиях, чтобы видеть насквозь ратующего за отмену хлебных пошлин буржуа и опровергнуть его; пусть для него остаются совершенно неясными, несмотря на все старания попов, вопросы царства небесного, зато тем яснее для него вопросы земные, политические и социальные» *. Английский пролетариат становится постепенно совсем другим народом, чем английская буржуазия. Рабочие говорят на другом диалекте, у них другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другая политика и другая религия, чем у буржуазии. Одновременно с Дизраэли [58] Энгельс высказал мысль о двух нациях, но в отличие от Дизраэли он прибавил, что рабочий становится во главе исторического развития, на место буржуа, опутанного классовыми предрассудками и умершего для всякого исторического движения.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 346—347.

Исследуя различные формы английского рабочего движения, Энгельс приходит к следующим результатам. Тред-юнионы могущественны против отдельных, менее значительных зол капиталистического способа производства, но при всех своих усилиях они не могут изменить экономического закона, по которому заработная плата определяется отношением спроса к предложению на рынке труда. «История этих союзов представляет собой длинный ряд поражений рабочих, прерываемый лишь немногими отдельными победами» *. Ради чего, однако, рабочие идут на эти поражения? «Да просто потому, что рабочий *обязан* протестовать против снижения заработной платы, даже против самой необходимости этого снижения, потому что он обязан заявить, что он, человек, должен не применяться к обстоятельствам, а, наоборот, приспособлять обстоятельства к *себе*, к человеку, потому что молчание рабочего означало бы примирение с этими обстоятельствами, признание за буржуазией права в периоды процветания торговли эксплуатировать рабочего, а во время застоя обрекать его на голодную смерть» **. Доводы, при помощи которых фабриканты проповедуют рабочим бесполезность стачек, совершенно правильны с точки зрения политической экономии, но именно поэтому они отчасти неправильны и не оказывают никакого действия на рассудок рабочего. Тред-юнионы предполагают понимание того, что господство буржуазии основано только на конкуренции рабочих между собой, т. е. на отсутствии сплоченности пролетариата, на противопоставлении отдельных рабочих друг другу. Будучи первой попыткой рабочих уничтожить свою взаимную конкуренцию, тред-юнионы атакуют капиталистическое общество в самом уязвимом месте. И именно потому, что эта первая попытка никогда не может устранить надолго законов заработной платы, она идет дальше, выходя за свои собственные рамки.

Стачки, устраиваемые тред-юнионами, представляют собой только авангардные схватки, но подчас также — более значительные сражения; они ничего не решают окончательно, но с несомненной ясностью доказывают, что решительный бой между пролетариатом и буржуазией близится. Они — военная школа рабочих и, как таковая,

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 441.

** Там же, стр. 443.

имеют непревзойденное действие. Энгельс подробно описывает большую забастовку, которую весной 1844 г. с геройским мужеством проводили в течение 19 недель горняки Нортумберленда и Дургама. Вообще, так как рабочему не оставлено другого поприща для проявления своей человеческой личности, кроме оппозиции против всего своего жизненного положения, то рабочие проявляют себя именно в этой оппозиции с самой благородной, с самой милой, привлекательной, с самой человечной стороны. Правда, при почти ежедневных забастовках не бывает недостатка в актах грубости и жестокости, но ведь не следует забывать, что в Англии происходит социальная война. Если в интересах буржуазии вести эту войну лицемерно, прикрываясь миролюбием и даже любовью к ближним, то пролетариату может быть полезно только уничтожение этого лицемерия, раскрытие истинных отношений; самые насильственные неприятельские действия рабочих против буржуазии и ее слуг представляют собой лишь откровенное выражение того, что буржуазия делает по отношению к рабочим коварно и тайком. Для буржуа закон священен, потому что это его творение и он служит его выгоде. Напротив, рабочий слишком хорошо знает, ему слишком часто приходится испытывать на практике, что закон есть розга, приготовленная для него буржуа, и без крайней нужды он не обращается к закону. В то же время, однако, он стремится заменить закон буржуазии законом пролетариата: этот закон — народная хартия.

Шести пунктов хартии, как ни невинны они на первый взгляд, достаточно все же для того, чтобы смести с лица земли английскую конституцию вместе с королевой и палатой лордов. Чартизм есть концентрированная форма пролетарской оппозиции против буржуазии; в чартизме весь рабочий класс поднимается против буржуазии и стремится вырвать из ее рук политическую власть. Но значение чартизма не исчерпывается этим. По существу своему чартизм есть явление социального характера, и чартистские рабочие с удвоенной энергией принимают участие во всякой борьбе пролетариата против буржуазии. Билль о 10-часовом рабочем дне, защита рабочего против капиталистов, хорошая заработная плата, обеспеченное положение, отмена нового закона о бедных — все эти требования являются, по меньшей мере, такой же неотъемлемой частью чартизма, как шесть пунктов хартии. Правда, со-

циализм чартистов находится еще в зачаточном состоянии, они еще до сих пор видят главное средство против нищеты в разделе земли на мелкие участки, что уже изжило себя вследствие развития промышленности, но очередной кризис, который, по мнению Энгельса, наступит не позже 1847 г. и, вероятно, превзойдет по силе и остроте все предшествовавшие, бросит чартистов в объятия социализма.

Если теоретически чартисты еще сильно отстали, но зато являются настоящими, подлинными пролетариями, то социалисты смотрят шире, но они по своему происхождению выходцы из буржуазии, они миролюбивы, смирны, их принципы абстрактны. Хотя социализм по существу ставит себя выше противоположности между буржуазией и пролетариатом, однако по форме он относится с большей терпимостью к буржуазии и очень во многом несправедливо к пролетариату. Социалисты хотят не бороться, а привлечь общественное мнение на сторону своих принципов. «При этом социалисты постоянно жалуются на деморализацию низших классов, не замечают в этом разложении общественного порядка элементов прогресса и упускают из виду, что деморализация имущих классов, лицемерных и преследующих лишь свои частные интересы, во много раз хуже. Они не признают исторического развития и поэтому хотят перевести страну в коммунистическое состояние тотчас же, немедленно, а не путем дальнейшего развертывания политической борьбы до ее завершения, при котором она сама себя упразднит... Они, правда, понимают, почему рабочий озлоблен против буржуа, но это озлобление, которое единственно и может вести рабочих вперед, они считают бесплодным и проповедуют еще более бесплодные в современной английской действительности филантропию и всеобщую любовь. Они признают только психологическое развитие, развитие абстрактного человека, стоящего вне всякой связи с прошлым, между тем как весь мир, а вместе с ним и каждый отдельный человек, вырос из этого прошлого. Поэтому они слишком учены, слишком метафизичны и большого успеха не имеют» *. Энгельс говорит, что в этой форме английский социализм никогда не сможет стать общим достоянием рабочего класса, он должен воспринять революционное со-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 460.

держание чартизма точно так, как чартизм нуждается в более ясном и широком кругозоре социализма; слияние социализма с чартизмом сделает рабочий класс действительным властелином Англии. Однако и теперь уже различные группы рабочих — и Энгельс показывает это подробно — сделали бесконечно много для просвещения пролетариата, составляющего самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с особым мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам, класс, на котором зиждется вся сила нации и ее способность к дальнейшему развитию.

В заключительных словах своей книги Энгельс предсказывает социальную революцию в Англии в близком будущем, и за это несбывшееся пророчество буржуазная критика хватается уже полвека, чтобы на свой манер «опровергнуть» это эпохальное произведение. Фактически, однако, возвещенная революция наступила, хотя и не в той форме, как полагал Энгельс: английский рабочий класс, поднявшись из отчаянной нищеты, вырос в могучую армию и шаг за шагом завоевывает политическую власть. С справедливой гордостью Энгельс мог сказать незадолго до своей смерти: не то удивительно, что из пророчеств, внушенных ему юношеской пылкостью, столь многие не оправдались, а то, что столь многие сбылись. Ошибку относительно насильственной революции, уже стучащейся в двери, Энгельс разделял с лучшими знатоками английских условий — с Гаскеллом, Карлейлем — и даже с «Таймс» — главным печатным органом английской буржуазии; но все, что было нового и оригинального в его книге, что составляло его духовную собственность, оказалось истиной и проложило новые пути в науке.

При этом отнюдь нет надобности скрывать, что Энгельс и Маркс, особенно в молодые свои годы, иногда переоценивали темп революционного рабочего движения. Но в то время как вся пустоголовая компания полагала и полагает, что доказала этим несостоятельность их понимания истории, такой человек, как Альберт Ланге [59], сделал, наоборот, заключение, что Маркс и Энгельс «удивительно верно» судили о своем времени. Ланге писал: «В общем мы всегда склонны представлять себе то, что мы ясно предвидим, более близким, чем оно есть в действительности». Этой склонности заплатили также свою дань Маркс и Энгельс, последний — даже в преклонном возрасте, до

которого он сохранил свое молодое сердце. Отсюда не следует, однако, что они блуждали ощупью в тумане, а наоборот: что они, говоря словами Ланге, были «проницательными мыслителями», которые обманывались насчет длины пути потому, что ясно видели его конечный пункт.

Книга Энгельса имела при первом своем появлении большой успех. Она стала наиболее читаемым произведением домартовского социализма *, но читателей в буржуазных кругах привлекало, в сущности, только захватывающее изображение мрачного сюжета. Метод, примененный Энгельсом, результаты, полученные им, остались непонятыми, как это вскоре доказал в ученом сочинении глава «исторической школы»[60] проф. Бруно Хильдебранд. Хильдебранд при помощи целой тучи мелких замечаний исторического характера пытался снова затемнить тот свет, который был пролит на историческое развитие Энгельсом. Он привлек к делу массу дат и чисел, из которых должно было следовать, что трудящиеся классы Англии в прежние века находились в еще худших условиях, чем в XIX в., что английские ремесленники, матросы и прислуга живут лучше, чем фабричные, сельскохозяйственные и горные рабочие, которыми ограничивает свое изображение Энгельс, что в кургессенской провинции Обер-Гессен ремесленному пролетариату приходится страдать еще больше, чем крупнопромышленному пролетариату в Англии, и т. д. Допустим даже, что Хильдебранд действительно показал то, что он старался показать; что же он доказал бы этим против Энгельса? Вполне ясно: ровно ничего. Хильдебранд обошел все основные вопросы, поднятые Энгельсом, в точности руководствуясь «историческим методом» «исторической школы». Энгельс должен быть признан фантазером, так как не нашел на всемирном рынке того, что Хильдебранд находит в кургессенской провинции Обер-Гессен.

Нужно признать, впрочем, что Хильдебранд принадлежит к числу более проницательных представителей «исторической школы». Лет 30 спустя Рошер издал свою «Историю экономической науки в Германии» и не нашел сказать в ней об Энгельсе ничего больше, кроме нескольких

* Автор имеет в виду различные социалистические учения, распространенные в странах Западной Европы до февральской революции во Франции и мартовской революции в Германии 1848 г. *Ред.*

фраз, списанных у Хильдебранда. Он не назвал даже источника своей мудрости, что, впрочем, также, наверное, является характерным для «исторического метода».

2. МАРКС О ФЕЙЕРБАХЕ

Когда Энгельс весной 1845 г. переселился в Брюссель к Марксу, они сообща принялись за всестороннюю разработку своих взглядов, в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, чтобы таким образом свести счеты со своей прежней философской совестью. Намерение это они выполнили в двухтомной критике послегегелевской философии *. Сочинению не суждено было, однако, увидеть свет: издатель, которого нашли было в Вестфалии, по получении рукописи заупрямился, так как-де «изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным». Это было начало того гнусного положения, от которого долго суждено было страдать Марксу и Энгельсу; даже такой человек, как Руге, не постеснялся категорически потребовать от своего компаньона Фрёбеля, чтобы тот не публиковал ничего из работ Маркса в издательстве «Литературной конторы», хотя Руге сам признавал, что Маркс вряд ли напишет что-нибудь плохое.

Маркс и Энгельс тем охотнее предоставили свою рукопись «грызущей критике мышей», что они достигли своей главной цели, уяснения дела самим себе. Однако от этого же периода сохранилось одиннадцать тезисов, в которых Маркс сводит счеты с Фейербахом. В этих своих «Тезисах о Фейербахе» Маркс называет главным недостатком всего предшествующего материализма то, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта,* или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно» **. «Материалистическое учение о том,— говорит он,— что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания,— это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому

* Речь идет о «Немецкой идеологии». Эта книга была написана К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1845—1846 гг. *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 1.

приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика»* *.

Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности, он показывает в земной семье разгадку тайны святого семейства. Но он упускает из виду, что после этого остается еще сделать главное. Если мир удваивается на религиозный, воображаемый мир и действительный мир, если земная семья фиксируется как некое самостоятельное царство в облаках, то факт этот объясняется только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Это противоречие должно быть понято и затем устранено путем практического революционизирования земной основы. Лишь тогда религиозная сущность будет действительно сведена к человеческой сущности.

«...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным... абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство (Gemüt) обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида» **.

«...Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме... Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» ***.

Маркс заканчивает свою критику Фейербаха следующими лапидарными положениями: «Самое большее, чего достигает *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, это — созерцание им отдельных индивидов

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 2.
** Там же, стр. 3.
*** Там же.

в «гражданском обществе»... Точка зрения старого материализма есть *«гражданское»* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество... Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» *.

Нетрудно понять, какой результат был достигнут этим способом понимания. Полностью порывая с идеализмом, чтобы вернуться к материализму, с которым он никогда, однако, не смог вполне сдружиться, Фейербах пожертвовал тем прогрессом, который был сделан немецким идеализмом по сравнению с английским и французским материализмом: он пожертвовал диалектическим методом, рассматривавшим историю человечества как непрерывный поток становления и исчезновения, в противоположность метафизическому — так его называл Гегель — методу старого материализма, видевшему в мире некий комплекс готовых вещей, твердых, неизменных, раз навсегда данных предметов исследования. Как ни необходим и полезен был в свое время этот метафизический метод, однако он при помощи своих микроскопов и скальпелей исследовал до известной степени только трупы, ибо он вырывал вещи из той связи, в которой они живут и развертывают свое особенное существование. Напротив, диалектический метод охватывал весь комплекс процессов, в которых вещи возникают и погибают, он видел в человеке не абстрактное, раз навсегда данное, а историческое, непрерывно изменяющееся существо.

Соглашаясь с Фейербахом, Маркс пожертвовал всеми идеалистическими вывертами, но, в противоположность ему, он прочно сохранил крупное завоевание, сделанное немецким идеализмом. Он выполнил в положительном направлении то, что Фейербах сумел выполнить только отрицательно. Он включил в материализм непреходящее содержание идеализма, подобно тому как Кант некогда включил в идеализм непреходящее. содержание материализма **. Но если, с одной стороны, историю человечества не направляет никакой бог и никакая абсолютная идея

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 3—4.

** Эту аналогию Ф. Меринга нельзя признать правильной. Как отмечал В. И. Ленин, основной чертой философии И. Канта есть *примирение* материализма и идеализма, сочетание в одной системе *разнородных, противоположных* философских систем. *Ред.*

и если, с другой стороны, эта история развивается путем непрерывного диалектического процесса, то чем же тогда определяется ход исторического развития? Маркс подвел итог своим предшествующим исследованиям о государстве и обществе, когда усмотрел действительную сущность человека в совокупности общественных отношений. Развитие человеческого общества есть развитие исторического человека. Но историческое развитие определяется в конечном счете экономическим способом производства, перевороты в котором вызывают перевороты во всей организации общества. Маркс не заимствовал без критики ни диалектического метода Гегеля, ни абстрактно-изолированного материализма Фейербаха: первый он опрокинул, доказав, что не мысли воплощаются в вещах, а вещи отражаются в мыслях; второй он распространил в исторический материализм, показав, как в нем действует непрекращающийся поток диалектического процесса.

Буржуазной ученостью были выставлены против материалистического понимания истории два возражения: во-первых, оно-де менее всего может быть названо новым, во-вторых, оно-де очень далеко от истины. Но ни Маркс, ни Энгельс никогда не утверждали, что они по собственному произволу открыли закон развития человеческой истории. Подобным утверждением они сами отрицали бы исторический материализм, который по всему своему смыслу мог быть открыт только на определенной ступени всемирно-исторического развития. Для того чтобы представилась возможность исследовать буржуазное общество, оно должно ведь уже существовать, и совершенно естественно, что с первых же начал его, с тех пор, как оно выросло из недр феодальной общественной формации средневековья, у мыслящих людей возникали разного рода идеи на тот счет: не следует ли скорее считать, что именно это общество формирует государство, которое на первый взгляд стоит над ним, не следует ли поэтому скорее выводить политическую и всякую иную идеологию из экономического способа производства, а не наоборот.

Чем шире развертывалось буржуазное общество, чем резче сталкивались друг с другом его экономические противоречия, чем больше раздробленные остатки феодальных сословий сплачивались в крупные классы, тем резче выступал также и тот факт, что политическая борьба есть не что иное, как борьба этих классов. Великая француз-

ская революция и в не меньшей степени крупная английская промышленность разительно доказали, как бесследно разлетается в прах вся идеология буржуазного общества по мере ее столкновения с его прогрессирующим экономическим развитием. Июльская революция и билль о реформе поставили уже открыто на арену политической борьбы три крупных класса современного гражданского общества: аристократию, буржуазию, пролетариат. С тех пор английская и в особенности французская историческая наука отдавала себе ясный отчет в том, что в борьбе этих классов и в столкновении их интересов заключается движущая сила современной истории. Мало того, даже в отсталой Германии зародилось смутное предчувствие этой истины. Романтические реакционеры мудрствовали на тот счет, что хозяйственные формы являются основой всех общественных и государственных организаций, а либералы, вроде Ганземана, выставляли в борьбе против цензуры то возражение, что, препятствуя обсуждению политических вопросов, она вместе с тем препятствует обсуждению и вопросов экономических, ибо экономика почти всегда переходит в политику. Наконец, само собой понятно, что утопический и всякий иной социализм, порожденный противоречием между буржуазными идеалами и экономической действительностью буржуазного общества, именно в силу этого логически наталкивался на материалистическое понимание истории, в пользу чего можно привести многочисленные свидетельства из сочинений Сен-Симона, Фурье и Луи Блана.

Как всякое новое открытие и изобретение, так и всякая новая научная истина имеют за собой длинную историю. Никто резче Маркса не выдвигал того положения, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить... что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» *. Маркс и Энгельс никогда не отрекались от своих предшественников; напротив, они восстановили в исторических правах и даже вообще впервые утвердили в них таких мыслителей, как Сен-Симон и Фурье, Гегель и Фейербах. Они поступили так из справедливости, но и по расчету они не могли бы поступить иначе.

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 7.

То, что они сделали сами, не затмевается, а, напротив, выступает в ясном свете, когда заслуга их предшественников остается неумаленной. Альберт Ланге говорит в одном месте, что именно лучшие мысли мы почти всегда разделяем с другими нашими современниками и только завершенное проведение того или иного принципа обеспечивает нам справедливое уважение со стороны других людей. Действительно, завершенное проведение принципа — вот чем обусловлено величайшее значение для человечества теории исторического материализма, развитой Марксом и Энгельсом. Они нашли выход из того тупика, в который зашли, с одной стороны, английский и французский социализм, а с другой — немецкая философия. Они направили различные отдельные, слабые сами по себе течения, на которые современную культуру грозили разбить ее собственные противоречия, в единый могучий революционный поток, сокрушающий на своем пути все противоречия.

Нет ничего более неосновательного, как утверждение, будто Маркс и Энгельс своим материалистическим пониманием истории исповедовали тупой фатализм и изгоняли из исторического развития человечества все идеальные движущие силы. Из их диалектического метода само собой вытекало, что если общество оказывает определяющее воздействие на государство, то и государство в свою очередь оказывает обратное воздействие на общество; что если экономические факты являются решающими в конечном счете, то и идеологические представления способны влиять на них со своей стороны; что если идеология не в состоянии производить *самостоятельного* действия, то отсюда отнюдь не следует, будто она является вообще *недейственной*. В тезисах о Фейербахе, в которых Маркс гениально развил основные черты нового мировоззрения, он прямо высказал, что хочет спасти именно деятельную сторону идеализма от инертности созерцательного материализма, что исторический материализм для него не только теоретическая истина, но и практическое оружие, что он намерен применить исторический материализм как инструмент революционного действия для преобразования буржуазного общества в обобществившееся человечество.

Испытать правильность этого совершенно нового мировоззрения можно было, однако, лишь на практике. Прежде всего нужно было разгадать экономический сек-

рет современного буржуазного общества: нельзя было удовольствоваться осуждением капиталистического способа производства, а требовалось понять его и доказать необходимость его гибели из необходимости его возникновения. Среди западноевропейских социалистов Прудон продвинулся вперед дальше других в попытке уразуметь действительную внутреннюю связь явлений капиталистического способа производства, а не просто вскрыть его дурные последствия. Вслед за критикой Фейербаха Маркс занялся критикой Прудона.

3. МАРКС ПРОТИВ ПРУДОНА

Во время своего пребывания в Париже Маркс поддерживал личные отношения с Прудоном. Целые ночи напролет они спорили по экономическим вопросам; Маркс ввел Прудона в идейный мир Гегеля, которым Прудон, при своем незнании немецкого языка, никогда не сумел, однако, вполне овладеть. После того как Маркс был выслан из Парижа, Прудон избрал своим учителем Карла Грюна, у которого всего менее можно было научиться философскому методу.

Действительно, в области идейного развития Прудон настолько же отставал, насколько Маркс двигался вперед. Как далеки они уже были друг от друга спустя какой-нибудь год после того, как они расстались, видно из письма, которое Прудон послал Марксу из Лиона 17 мая 1846 г. К сожалению, письмо Маркса, вызвавшее этот ответ Прудона, не сохранилось или не опубликовано. Каково бы, однако, ни было его содержание, ясно одно, что Прудон, должно быть, трагикомическим образом не понял воззрений Маркса. Он читает нотацию своему «дорогому философу», как второму Лютеру, швыряющему вокруг себя церковными анафемами и отлучениями, как человеку насильственных переворотов, который хочет накликать варфоломеевскую ночь на головы собственников и кровью утолить жажду знания пролетариата. Откуда Прудон почерпнул такие странные сведения, можно до известной степени догадываться по хвалебному гимну Карлу Грюну, наполняющему последнюю часть его письма. То, что Прудон объявлял своим намерением открыть законы общества и способ их осуществления, как раз составляло задачу уяснения дела самому себе, к кото-

рому стремился Маркс. Дело было лишь в том, кто из них обоих лучше понимал толк в этой задаче. Прудон писал Марксу, что его решение задачи появится в сочинении, половина которого уже отпечатана; он просил Маркса подвергнуть книгу суровой критике и обещал с готовностью подчиниться ей в ожидании собственного реванша. Однако когда Маркс исполнил эту просьбу, то реванш Прудона свелся к нескольким случайным замечаниям о «пасквиле некоего доктора Маркса», составляющем «сплетение грубостей, клевет, подлогов и плагиатов».

Возвещенное Прудоном сочинение — «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» — попыталось ответить на вопрос о сущности собственности уже не резкой филиппикой, как его первое литературное детище, а анализом политической экономии. Вместо неразрешимых антиномий Канта Прудон оперировал теперь гегелевским противоречием, которое он нашел также во всех категориях политической экономии и которое затем пытался разрешить. Прежде всего он занялся основополагающим учением о стоимости, противоположностью между потребительной стоимостью и меновой стоимостью; последнюю он хотел устранить путем того утопического истолкования рикардовской теории стоимости, к которому уже пробовали прибегнуть в Англии и даже в Германии. Однако Прудон подошел к своей задаче с позиций мелкой буржуазии, подобно Грею [61], а не с позиций крупной буржуазии, подобно Оуэну и его ученикам, также и не с точки зрения государственного социализма, подобно Родбертусу [62]. Своей «конституированной стоимостью» Прудон хотел сказать последнее слово человечества, тогда как Оуэн и в своеобразной форме Родбертус видели в ней лишь переход к коммунистическому обществу.

При этом Прудон обнаружил грубое непонимание диалектического метода Гегеля. Он крепко держался за ту, ставшую уже реакционной, сторону его, согласно которой мир действительно выводится из мира идеи, и отрекся от его революционной стороны — самодеятельности идеи, полагающей и противополагающей себя, чтобы развернуть в этой борьбе то высшее единство, которое сохраняет предметное содержание обеих сторон, разлагая их противоречивую форму. Прудон различал, напротив, в каждой экономической категории хорошую сторону и дурную сторону, чтобы искать затем синтез, научную формулу,

которая сохранила бы хорошую сторону и уничтожила бы дурную. Он видел, что хорошая сторона выставляется буржуазными экономистами, а дурная изобличается социалистами; своими формулами и синтезами он думал возвыситься равно как над экономистами, так и над социалистами.

Маркс разрушил эту иллюзию следующим рассуждением: «...Г-н Прудон воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов — потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов — потому, что у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться — хотя бы только умозрительно — выше буржуазного кругозора.

Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом» *. Как ни сурово звучит этот приговор, Маркс тем не менее имел право произнести его. В «Нищете философии», этом ответе на «Философию нищеты», написанном по-французски и вышедшем в свет в июле 1847 г., Маркс не только показал, почему и обо что разбилась попытка Прудона, но и разрешил сам ту задачу, которую Прудон поставил себе. Маркс открыл законы общества, он развил политическую экономию и утопический социализм далеко за их собственные пределы, чтобы органически связать их в научном коммунизме, и он сделал это также именно при помощи диалектического метода, только не в идеалистически-мистифицирующей, а в материалистически-революционизирующей его форме.

Из двух глав книги первая занимается «конституированной, или синтетической, стоимостью» Прудона. Маркс показывает, что обмен товаров соразмерно заключенному в них рабочему времени, выдаваемый Прудоном за «революционную теорию будущего», есть именно то, что Рикардо научно изложил как теорию буржуазного

* *К. Маркс.* Нищета философии, 1956, стр. 97—98.

общества. Относительная стоимость труда (заработная плата) определяется рабочим временем, необходимым для производства всего того, что требуется рабочему для поддержания его существования и для продолжения его рода. Рикардо рассуждал: «*Уменьшите* — посредством уменьшения естественной цены пищи и одежды, служащих для поддержания жизни,— *издержки на содержание людей,* и заработна· плата, в конце концов, упадет, несмотря на то, что спрос на рабочие руки может значительно увеличиться». Естественная цена труда есть не что иное, как минимум заработной платы. Таким образом, относительная стоимость, измеряемая рабочим временем, необходимо является формулой современного рабства рабочих, вместо того чтобы быть, согласно утверждению Прудона, «революционной теорией» освобождения пролетариата.

Чтобы подкрепить свою утопию, Прудон предположил, что спрос и предложение непременно уравновесились бы, если бы относительная стоимость продукта определялась затраченным на его производство рабочим временем. В пользу этого утверждения он привел якобы историческое доказательство, что наиболее полезные вещи требуют наименьшего времени для производства, что общество всегда начинает с самых легких отраслей производства и лишь затем постепенно переходит к производству предметов, стоящих наибольшего количества времени и соответствующих потребностям более высокого порядка. Маркс иллюстрировал эту удивительную философию истории гипотетическим утверждением, что если во времена римских императоров кое-кто занимался откармливанием мурен в искусственных прудах, то значит для всего римского населения в изобилии имелась пища; между тем дело обстояло совсем наоборот: у римского народа не было самых необходимых средств, чтобы купить себе хлеба, в то время как римские аристократы не испытывали недостатка в рабах, чтобы бросать их на корм муренам. Не довольствуясь этим, Маркс снова поставил на ноги историческое развитие, которое Прудон перевернул головой вниз. «В действительности дело происходит совсем иначе, чем думает г-н Прудон,— писал Маркс.— С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков

закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов» *. Но история показывает также, что способ, которым продукты обмениваются, сообразуется в общем со способом, которым они производятся. Индивидуальный обмен соответствует определенному способу производства, основанному на антагонизме классов. Потребление продуктов определяется социальными условиями, в которых находятся потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов. Почему хлопок, картофель и водка являются краеугольным камнем буржуазного общества, почему они являются предметом самого широкого потребления? Потому ли, что они самые полезные для общества продукты, или потому, что они, будучи самыми нищенскими продуктами в обществе, основанном на нищете, имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс? Только «в будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» **.

В буржуазном обществе «отношение пропорциональности» между предложением и спросом регулируется не меновой стоимостью продуктов, определяемой заключенным в них рабочим временем, а колебательным движением спроса и предложения, которое одно только и делает из рабочего времени меру стоимости. Всякое новое изобретение, позволяющее производить в один час то, что производилось до сих пор в два часа, обесценивает все однородные продукты, имеющиеся на рынке. Конкуренция вынуждает производителя продавать продукт двух часов так же дешево, как продукт одного часа. Конкуренция осуществляет закон, согласно которому относительная стоимость продукта определяется рабочим временем, необходимым для его производства. Не то время, в течение которого вещь *была* произведена, а минимум времени, в течение которого она *может* быть произведена,— а этот

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 50.
** Там же, стр. 52.

минимум устанавливается конкуренцией — вот что определяет ее стоимость. То обстоятельство, что рабочее время служит мерой меновой стоимости, становится, таким образом, законом постоянного обесценения труда, идущего рука об руку с перепроизводством и многими другими проявлениями анархии производства.

Маркс называет утопию Прудона благим желанием доброго буржуа, которому хотелось бы, чтобы товары производились как раз в пропорциях, позволяющих продавать их по добросовестным ценам. Он показывает, что буржуазной иллюзией искони было воображать себе индивидуальный обмен без классового антагонизма, чтобы видеть в буржуазном обществе состояние гармонии и вечной справедливости, не позволяющее никому обогащаться за счет другого. Но эта «правильная пропорция между предложением и спросом» была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах, когда спрос господствовал над предложением, а потребление — над производством. Она стала невозможной с возникновением крупной индустрии, которая уже своими орудиями вынуждается производить в непрерывно возрастающем масштабе, которая не может ждать спроса, которая с необходимостью законов природы вынуждена проходить постоянную последовательную смену — процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и т. д. «В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

Поэтому одно из двух:

либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени,— и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время;

либо желать прогресса без анархии,— и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы» *.

Маркс указывает затем, что Прудон отнюдь не первый попытался дать «эгалитарное» применение рикардовской теории стоимости. Он перечисляет ряд английских пред-

---

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 55.

шественников его и при этом останавливается подробнее на утопии Дж. Ф. Брея[63], которую вразумительно опровергает тем доводом, что если предположить всех членов общества самостоятельными работниками, то обмен равными количествами рабочих часов возможен лишь при условии предварительного соглашения насчет числа часов, которое следует употребить на материальное производство, но подобное соглашение есть отрицание индивидуального обмена. К тому же заключению мы придем, если возьмем за отправной пункт не распределение произведенных продуктов, а самый акт производства. В крупной промышленности Петр не может произвольно определять время своего труда, ибо труд Петра — ничто без содействия всех остальных Петров и Павлов, объединенных в одном производстве. Этим объясняется упорное противодействие английских фабрикантов законодательному сокращению рабочего времени женщин и детей, поскольку такое сокращение нельзя провести на практике, не сократив также рабочее время и взрослых мужчин. Сама природа крупной промышленности требует, чтобы рабочее время в ней было равным для всех. «То, что сегодня является результатом действия капитала и конкуренции между рабочими, завтра, с устранением отношения труда к капиталу, будет достигаться посредством соглашения, основанного на отношении суммы производительных сил к сумме существующих потребностей.

Но такое соглашение является смертным приговором индивидуальному обмену» *.

Затем Маркс разбирает несколько особых практических применений Прудоном своего открытия. По Прудону, золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла «конституирования» и которые сделались деньгами благодаря верховной санкции, сообщенной им печатью государей. Против этого Маркс возражает: деньги — не вещь, а общественное отношение, которое есть лишь одно из звеньев целой цепи других экономических отношений, с которыми оно поэтому очень тесно связано; подобно индивидуальному обмену, это отношение соответствует определенному способу производства. Деньги не созданы произволом государей. «Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 61.

того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений» *. «Право есть лишь официальное признание факта» **. Печать государей, прикладываемая к золоту, указывает не его стоимость, а его вес; но именно в своем качестве денег, как знаки стоимости, золото и серебро являются единственными товарами, не определяющимися издержками их производства; и это до такой степени верно, что они могут быть заменены в обращении бумагой,— обстоятельство, опять-таки давным-давно выясненное Рикардо. Таким образом, практическое применение Прудоном своей «конституированной стоимости» к анализу денег побивает его же собственное открытие.

Не лучше обстояло дело с ее применением к тому излишку, который труд ассоциированных индивидов дает сравнительно с трудом индивидов, не связанных между собой. Чтобы объяснить, почему общество все больше богатеет, а рабочий все больше беднеет, Прудон персонифицирует общество и дает своему обществу-лицу имя Прометей, причем жизненная деятельность этого общества-лица следует совершенно иным законам, чем жизнедеятельность обыкновенных лиц, составляющих обыкновенное человеческое общество. «Конституированная стоимость» должна обеспечить каждому рабочему все больший продукт, производимый им в течение рабочего дня благодаря прогрессу совместного труда. Против этого Маркс возражает: «Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась... в течение семидесяти лет на 2700 процентов, т. е. в 1840 г. за день производилось в двадцать семь раз больше, чем в 1770 году. Согласно г-ну Прудону следовало бы поставить такой вопрос: почему английский рабочий 1840 года не сделался в двадцать семь раз богаче рабочего 1770 года? Подобного рода вопрос заранее, конечно, предполагает, что англичане могли бы произвести все эти богатства помимо тех исторических условий, при которых они были произведены, т. е. без накопления капиталов частными лицами, без совре-

---

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 65.

** Там же, стр. 68.

менного разделения труда, без фабрики, без анархической конкуренции, без системы наемного труда, словом, без всего того, что основывается на антагонизме классов. Но именно эти-то условия и были как раз необходимы для развития производительных сил и возрастания излишка, доставляемого трудом. Следовательно, чтобы достигнуть такого развития производительных сил и получить такой излишек, доставляемый трудом, необходимо было существование классов, из которых одни наживаются, другие же гибнут от нищеты.

Но что же такое в конечном счете этот воскрешенный г-ном Прудоном Прометей? Это — общество, общественные отношения, основанные на антагонизме классов. Это — не отношения одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д. Устраните эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество. Ваш Прометей превратится в привидение без рук и без ног, т. е. без фабрики и без разделения труда,— словом, без всего того, чем вы его с самого начала снабдили для того, чтобы он мог получать этот излишек, доставляемый трудом» *. Маркс прибавляет, что согласно теории Прудона было бы достаточно на практике произвести среди рабочих уравнительное распределение всех приобретенных к настоящему времени богатств, не изменяя ничего в современных условиях производства. Маркс уже тогда признавал то, что идеологи капитализма еще и поныне изо дня в день выставляют как «уничтожающий аргумент» против коммунизма, т. е. что подобный дележ не обеспечил бы, конечно, каждому из его участников особенно большого благополучия.

Критика Прудона в первой главе излагаемой книги содержала уже косвенно критику буржуазной политической экономии. Эта наука в лице своих классических представителей поняла внутреннюю структуру буржуазного общества гораздо правильнее, чем это сумел сделать Прудон, но ее категории — стоимость, деньги, обмен — имели силу также лишь для буржуазного общества. Они коренились в антагонизме между капиталом и трудом, в антагонизме классов; они устранялись после уничтожения этого антагонизма. Категории политической эко-

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 77.

номии не были, как она сама воображала, вечными и естественными: они были историческими и общественными. Если Рикардо изобразил формы экономических категорий в состоянии покоя, то Маркс представил их функции в состоянии движения. Этим он занялся преимущественно во второй главе своей книги, исследующей удивительный метод Прудона.

Маркс говорит здесь: «Экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства... Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом.

Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения» *. Маркс сравнивает буржуазных экономистов с ортодоксальными теологами, для которых их собственная религия есть эманация бога, а всякая чужая религия — выдумка людей: таким же образом история существовала для экономистов до тех пор, пока существовали «искусственные» феодальные институты, но для них нет более истории, с тех пор как существуют «вечные и естественные» буржуазные институты.

Для Маркса представлялось легкой задачей вскрыть несостоятельность метода, которому следовал Прудон. Если диалектический процесс разрезают на хорошую сторону и дурную сторону и прописывают одну категорию как противоядие против другой, то в идее нет больше жизни; она не функционирует больше, она не полагает и не противополагает себя самой себе в категориях. Как подлинный бывший ученик Гегеля, Маркс очень хорошо знал, что именно дурная сторона, которую Прудон хотел всюду искоренить, именно она, порождая борьбу, создает

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 84—85.

движение, которое образует историю. «Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, вдохновленные рыцарскими добродетелями, прекрасной гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием промышленности, организованной в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они, вдохновленные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить все то, что является теневой стороной этой картины,— крепостное состояние, привилегии, анархию,— то что бы из этого получилось? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю» *.

Маркс правильно ставит затем задачу следующим образом: «чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения» **. Отношения производства менее всего представляют собой вечные законы, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил. Всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации — приобретенных производительных сил, то надо разбить те традиционные формы, в которых они были созданы. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным.

В буржуазном обществе Маркс вскрывает тот же исторический процесс развития, что и в обществе феодальном. «Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата феодальных времен. В ходе своего

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 94.
** Там же, стр. 94.

исторического развития буржуазия неизбежно развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата» *. Чем более обнаруживается антагонистический характер капиталистического способа производства, из которого буржуазные экономисты заимствуют свои «вечные и естественные» законы, тем более они приходят в разлад со своей собственной теорией и среди них образуются различные школы.

Немногими штрихами Маркс обрисовывает классиков буржуазной политической экономии столь исчерпывающим образом, как это никогда не удавалось «исторической школе» немецкой университетской политической экономии с ее изобилием исторических замечаньиц.

---

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 95.

Адам Смит и Рикардо «являются представителями той буржуазии, которая, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от феодальных пятен, увеличить производительные силы и придать новый размах промышленности и торговле. С их точки зрения, пролетариат, принимающий участие в этой борьбе и поглощенный этой лихорадочной деятельностью, испытывает только преходящие, случайные страдания и сам воспринимает эти страдания как преходящие. Миссия таких экономистов, как Адам Смит и Рикардо, являющихся историками этого периода, состоит лишь в том, чтобы показать, каким образом богатство приобретается в рамках отношений буржуазного производства, сформулировать эти отношения в виде категорий и законов и доказать, что эти законы и категории гораздо удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета — это лишь муки, сопровождающие всякие роды как в природе, так и в промышленности» *. Когда же антагонизм между буржуазией и пролетариатом становится явным и исчезает всякая возможность обмана масс насчет того факта, что нищета порождается в таком же огромном изобилии, как и богатство, экономисты начинают разыгрывать из себя либо пресыщенных фаталистов, с высоты своего величия бросающих гордый взгляд презрения на те машины в человеческом образе, трудом которых создается богатство, либо гуманитариев и филантропов, которые хотят упразднить антагонизм буржуазных производственных отношений путем уничтожения дурной стороны их, путем бесконечных различий между теорией и практикой, между правом и фактом, путем увещеваний по адресу буржуа и пролетариев, путем превращения всех людей в буржуа.

Если экономисты служат учеными представителями буржуазии, то социалисты и коммунисты являются теоретиками пролетариата. «Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 96.

пролетариата и для построения нового общества,— до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенных классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что̀ совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной» *. В этих положениях Маркс с классической сжатостью охарактеризовал переход социализма от утопии к науке.

Далее Маркс разбирает частные приложения Прудоном своего метода к ряду экономических категорий: разделению труда и машинам, конкуренции и монополии, земельной собственности или земельной ренте, стачкам и коалициям рабочих. Опровергая мнение Прудона, будто бы разделение труда есть абстрактная категория, Маркс доказывает, что разделение труда есть, напротив, историческая категория и что в различные периоды истории оно принимало самые разнообразные формы. По Прудону, машины являются «логическим антитезисом разделения труда», синтезом, воссоединением разделенного труда. Маркс возражает, что труд различно организуется и разделяется, напротив, в зависимости от того, какими орудиями он располагает. Нельзя начать с разделения труда вообще, чтобы затем прийти от него к машине в частности. «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория» **.

---

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 97.
** Там же, стр. 102.

Но разделение труда на фабрике носит совершенно иной характер, чем разделение труда в обществе. «Тогда как внутри современной фабрики разделение труда регулируется до мелочей властью предпринимателя, современное общество для распределения труда не имеет других правил, другой власти, кроме свободной конкуренции» *. Маркс устанавливает в качестве общего правила, что «по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в обществе *обратно пропорциональны* друг другу» **.

Фабрика есть основное условие для разделения труда в смысле Адама Смита; на фабрике труд каждого рабочего сводится к очень простой операции, тогда как власть, т. е. капитал, группирует и направляет работы. Но фабрика не возникла, как это полагает Прудон, путем полюбовных соглашений между равными товарищами по работе и т. п.; она возникла также не в недрах старинных цехов. «Главой новейшей мастерской сделался купец, а не старый цеховой мастер» ***. Современной крупной промышленности с ее машинами предшествовала мануфактурная промышленность, историческими условиями для образования которой были: с одной стороны, накопление капиталов, облегченное открытием Америки и ввозом ее драгоценных металлов, установление более скорого сообщения с Ост-Индией вокруг мыса Доброй Надежды, колониальная система, развитие морской торговли, с другой — роспуск многочисленных свит феодальных сеньоров, пролетаризация большого числа крестьян вследствие превращения пашен в пастбища, почти повсеместное бродяжничество в XV и XVI вв.

Машины, в собственном смысле слова, появляются лишь в конце XVIII в. Они возникли в Англии из потребности расширявшихся рынков, спрос которых уже не могли удовлетворить изделия ручного труда. Но машина представляет собой соединение орудий труда, а вовсе не комбинацию работ для самого рабочего. «Простые орудия, накопление орудий, сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем — руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двига-

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 104.

** Там же.

*** Там же, стр. 105.

тель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель,— вот ход развития машин» *. Концентрация орудий труда не отрицает разделения труда, как полагает Прудон, а, наоборот, усиливает его. Каждое крупное изобретение в механической технике сопровождается усилением разделения труда, а всякое усиление разделения труда ведет в свою очередь к новым изобретениям в механической технике. Столь же несостоятельно утверждение Прудона, что рабочий видел в применении машин свое «восстановление»: наоборот, в XVIII в. он долго оказывал сопротивление зарождавшемуся господству автоматически действующего механизма. Машина парализовала силу рабочего класса, обесценивая его специальную подготовку; после каждой новой сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина.

Автоматическая фабрика производит переворот в разделении труда не в мелкобуржуазном смысле Прудона, не таким образом, что рабочий, не ограничиваясь изготовлением одной двенадцатой части булавки, изготовляет поочередно все двенадцать ее частей. Фабрика революционизирует разделение труда с точки зрения объективного результата этого процесса не для того, чтобы снова произвести средневекового цехового мастера, а для того, чтобы произвести всесторонне развитого человека. Разделение труда внутри современного общества порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм. Напротив, разделение труда на механической фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но вместе с тем устраняется профессиональный идиотизм и начинает давать себя знать потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида.

Таким же образом Маркс показывает относительно конкуренции и монополии, что это общественные, а не естественные категории. «...Вся история,— говорит он,— есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы» **. Прудон думает, что он сможет побить фурьеристов, хотевших заменить конкуренцию соревнованием, объявляя, что соревнование в промышленной области есть не что иное, как сама конкуренция. Но если бы ремесленнику XIV в. сказали, что всю феодальную орга-

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 106.

** Там же, стр. 112.

низацию промышленности следует уничтожить для того, чтобы на ее место поставить промышленное соревнование, называемое конкуренцией, он бы ответил, что привилегии различных корпораций, цехов и гильдий именно и составляют организованную конкуренцию. Конкуренция не есть необходимая потребность человеческой души, как думает Прудон. Но, подобно тому как она возникла в XVIII в. в силу исторических потребностей, так она может в XIX в. в силу других исторических потребностей исчезнуть. Конкуренция — не промышленное, а торговое соревнование; она является соревнованием не ради продукта, а ради прибыли. «Бывают даже такие фазы в экономической жизни современных народов, когда всех охватывает особого рода горячка погони за прибылью, получаемой без производства. Эта периодически наступающая вновь и вновь спекулятивная горячка обнажает подлинный характер конкуренции, которая старается избежать необходимости промышленного соревнования» *. Дурная сторона конкуренции, которую хочет уничтожить Прудон, толкает общество вперед. Чем более конкуренция побуждает к лихорадочному созданию новых производительных сил, тем более разрушительно влияет она на буржуазные отношения, создавая в то же время материальные условия нового общества. Прудон справедливо видит в монополии необходимый конечный результат конкуренции, но сама конкуренция была порождена *феодальной* монополией, и если конкуренция порождает *современную* монополию, то последняя в свою очередь держится лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнузданнее становится конкуренция между монополистами различных наций.

Относительно земельной собственности Прудон полагал, что ее происхождение лежит за пределами экономики и коренится в психологических и моральных соображениях, стоящих лишь в весьма отдаленной связи с производством богатств; земельная же рента имеет своим назначением крепче привязать человека к природе. Против

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 111.

этого Маркс возражает: «В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи — значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию» *. Земельная рента есть излишек цены земледельческих продуктов над издержками их производства, включая в эти издержки обычную прибыль и обычный процент на капитал. Она является результатом определенных общественных отношений, и только при них она и может возникнуть; она не может быть следствием более или менее прочной, более или менее долговечной природы земли, она обязана своим происхождением обществу, а не почве. Земельная рента, в рикардовском смысле, есть земельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства. Она есть превращение патриархального земледелия в коммерческое предприятие, приложение предпринимательского капитала к земле, перенесение городской буржуазии в деревню. Вместо того чтобы привязать человека к природе, рента только связала эксплуатацию земли с конкуренцией. В качестве ренты земельная собственность теряет свою неподвижность и становится предметом торговли. Рента возможна лишь с того момента, когда развитие городской промышленности и возникшая в результате этого развития общественная организация заставляют земельного собственника стремиться к одной лишь коммерческой прибыли, к одному только денежному доходу от своих земледельческих продуктов и приучают его видеть в его земельной собственности всего лишь машину, чеканящую ему деньги. Рента до такой степени оторвала земельного собственника от земли, от природы, что он может даже вовсе не знать своих земельных владений.

Наконец, Маркс переходит к осуждающему приговору, произнесенному Прудоном над стачками и коалициями рабочих. Маркс опровергает утверждение, будто бы общее

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 117.

повышение заработной платы может привести к более или менее общему повышению цен товаров; он доказывает, что всеобщее повышение заработной платы повело бы к всеобщему понижению прибыли, причем в большинстве случаев изменившееся соотношение между заработной платой и прибылью не повлияло бы на цены товаров. Уже в том, что стачки и коалиции рабочих вызывают против себя усилия изобретательской мысли в области механической техники, Маркс усматривает громадное влияние стачек и коалиций на развитие промышленности. В чем заключается, однако, действительная причина, в силу которой развитие стачек и коалиций прогрессирует вместе с развитием крупной промышленности, несмотря на то что экономисты и социалисты, хотя и руководствуясь при этом различными мотивами, настоятельнейшим образом предостерегают рабочих против пользования этим оружием? «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, *коалиции»* *. Чтобы сломить это сопротивление, отдельные капиталисты в свою очередь объединяются, а чтобы противостоять постоянно объединенному капиталу, коалиции рабочих, вначале изолированные, формируются в группы. Таким образом, охрана рабочими их союзов становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы; рабочие жертвуют — чему крайне удивляются экономисты — значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Защищаемые рабочими интересы становятся классовыми интересами. Коалиция принимает политический характер, ибо борьба класса против класса есть борьба политическая.

Маркс напоминает о том, что исторически буржуазия также начала свою борьбу с частичных коалиций против феодалов с тем, чтобы сложиться в класс, а затем, уже сложившись в класс, превратить феодальное общество в буржуазное. «Существование угнетенного класса состав-

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 131.

ляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Для того чтобы угнетенный класс мог освободить себя, нужно, чтобы приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могли долее существовать рядом. Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества» *. Но после падения старого общества не будет больше классового господства, которое выражалось бы в новой политической власти. Рабочий класс может освободить себя, только уничтожив все классы, точно так же, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий. Победа рабочего класса принесет, по мере его развития, ассоциацию без классов и, следовательно, также без какой-либо политической власти в собственном смысле слова, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества. «А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию» **. Социальное движение не исключает политическое движение, ибо никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным. «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса»» ***. Этими словами Жорж Санд заканчивает Маркс свою книгу.

В полемике против Прудона Маркс завершил свой окончательный разрыв со всяким утопизмом. Он дал неопровержимое доказательство того, что общество не есть

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 131—132.
** Там же, стр. 132.
*** Там же.

произведение человеческой головы, не есть искусственное сооружение мудрых или немудрых архитекторов, что оно, напротив, есть живой организм, который в себе самом носит законы своего развития. Исторический материализм был самым убедительным образом доказан как метод для открытия, а не для создания этих законов, и был пролит яркий, новый свет на проблемы, над разрешением которых тщетно бились до тех пор лучшие умы трех великих культурных народов.

Тем непонятнее или, если угодно, тем понятнее было при тогдашнем уровне развития классовой борьбы в Европе, что книга Маркса, несмотря на новые пути, которые она открывала, почти не оставила по себе следа в сознании современников. В немецкой литературе она, насколько известно, не встретила внимания, во всяком случае не встретила того внимания, которое хоть сколько-нибудь отвечало ее значению; во Франции же она поколебала престиж Прудона так мало, что его влияние на французский пролетариат продолжало непрерывно расти.

Тем не менее на исторической арене появлялся решительный и смелый авангард, постепенно сплачивавшийся вокруг Маркса и Энгельса, как знаменосцев новой эры. Правда, ученые еще игнорировали их работы, правда, широкие массы пролетариата еще не были достаточно зрелыми для понимания тех лозунгов, с которыми они обращались к ним; но Маркс и Энгельс уже тогда приобрели круг деятельности, в котором стоило трудиться. Их научная работа начала оказывать сильное влияние на революционную борьбу того времени.

Глава V

СОЮЗ КОММУНИСТОВ

Со времени июльской революции Бельгия представляла собою образцовое буржуазно-монархическое государство, мнившее себя независимым от классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом и, следовательно, также от революции. Оно предоставляло убежище политическим эмигрантам из больших государств, которое оказалось призрачным лишь после того, как эта иллюзия рассеялась. Усилия прусского правительства добиться высылки Маркса и из Брюсселя не имели успеха. Однако они побудили Маркса выйти из прусского подданства, причем он

не натурализовался ни в Бельгии, ни в другом месте за границей.

За три года его брюссельского изгнания бельгийская столица стала своего рода центром коммунистического движения. С весны 1845 до лета 1846 г. в Брюсселе жил также Энгельс; отсюда они оба поддерживали оживленную связь с революционными элементами английского чартизма и французской социал-демократии, переписываясь с Джулианом Гарни, редактором «Северной Звезды», и с Фердинандом Флоконом[64], редактором «Реформы». Еще важнее была их переписка с Союзом справедливых в Лондоне и с Эвербеком, который руководил парижскими общинами этого союза. В самом Брюсселе они приобрели несколько сторонников, например служащего городской библиотеки Жиго, который находился в дружеских отношениях с Прудоном и которого привлекала, быть может, не столько коммунистическая теория, сколько гуманитарная сторона рабочего движения.

С немецкой родиной они также находились в непрерывных сношениях; в Рейнской провинции, в частности в Кёльне, они имели известное число приверженцев. Кроме того, из Лондона приехал к ним Вейтлинг, из Швейцарии — Себастьян Зейлер, из Вестфалии — Иосиф Вейдемейер[65], бывший артиллерийский лейтенант, ставший потом их неизменно верным соратником. По возвращении в Германию Вейдемейер усердно старался привлечь на их сторону «Вестфальский пароход», как и вообще устранить трудности с изданием, которые встречала на немецкой земле их литературная деятельность. Один молодой ученик Фейербаха, Герман Криге, прежде чем переселиться в Соединенные Штаты, чтобы агитировать за коммунизм в Новом Свете, также приезжал сначала к Энгельсу в Бармен, а затем в Брюссель к Марксу.

Но из всех примкнувших в Брюсселе к Марксу и Энгельсу ближе всех был к ним Вильгельм Вольф[66], «смелый, верный, благородный, передовой борец пролетариата», памяти которого Маркс посвятил впоследствии первый том своего «Капитала». Вольф был сыном крепостного крестьянина из Силезии. Ценою огромных трудностей он получил в гимназии и университете классическое филологическое образование, никогда не теряя жгучей ненависти к угнетателям своего класса. Как «демагога», его годами таскали по прусским крепостям, затем он жил частными

уроками в Бреславле, где весело и храбро воевал с бюрократией и цензурой. Его боевой дух революционера, однако, отнюдь не исчерпывался юмором этой партизанской войны. Он спустился в трущобы, где гибнул бреславльский пролетариат, и его потрясающее описание этих «казематов» принесло ему почетное прозвище «казематного Вольфа». О его ясном понимании экономических вопросов свидетельствовал очерк о силезском восстании ткачей, опубликованный им в «Книге для немецких граждан». Преследуемый за нарушение законов о печати, он отказался от удовольствия гнить в прусских тюрьмах и отправился сначала в Лондон, а затем в Брюссель, к Марксу и Энгельсу, и стал их деятельнейшим помощником, будучи человеком с непоколебимой силой характера, надежным, как скала, и с чувством долга, одинаково строгим к другу и врагу, но наиболее строгим к самому себе.

Таким образом, не было недостатка в разнообразных побуждениях к коммунистической пропаганде, даже если бы Маркс и Энгельс склонны были — чего в действительности отнюдь не было — передавать шепотом свои теоретические выводы исключительно ученому миру в толстых книгах. Рука об руку с их научными исследованиями шла их практическая агитация. Это была трудная работа, довольно часто остававшаяся безрезультатной или, по крайней мере, казавшаяся такой; не от одного литературного плана, за который они с живым интересом принимались в эти годы, им пришлось отказаться. Но они не уставали несмотря на все внешние препятствия, несмотря даже на самое неприятное препятствие, создаваемое им как раз теми самыми кругами, на которые они хотели воздействовать,— упрек в легкомысленной жажде разрушения, в том, что своей разрушительной критикой они мешают социалистическому движению, которое, если не придавать значения несущественным мелочам, иначе с непреодолимой силой завоевало бы весь мир. Маркс и Энгельс были, однако, слишком дальновидными, чтобы не понимать, что дело как раз в этих мелочах, из-за которых освободительная борьба современного пролетариата, не имея ясных и определенных целей, может только терпеть одно поражение за другим.

Марксу, несомненно, не доставляло особого удовольствия критически сводить счеты с Прудоном, а затем и с Вейтлингом, этими гениально одаренными пролетариями,

первое появление которых на исторической арене никто не приветствовал так радостно и не понял так глубоко, как именно он. Мы имеем также достаточно свидетельств терпения и снисходительности, с которыми Маркс относился к Вейтлингу в этот брюссельский период. Но утопизм Вейтлинга был неизлечим, и, таким образом, не оставалось ничего больше, как устранить это препятствие с пути развития пролетариата. Сам Вейтлинг и один беспристрастный свидетель, русский публицист Анненков, с драматической живостью описали сцену, происходившую в марте 1846 г., когда ставшие непримиримыми противоречия столкнулись друг с другом. Вскоре после того Вейтлинг довел дело и до внешнего разрыва, притом в форме, которою сам подчеркнул свою очевидную неправоту.

Произошло это, когда Маркс, Энгельс и их ближайшие друзья вынуждены были в мае 1846 г. выступить с циркуляром против Криге. Этот молодой студент обманул надежды, которые особенно возлагал на него Энгельс; он с детски-напыщенным видом разыгрывал из себя в Нью-Йорке пророка европейского коммунизма и распространял в своем «Народном трибуне» фантастически сентиментальные бредни, «любовную болтовню», как говорилось в брюссельском циркуляре, изображая коммунизм как нечто преисполненное любви и противоположное эгоизму, сводя всемирно-историческое революционное движение к нескольким словам: любовь — ненависть, коммунизм — эгоизм, что оказало бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы было ими принято. Криге зашел так далеко, что даже его земляки, коммунисты из Вестфалии, отвернулись от него. Люнинг[67] перепечатал брюссельский циркуляр, даже против воли авторов, в «Вестфальском пароходе», признав тем самым, что допускает до некоторой степени самокритику своего собственного журнала. Вейтлинг не примкнул, однако, к выступлению брюссельских коммунистов и в письме к Криге самым недружелюбным образом поставил под сомнение их намерения. Его мания величия и преследования оттолкнула от него, наконец, его последнего друга Гесса; тогда он отправился к Криге в Америку.

В циркуляре брюссельских коммунистов подвергся критике и Союз справедливых, о котором Криге распространял всевозможные хвастливые басни. Однако пролетарии, принадлежавшие к этому Союзу, отнеслись к брюс-

сельской критике гораздо разумнее, чем Вейтлинг, с которым они не в силах были сладить уже во время его пребывания в Лондоне. Приблизительно в конце года (Маркс указывает конец 1846 г., а Энгельс—весну 1847 г.) в Брюссель приехал Иосиф Молль, чтобы предложить Марксу и Энгельсу вступить в Союз, который намерен сделать их критический коммунизм своей доктриной. Таким образом, молния мысли все-таки ударила в наивную народную почву; завоеванием организации подлинных пролетариев, как бы малочисленна она ни была, приобреталось больше, чем терялось вследствие отпадения всякого литературного, утопического и прочего социализма, не сумевшего оценить освободительную борьбу пролетариата в ее историческом значении. В Брюсселе возникли общины Союза, в которых действовали Маркс и Вольф; Энгельс, уехавший в августе 1846 г. в Париж, чтобы положить конец путанице, внесенной Грюном в умы тамошних немецких рабочих, продолжал и потом работать в парижских общинах, что не мешало ему, вероятно, приезжать временами в Брюссель.

В это же время открылись другие перспективы практической деятельности. В германском союзе, особенно в Пруссии, умножались предвестники революции. С изданием февральского патента 1847 г., созвавшего соединенный ландтаг, романтический король в Берлине начал капитулировать перед буржуазией; это было робкое начало, но все же начало, которое по своим историческим условиям не могло не перерасти в нечто большее. Все устои домартовского деспотизма стали шататься. Традиции Шёна и Альтенштейна никогда не вымирали полностью среди прусской бюрократии; капризный режим Фридриха-Вильгельма IV укрепил их именно тем, что старался совершенно вытравить их. Дух тайной оппозиции проникал в самые секретные шкафы самых почтенных канцелярий, сдувая пыль с хранившихся в них актов. Всего сильнее он замечался среди духовенства, учителей и судей, среди тех слоев бюрократии, которые не совсем еще были выданы с головой произволу высших мандаринов. Ортодоксальное хозяйничание Эйххорна в церкви и школе возбудило мятежное настроение среди той части духовенства, которая не дошла еще до полного ханжества, и среди всех почти учителей, начиная от университета и кончая сельской школой. Судьи были взбудоражены пресловутым

дисциплинарным законом, рейнские юристы стали недоверчивыми и подозрительными вследствие постоянных урезываний кодекса Наполеона. В армии также, особенно среди младших офицеров, распространялись радикальные тенденции. Когда артиллерийского лейтенанта Аннеке в Миндене захотели уволить из армии за коммунистический образ мыслей, то долго не удавалось добиться его осуждения. В суде чести настоящие товарищи его, тридцать младших офицеров, высказались за оправдание, тогда как восемнадцать высказались за увольнение, а остальные восемнадцать только за предупреждение. Чтобы добиться увольнения Аннеке из армии, король вынужден был вмешаться, издав угрожающий кабинетский указ и назначив новый суд чести исключительно из штаб-офицеров. Старым служакам пришлось еще после этого положить немало сил, чтобы удержать прежних товарищей Аннеке от дружеских сношений с ним. Этот случай был особенно поразительным, но далеко не единственным симптомом брожения среди младшего офицерства.

Бывшим прусским офицером был также Адальберт фон Борнштедт, издававший с начала 1847 г. дважды в неделю «Немецкую брюссельскую газету» [68]. Он не был человеком строгих принципов, но не был и только дельцом, как Бернштейн; недоверчивое отношение к нему в эмигрантских кругах было скоро рассеяно процессами, возбужденными против него по доносу прусского посольства. Маркс находил, что «Немецкая брюссельская газета», «несмотря на все свои слабые стороны, все же имеет некоторые заслуги»; вместо того чтобы видеть препятствие в имени Борнштедта и на этом основании ничего не делать, он предпочел улучшить газету. Начиная с весны 1847 г. и затем все усерднее в последующие месяцы он вместе со своими друзьями сотрудничал в газете и создал ей репутацию третьего органа тогдашней европейской демократии, наряду с «Северной звездой» и «Реформой».

Тем временем круг его друзей пополнился новыми ценными силами; в Брюссель приехали Георг Веерт, Мозес Гесс, Фердинанд Вольф и, наконец, Эрнст Дронке [69]. К этим образованным идеологам присоединились пролетарии, принадлежавшие к наиболее развитым элементам своего класса: маляр Штейнгенс и позументщик Ридель, оба наборщики «Немецкой брюссельской газеты», Стефан Борн [70], впоследствии профессор университета в Базеле,

и Валлау, впоследствии обер-бургомистр в Майнце. Они образовали ядро Немецкого рабочего общества, возникшего в августе 1847 г. и насчитывавшего около 100 членов. Несколько позже, в ноябре, была основана Демократическая ассоциация, которая носила международный характер и объединяла бельгийских демократов с политическими эмигрантами, собравшимися в Брюсселе. Почетным президентом был старый генерал Меллине, спаситель Антверпена от голландцев, президентом — адвокат Жотран, бывший член бельгийского временного правительства. Вице-президентами были: от немцев — Маркс, от поляков — бывший член польского временного правительства Лелевель, от французов — Эмбер, который после февральской революции 1848 г. был назначен губернатором Тюильри. Демократическая ассоциация была, конечно, еще меньше, чем Немецкое рабочее общество, и Маркс отнюдь не преувеличивал значение этих организаций. Он находил лишь, что непосредственная пропаганда, общественная деятельность необыкновенно освежающе действуют на каждого.

Необыкновенно освежающе действует еще и теперь все, что Маркс и Энгельс создали тогда, занимаясь непосредственной пропагандой: статьи в «Немецкой брюссельской газете», доклады в Немецком рабочем обществе и в Демократической ассоциации, наконец, и больше всего то, что они делали для Союза справедливых.

1. «НЕМЕЦКАЯ БРЮССЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА»

Первое соприкосновение Маркса с газетой Борнштедта было вызвано полемикой с Карлом Грюном.

Грюн, создавший себе, как истый немецкий журналист, широкую рекламу в прессе, искал Маркса, по немецкой поговорке, «за той печкой, за которой спрятался сам»: Маркс прибег будто бы к мелким выпадам в мелких газетных статейках, чтобы умалить значение книги Грюна о социальном движении в Бельгии и Франции. Так инсинуировала «Трирская газета» — орган Грюна. В ответ на это Маркс заявил, что напечатает в «Вестфальском пароходе» подробный разбор книги Грюна, который он написал для их с Энгельсом совместного сочинения о немецкой идеологии, чтобы показать, насколько ему необходимо пускать в ход против Грюна приемы недобросовестной конкурен-

ции. Этот разбор действительно появился в «Вестфальском пароходе»; вместе с тем Маркс * поместил в «Немецкой брюссельской газете» подробный критический разбор книги Грюна «О Гёте с человеческой точки зрения». Маркс убедительно показал здесь, что Грюн не замечает гениального и великого в Гёте и топит их в потоке тривиальностей, зато раздувает, выступая как типичный газетчик, все филистерские, мещанские черты, все мелочные стороны Гёте, чтобы изобразить немецкого филистера идеалом «человека».

Как ни метка была эта критика и как ни заслужил ее Грюн своей пошлой болтовней о Гёте, нельзя, однако, не признать, что Маркс был не вполне прав **, когда он в «Немецкой брюссельской газете» делал «известной части немецких социалистов» упрек в том, что она «непрерывно шумела против либеральной буржуазии и притом делала это таким образом, что никому, кроме немецких правительств, не принесла пользы...». Мозес Гесс, например, боролся тогда плечом к плечу с Марксом и Энгельсом; он стоял целиком на их точке зрения в ряде статей о последствиях пролетарской революции и в нескольких заметках, направленных против Руге. Люнинг жаловался еще, правда, на резкий тон Маркса, но принял с большой радостью в «Вестфальский пароход» критическую статью о Грюне, присланную ему Марксом. Даже суровый приговор, вынесенный Марксом Грюну, необходимо принять с известными ограничениями, поскольку Грюн, без сомнения, плохой философ и плохой социалист, все же был по-своему, как беллетрист, неплохим демократом. «Истинные социалисты» относились по-своему с симпатией к трудящимся и никогда не думали предавать интересы пролетариата домартовской реакции. Кроме того, в актив их исторического счета нужно записать, что вопрос об отношении домартовского социализма к домартовскому либерализму был не так уж прост.

Как именно Маркс и Энгельс неоднократно подчерки-

---

* Работа «Немецкий социализм в стихах и прозе» написана не Марксом, а Энгельсом. *Ред.*

** Речь идет об «истинных» социалистах (см. прим. 29 к настоящему изданию). Преуменьшая опасность этой разновидности мелкобуржуазной идеологии для Германии 40-х годов, Ф. Меринг в данной книге (см. стр. 151, 188) не совсем правильно оценивает критику «истинного» социализма К. Марксом и Ф. Энгельсом. *Ред.*

вали, начиная с «Немецко-французского ежегодника», немецкая буржуазия как раз в тот момент, когда она собиралась вступить в борьбу с королевской властью и юнкерством, почувствовала у себя на шее львиную лапу рабочего класса. Ее политика приобрела вследствие этого, с одной стороны, *еще* революционный, но, с другой — *уже* реакционный оттенок. Логика истории и разума была на стороне Маркса и Энгельса, когда они требовали, чтобы рабочий класс в своих собственных интересах обеспечил сначала победу буржуазии над абсолютизмом и феодализмом, и осыпали едкими насмешками все попытки «истинного социализма» побороть либерализм раньше, чем последний справится с феодализмом. Но найти границу между *еще* революционной и *уже* реакционной тактикой было не так легко. Маркс и Энгельс иной раз также ошибались на этот счет, хотя и в противоположную сторону, чем «истинные социалисты». Когда они хвалили отклонение подоходного налога Соединенным ландтагом, как логически последовательный отказ в деньгах, как энергичную попытку парализовать абсолютистско-феодальный режим в слабом его месте, то они оказывали оппозиции против подоходного налога слишком много чести. Речи и голосования доказывают, что налог был отклонен не из революционной оппозиции правительству, а из весьма реакционной заботы о карманах имущих классов, которые не хотели принести даже незначительную жертву, чтобы доставить небольшое и временное облегчение трудящимся.

От этой ошибки не была свободна также блестящая во всех других отношениях статья Маркса и Энгельса от 12 сентября, в которой они свели счеты с правительственно-церковным социализмом «Рейнского обозревателя». Против ссылки на эгоизм либеральной буржуазии, заботящейся, дескать, только о себе и нисколько не думающей о «благе народа», они возражают: «Народ, или — если заменить это чересчур общее и расплывчатое понятие более точным — пролетариат... не спрашивает, является ли народное благо для буржуа главным или второстепенным делом, *желают* ли буржуа воспользоваться пролетариатом как пушечным мясом или нет. Пролетариат вовсе не интересует одно лишь *желание* буржуа, ему интересно знать, чего буржуа *вынуждены* добиваться. Вопрос заключается в том, что̀ даст ему больше средств для достижения его собственных целей: теперешний ли по-

литический строй — господство бюрократии, или тот строй, к которому стремятся либералы,— господство буржуазии. Достаточно ему сравнить политическое положение пролетариата в Англии, Франции и Америке с его положением в Германии, чтобы убедиться в том, что господство буржуазии не только дает в руки пролетариата совершенно новое оружие в борьбе *против* самой же буржуазии, но и создает ему совершенно новое положение — положение признанной партии» *. Не следует ведь думать, что пролетариат — это берлинские поденщики или померанские крестьяне: пролетариат так же хорошо видит насквозь фразы правительства о народном благе и плохом социальном положении, как и подобные фразы либеральной буржуазии.

Что касается социальных принципов христианства, то они располагали сроком в 18 столетий для своего развития и что же они дали на практике? «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную консисторским советником компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собствен-

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 197.

ного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же — революционен» *.

Таким же образом Маркс и Энгельс беспощадно развеяли сладкую мечту о союзе между королем и народом: «Из всех политических элементов,— писали они,— самым опасным для короля является народ. Не тот народ, о котором говорит Фридрих-Вильгельм и который со слезами благодарности на глазах принимает пинки и грошовые подачки,— этот народ безусловно не опасен, ибо он существует лишь в воображении короля. Настоящий же народ, пролетарии, мелкие крестьяне и городская беднота,— это, как выражается Гоббс, puer robustus, sed malitiosus, здоровенный и злонравный малый; он не позволит водить себя за нос ни тощим, ни жирным королям.

Этот народ прежде всего намерен вырвать у его величества конституцию с всеобщим избирательным правом, свободу союзов, свободу печати и другие неприятные вещи.

А добившись всего этого, он уж воспользуется этим, чтобы как можно скорее выразить свое отношение и к *власти*, и к *величию*, и к *поэзии* монархии!» **. Пророчество, которому потребовалось всего полгода, чтобы сбыться слово в слово.

На столбцах «Немецкой брюссельской газеты» Маркс и Энгельс рассчитались не только с правительственно-церковным социализмом, но и с тем политическим радикализмом, который видел в монархах виновников всякой реакции,— представление, столь же глубокомысленное, как представление монархов, которые могут себе объяснить революционные движения только подстрекательством демагогов. В качестве носителя этого радикализма, шумевшего тем сильнее, чем меньше у него было идей, выступил против них Карл Гейнцен [71]. Среди домартовских политических эмигрантов Гейнцен приобрел некоторую известность больше своим грубиянским тоном, чем умственными дарованиями; не будучи ни в коем случае равным противником для Маркса и Энгельса, он, как типичный представитель целого направления, все же имел известное зна-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 204—205.
** Там же, стр. 206—207.

чение, так что более серьезная полемика с ним не была напрасной затратой труда.

Возражая Гейнцену, Маркс писал, что не монархия является источником немецкого общества, а, напротив, немецкое общество есть источник монархии. «Насильственная реакционная роль, в какой выступает монархия, показывает лишь то, что в порах старого общества образовалось новое общество, которое должно воспринимать и политическую оболочку — естественный покров старого общества — как противоестественные оковы и должно ее взорвать. Чем меньше развиты эти новые разрушительные общественные элементы, тем более консервативной является даже самая свирепая реакция старой политической власти. Чем более развиты эти новые разрушительные общественные элементы, тем более реакционными являются даже самые безобидные консервативные поползновения старой политической власти. Реакционность монархической власти, вместо того чтобы доказывать, что эта власть создает старое общество, доказывает, напротив, что она сама будет уничтожена, как только изживут себя материальные условия старого общества. Ее реакционность есть вместе с тем и реакционность старого общества, которое остается еще *официальным* обществом и поэтому также и *официальным обладателем* власти или обладателем *официальной власти.*

Когда материальные условия жизни общества развились настолько, что преобразование его официальной политической формы стало для него жизненной необходимостью, тогда изменяется вся физиономия старой политической власти. Так, абсолютная монархия, вместо того чтобы *централизовать,*— а в этом, собственно, и состояла ее цивилизаторская деятельность,— делает теперь попытки к *децентрализации.* Возникшая в результате поражения феодальных сословий и принимавшая деятельнейшее участие в их разрушении, она стремится теперь сохранить хотя бы *видимость* феодальных перегородок. Если в прошлом она покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолепия, то теперь абсолютная монархия повсеместно становится поперек дороги торговле и промышленности, превращающимся во все более опасное оружие в руках уже могу-

щественной буржуазии. От *города*, этой колыбели ее расцвета, она обращает свои робкие и отупевшие взоры на *сельские усадьбы*, унавоженные трупами ее былых могучих противников» *. Как ни прозрачна была эта полемика, она осталась для Гейнцена книгой за семью печатями.

Он был достаточно бестактен, чтобы в разгаре революционной борьбы следующего года выпустить неумную и пресную брошюру против Маркса и Энгельса, но его собственные революционные подвиги не отвечали даже самым скромным требованиям. К ужасу филистеров и к великой радости полицейских он сочинял смехотворные катехизисы, чтобы побудить солдат к дезертирству, или изобретал паровые гильотины для массового препровождения государей в лучший мир; по ту сторону океана он еще в течение десятилетий метал громы против немецких монархов и немецких коммунистов, от которых ни один волос не упал с головы ни у тех, ни у других.

2. «НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ», «РЕЧЬ О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ»

Из лекций по экономическим вопросам, прочитанных Марксом в Немецком рабочем обществе в Брюсселе, сохранился лишь отрывок из его статей «Наемный труд и капитал» **, свидетельствующий об его мастерстве и в области научной популяризации. Маркс исследует прежде всего, что такое заработная плата. На повседневном опыте каждого рабочего он показывает, что заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре, а, напротив, есть та часть уже имеющихся налицо товаров, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительного труда. Маркс спрашивает далее, как определяется цена труда? И отвечает — как цена всякого другого товара. Она определяется трехсторонней

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 307—308.

** В текст этой брошюры, изданной в 1891 г., Ф. Энгельс внес некоторые изменения и дополнения с целью привести изложение в соответствие с дальнейшим развитием экономического учения К. Маркса. Относительно новой редакции текста Ф. Энгельс во введении писал: «Все внесенные мной изменения относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд*, согласно теперешнему тексту — свою *рабочую силу*». *Ред.*

конкуренцией: покупателей между собой, или спросом; продавцов между собой, или предложением; между покупателями и продавцами, или колебаниями спроса и предложения. Эти колебания всякий раз приводят цену товара к уровню издержек его производства. Текущая же цена товара всегда стоит выше или ниже издержек его производства. Если спрос на какие-нибудь товары выше их предложения, то цены этих товаров поднимаются, масса капиталов устремляется в процветающую отрасль промышленности, пока вследствие перепроизводства цена ее продуктов не упадет ниже издержек их производства. Если предложение каких-нибудь товаров выше спроса на них, то происходит обратный процесс: капиталы отливают из производства этих товаров, пока их цены не поднимутся снова выше издержек их производства. Сообразно с этим и цена труда определяется издержками его производства; в постоянном колебании она то поднимается выше, то опускается ниже их. Но издержки производства простого труда сводятся к издержкам существования рабочего и продолжения его рода; цена этих издержек составляет заработную плату. Подобно тому как цена товаров определяется издержками производства вообще, так и минимум заработной платы имеет силу не по отношению к отдельному индивиду, а ко всему роду. Отдельные рабочие, миллионы рабочих получают недостаточно для того, чтобы иметь возможность существовать и продолжать свой род; но заработная плата всего рабочего класса выравнивается по этому минимуму.

Маркс переходит затем к исследованию капитала. Против объяснения экономистов, согласно которому капиталом является накопленный труд, служащий средством для нового производства, Маркс возражает: «Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится *рабом*. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом*. Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как *золото* само по себе не является *деньгами* или сахар — *ценой* сахара» *. Капитал есть общественное производст-

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 441.

венное отношение, он представляет собой буржуазное производственное отношение, производственное отношение буржуазного общества. Сумма товаров, меновых стоимостей, становится капиталом «благодаря тому, что она, как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила, принадлежащая *одной части общества,* сохраняется и умножается путем *обмена на непосредственный, живой труд.* Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости» *. Капитал и труд *«взаимно обусловливают друг друга; они взаимно порождают друг друга»* **.

Буржуазные экономисты выводят отсюда заключение, что интересы капиталиста и рабочего одни и те же. И в самом деле! Рабочий гибнет, если капитал не предоставляет ему работы, а капитал гибнет, если он не эксплуатирует труд. Чем быстрее увеличивается производительный капитал, чем больше, следовательно, процветает промышленность, чем больше обогащается буржуазия, чем лучше идут дела, тем больше рабочих требуется капиталисту, тем дороже рабочий продает себя. Выходит, что непременным условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является возможно более быстрый рост производительного капитала.

Но что такое рост производительного капитала? Это — рост власти накопленного труда над трудом живым, рост господства буржуазии над рабочим классом. Если наемный труд производит господствующее над ним чужое богатство, враждебную ему силу, капитал, то от последнего он получает средства занятости, т. е. средства к жизни, под тем условием, что он снова сделается частью капитала, рычагом, снова бросающим капитал в ускоренное

---

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 443.

** Там же, стр. 444.

движение роста. *«Утверждение, что интересы капитала и интересы труда одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд — это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обусловливает другую, как взаимно обусловливают друг друга ростовщик и мот»* *.

Маркс берет для примера наиболее благоприятный случай: если возрастает производительный капитал, то растет вследствие этого спрос на труд, следовательно, повышается цена труда, заработная плата. Но сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала, а его быстрый рост вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Следовательно, хотя доступные рабочему наслаждения и возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем общественного развития. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом, поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку; будучи общественными по своему характеру, они относительны. Может повыситься номинальная заработная плата, т. е. денежная цена труда, может повыситься даже реальная заработная плата, т. е. то количество товаров, которое рабочий может действительно купить на свою заработную плату, и тем не менее относительная заработная плата может упасть.

Заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре, но она должна быть возмещена капиталистом из выручки от продажи произведенного рабочим продукта.

Продажная цена произведенного рабочим товара распадается для капиталиста на три части: возмещение цены авансированных им сырых материалов и снашивающихся средств труда, возмещение авансированной им заработной платы и прибыль самого капиталиста. Первая часть лишь возмещает стоимости, имевшиеся уже раньше, остальные две части, заработная плата и прибыль, целиком берутся из новой стоимости, которую труд рабочего создал и при-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 445.

соединил к стоимости сырья. И в этом смысле, для сравнения их друг с другом, можно рассматривать заработную плату и прибыль как доли в продукте, произведенном рабочим. Они находятся в таком случае в обратном отношении друг к другу: прибыль повышается в той же мере, в какой понижается заработная плата, и понижается в той же мере, в какой повышается заработная плата. Даже в пределах отношений между капиталом и наемным трудом интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны. «Если капитал возрастает быстро, заработная плата может повыситься; но несравненно быстрее повышается прибыль капиталиста. Материальное положение рабочего улучшилось, но за счет его общественного положения. Общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, расширилась...

Утверждение, что возможно более быстрый рост производительного капитала является для наемного труда наиболее благоприятным условием, на деле означает лишь следующее: чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, господствующее над ним чужое богатство, тем благоприятнее условия, на которых ему позволяют снова работать над умножением богатства буржуазии, над увеличением власти капитала — работать, довольствуясь тем, что он сам кует золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой» *.

Фактически, однако, рост производительного капитала и повышение заработной платы отнюдь не так неразрывно связаны друг с другом, как это утверждают буржуазные экономисты. Неправда, будто чем жирнее капитал, тем лучше откармливается его раб. Умножение капиталов усиливает конкуренцию между капиталистами. Увеличение размера капиталов дает возможность выводить на поле промышленной битвы все более мощные армии рабочих, вооруженные все более грандиозными орудиями борьбы. Один капиталист может вытеснить другого с поля битвы и завладеть его капиталом, только продавая дешевле, а чтобы иметь возможность продавать дешевле, не разоряясь при этом, он должен дешевле производить, т. е. возможно больше увеличивать производительную силу труда. Но производительная сила труда увеличивается прежде всего путем большего разделения труда, путем более все-

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 451.

стороннего применения и постоянного усовершенствования машин. Чем многочисленнее армия рабочих, внутри которой разделен труд, чем грандиознее масштаб, в котором применяются машины, тем относительно быстрее сокращаются издержки производства, более производительным становится труд. Поэтому между капиталистами возникает всестороннее соперничество в стремлении увеличивать разделение труда и применение машин и использовать их в возможно более крупном масштабе. Закон, который в рамках периодических колебаний спроса и предложения неизбежно выравнивает цену товара по его издержкам производства,— этот закон революционизирует способ производства, непрерывно преобразует средства производства, снова и снова выбивает буржуазное производство из прежней колеи, не дает капиталу ни минуты покоя и постоянно нашептывает ему: «Вперед! Вперед!». Если представить себе, что это лихорадочное возбуждение одновременно охватило весь мировой рынок, то легко понять, каким образом рост, накопление и концентрация капитала ведут к беспрерывному, само себя обгоняющему, осуществляющемуся во все более исполинских масштабах разделению труда, применению новых машин и усовершенствованию старых.

Эти обстоятельства неразрывно связаны с ростом производительного капитала. Спрашивается: как они влияют на определение заработной платы? Большее разделение труда дает возможность одному рабочему выполнять работу 5, 10, 20 человек; следовательно, оно увеличивает конкуренцию между рабочими в 5, 10, 20 раз. Далее. Разделение труда ведет к упрощению труда. Особая искусность рабочего утрачивает всякую ценность: он превращается в простую, однообразную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков. Его труд становится доступным для всех трудом. По мере того как труд становится все более отталкивающим, конкуренция между рабочими увеличивается. Но в той же мере уменьшается и заработная плата, ибо, чем проще какой-нибудь вид труда, чем легче ему можно обучиться, тем менее значительны издержки его производства. Тщетно пытается рабочий отстоять общую сумму своей заработной платы, работая больше, т. е. либо трудясь в течение большего числа часов, либо производя больше в течение того же числа часов.

Чем больше он работает, тем меньшую плату он получает; и это по той простой причине, что он в такой же мере создает более сильную конкуренцию своим товарищам по работе и потому превращает своих товарищей в конкурентов самому себе, предлагающих свой труд на столь же плохих условиях, как и он сам.

Машины производят то же самое действие, но в гораздо большем масштабе, вытесняя искусных рабочих малоискусными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми, выбрасывая массами на улицу рабочих ручного труда там, где машины вводятся впервые, и вытесняя рабочих отдельными группами там, где машины усовершенствуются, улучшаются, заменяются более производительными машинами. Промышленная война между капиталистами имеет ту особенность, что здесь сражения выигрываются не столько путем увеличения численности армии рабочих, сколько путем уменьшения ее. Полководцы, капиталисты состязаются между собой в том, кто сможет уволить большее число промышленных солдат.

Но этого мало! Мелкий промышленник не выдерживает такой войны, одно из первых условий которой состоит в том, чтобы производить в постоянно расширяющемся масштабе, т. е. в том, что необходимо быть именно крупным, а отнюдь не мелким промышленником. Процент с капитала уменьшается в той же степени, в какой возрастает капитал, в какой увеличивается его масса и численность; мелкий рантье не может больше существовать на свою ренту и должен устремиться в промышленность, чтобы разделить судьбу мелкого промышленника. Масса мелких промышленников и мелких рантье опускается в ряды пролетариата, и им не остается ничего иного, как поскорее поднять свои руки рядом с руками рабочих. Таким образом, лес рук, простертых вверх с требованием работы, становится все более густым, а сами руки — все более худыми.

Наконец, в той же самой мере, в какой капиталисты всем этим ходом развития вынуждаются эксплуатировать во все возрастающем масштабе уже существующие исполинские средства производства и с этой целью приводить в движение все пружины кредита, в такой же мере учащаются те землетрясения, при которых торговый мир сохраняется лишь благодаря тому, что приносит в жертву подземным богам часть богатства, продуктов и даже про-

изводительных сил,— словом, усиливаются кризисы. Они становятся все чаще и острее уже потому, что по мере увеличения массы продуктов, а следовательно, возрастания потребности в расширении рынков, всемирный рынок все более суживается, остается все меньше рынков для эксплуатации, так как каждый предшествующий кризис вовлекал во всемирную торговлю новые или до того времени лишь поверхностно эксплуатировавшиеся ею рынки. Но капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу трупы своих рабов — целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Маркс резюмирует этот анализ отношения между наемным трудом и капиталом следующим образом: *«...если капитал растет быстро, то еще несравненно быстрее растет конкуренция между рабочими, т. е. чем быстрее растет капитал, тем относительно сильнее сокращаются средства занятости, средства к жизни для рабочего класса; и тем не менее быстрый рост капитала является условием наиболее благоприятным для наемного труда»* *.

К сожалению, только этот переданный в основных чертах отрывок и сохранился из лекций, в которых Маркс открыл немецким рабочим в Брюсселе экономическое понимание века крупной промышленности. Другой образец его практической агитации в то время дает речь о свободе торговли, произнесенная им на публичном собрании Брюссельской демократической ассоциации 9 января 1848 г.

Первоначально Маркс намеревался произнести эту речь на международном конгрессе экономистов, состоявшемся в сентябре 1847 г. в Брюсселе и с великим шумом и треском выступившем за свободу торговли. Маркс не получил тогда слова. Позиция Маркса по вопросу о свободе торговли вытекала из его принципиального воззрения на классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом. Точно такую же позицию по этому вопросу занимал и Энгельс. В своих эльберфельдских речах Энгельс предостерегал своих слушателей, чтобы они в протекционистской агитации Листа не усматривали панацеи для капиталистического способа производства. В «Немецкой брюссельской газете» он доказывал затем, что рабочему живется одинаково скверно как при системе

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 459.

свободы торговли, так и при покровительственной системе, и с первого взгляда могло бы показаться, что для рабочего совершенно безразлично, победят ли сторонники свободы торговли или сторонники покровительственной системы. Но немецкая буржуазия нуждается в покровительственных пошлинах: она не может держаться и укрепиться, она не может вместе с тем покончить с королевской властью и юнкерством, если не будет охранять и поощрять свою промышленность и свою торговлю искусственными средствами. С этой точки зрения рабочий класс также заинтересован в покровительственных пошлинах. В том же смысле Энгельс в своей полемике против Грюна назвал агитацию за покровительственные пошлины «прогрессивной буржуазной мерой». Это нисколько не мешало ему, однако, насмехаться над домартовским социалистом Риттингхаузеном, который на брюссельском конгрессе экономистов защищал протекционистскую точку зрения, исходя из отнюдь не революционных соображений.

Маркс и Энгельс принципиально не впадали, однако, ни в малейшую непоследовательность, когда со своей революционной точки зрения они высказывались как за свободу торговли для английской промышленности, так и за покровительственные пошлины для немецкой промышленности, разоблачая в то же время обманчивый блеск, которым окружали свои лозунги как английские фритредеры [72], так и немецкие протекционисты. И это было тем более необходимо, что фритредерство только что отпраздновало свой величайший триумф, добившись отмены хлебных законов в Англии, и теперь неустанно хвастало, что с его господством наступает «тысячелетнее царство» для пролетариата.

Против этого Маркс выступил со своей речью о свободе торговли. Он показал, что английские фритредеры хотят понизить цену хлеба только с целью понизить заработную плату; не заработная плата, а прибыль на капитал поднимется на столько же, на сколько упадет земельная рента.

«Английские рабочие дали фритредерам почувствовать, что они не склонны стать жертвами фритредерских иллюзий и обмана; и если они, тем не менее, соединялись с фритредерами для борьбы против землевладельцев, то это было сделано ради того, чтобы уничтожить последние остатки феодализма и иметь дело только с одним врагом.

Рабочие не обманулись в своих расчетах: в отместку фабрикантам землевладельцы поддержали, совместно с рабочими, билль о десятичасовом рабочем дне — билль, принятия которого рабочие тщетно добивались в течение тридцати лет и который был проведен немедленно после отмены хлебных законов» *. Если свободная торговля, как заявляют ее приверженцы, увеличивает производительные силы капитала, то рабочим это не помогает. Маркс доказывает это положение таким же образом, как и ранее, в своих лекциях о наемном труде и капитале.

Свобода торговли в капиталистическом обществе есть не что иное, как свобода капитала. Отнюдь не помогая рабочему классу, она, напротив, беспощадно подвергает его всем бедствиям, которые несет с собой капиталистический способ производства. Но, критикуя свободную торговлю, Маркс тем самым не намеревался защищать покровительственную систему.

«Можно объявить себя врагом конституционного строя, не объявляя себя тем самым сторонником старого порядка» **. Покровительственная система есть лишь средство для того, чтобы создавать у того или иного народа крупную промышленность. Это значит, однако, поставить его в зависимость от мирового рынка и, следовательно,— от свободной торговли. Покровительственная система способствует развитию свободной конкуренции внутри страны и является для молодой буржуазии средством сконцентрировать свои силы. Маркс указывает на немецкую буржуазию, употреблявшую тогда огромные усилия, чтобы добиться покровительственных пошлин. «Но вообще говоря,— заключает он свою речь,— покровительственная система в наши дни является консервативной, между тем как система свободной торговли действует разрушительно. Она вызывает распад прежних национальностей и доводит до крайности антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Одним словом, система свободной торговли ускоряет социальную революцию» ***. Только в этом революционном смысле Маркс и подал свой голос за свободу торговли.

В международных отношениях Маркс и Энгельс также отстаивали, конечно, свою материалистическую фи-

* *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 151.
** Там же, стр. 159.
*** Там же.

лософию истории. Они отвергали пустую революционную фразу, которая игнорировала историческую действительность как безусловно предосудительный факт, произвольно созданный конгрессами деспотов и дипломатов, и хотела заставить этот факт просто-напросто сгинуть перед мнимой народной волей с ее категорическим императивом и абсолютным требованием свободы. Они видели препятствия для всеобщего освобождения народов: громадное различие в уровне цивилизации и обусловленное этим различие в потребностях отдельных народов. В споре с английскими и французскими демократами они выступали против теории всеобщего братания наций, которая, не обращая внимания на историческое положение, на ступень общественного развития отдельных наций, требовала братать их напропалую, во что бы то ни стало — и только.

С другой стороны, они выступали также против того высокомерного превосходства, с которым многие «истинные социалисты» взирали на братание наций, особенно на братание их под знаменем великой французской революции. Во II томе «Рейнского ежегодника» Энгельс писал: «Братание наций, которое повсюду провозглашается теперь крайней, пролетарской партией в противовес как старому, ничем не прикрытому, национальному эгоизму, так и лицемерному частноэгоистическому космополитизму свободной торговли, гораздо ценнее всех немецких теорий об «истинном социализме»» *. Для него, как и для Маркса, демократией был коммунизм. «Какая-либо иная демократия может существовать еще только в головах теоретических ясновидцев, которым нет дела до действительных событий, для которых не люди и обстоятельства развивают принципы, а принципы развиваются сами собой. Демократия стала пролетарским принципом, принципом масс» **. Но эта демократия с полным основанием чествует французскую республику не только потому, что все народы, которые были достаточно глупы, чтобы позволить использовать себя для борьбы против революции, обязаны дать публичное удовлетворение французам, не только потому, что социальное движение XIX столетия представляет собой лишь второй акт французской революции, но и потому, что «в нашу буржуазную эпоху тру-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 587.
** Там же, стр. 589.

сости, себялюбия и мелочности вполне своевременно напомнить о той великой године, когда целый народ на время отбросил всякую трусость, всякое себялюбие, всякую мелочность, когда были люди, обладавшие мужеством противозаконности, не отступавшие ни перед чем,— люди железной энергии, которые добились того, что с 31 мая 1793 г. по 26 июля 1794 г. ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, словом, ни один буржуа не смел поднять голову» *.

Маркс и Энгельс правильно определили то время, когда братание наций могло получить практическое значение и стать действительной силой. «Пустые мечты о создании европейской республики,— пишет далее Энгельс,— об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации стали так же смешны, как и фразы об объединении народов под эгидой всеобщей свободы торговли; и в то время как все сентиментальные химеры подобного рода совершенно теряют свою силу, пролетарии всех наций без шума и громких фраз начинают *действительно брататься* под знаменем коммунистической демократии. Ведь одни только пролетарии и могут действительно сделать это, ибо буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для нее превыше всего, она не способна подняться выше национальности, и ее два-три теоретика со всеми своими прекрасными «принципами» ничего здесь не могут поделать, ибо они оставляют в неприкосновенности эти противоречивые интересы, как и вообще весь существующий порядок, и способны только на фразу. А пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба; пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и все их духовное развитие и движение по существу гуманистично и антинационалистично. Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями» **.

В данном случае повторилось то, что мы можем наблюдать и в других случаях: Маркс и Энгельс придали твердую, ясную, конкретную форму международной, кос-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 589.

** Там же, стр. 590.

мополитической идее, всплывавшей у революционных идеологов буржуазии и у великих утопистов в виде нерешительных, смутных предчувствий; они исследовали, при каких условиях и предпосылках эта идея может воплотиться в живую действительность. Материалистическое исследование истории показало им единственный путь, на котором только и можно было двигаться вперед, и они не задумываясь вступили на этот путь.

3. КРИЗИС В СОЮЗЕ СПРАВЕДЛИВЫХ

Первые связи Маркса и Энгельса с Союзом справедливых относятся еще к тому времени, когда Маркс жил во Франции, а Энгельс в Англии. Однако идеология уравнительного коммунизма, исповедовавшаяся еще тогда Союзом, не могла удовлетворить их, и потому они не вступили в него.

С тех пор в Союзе произошла эволюция, шедшая сама навстречу их воззрениям. Сам по себе он состоял из тех же элементов, какие входили в тайный союз Вейтлинга в Швейцарии. Члены его, поскольку они принадлежали к рабочему классу, были почти исключительно ремесленники, среди которых преобладали портные. Из парижских общин две состояли в 1847 г. преимущественно из портных, одна — из мебельщиков. Эксплуатировали этих ремесленников мелкие мастера, и сами ремесленники надеялись в конце концов стать таковыми. Они стояли еще одной ногой в немецком ремесле, опутанном, в свою очередь, цеховыми предрассудками; все это был такой же крепкий народ, как приверженцы Вейтлинга в Швейцарии, но им угрожала та же участь — запутаться в противоречиях своего двойственного классового положения.

Наиболее влиятельных членов Союза Энгельс рисует следующим образом: «Богатырского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый рисковать житейскими благами и самой жизнью, он (Шаппер.— *Ред.*) был образцом революционера-профессионала, игравшего известную роль в 30-х годах. Как показывает его развитие из «демагога» в коммуниста, ему, при известной медлительности мышления, отнюдь не было недоступно глубокое понимание теоретических вопросов, и он с тем бо̀льшим постоянством держался того, что однажды им было признано. Именно поэтому его революционный пыл шел

иногда вразрез с его разумом, но впоследствии он всегда замечал свои ошибки и открыто их признавал. Это был крупный человек, и то, что он сделал для первоначальной организации германского рабочего движения, никогда не будет забыто.

Генрих Бауэр из Франконии был сапожником; это был живой, бойкий и остроумный паренек, в маленьком теле которого, однако, таилось также много изворотливости и решимости.

...К ним примкнул часовщик из Кёльна, *Иосиф Молль;* это был силач, среднего роста,— сколько раз они вдвоем с Шаппером победоносно отстаивали двери зала против сотни вламывавшихся противников,— человек, который в энергии и решимости во всяком случае не уступал своим двум товарищам, а умом превосходил их обоих. Он не только был прирожденным дипломатом, что доказали успехи его многочисленных поездок в качестве уполномоченного, но и теоретические вопросы ему были более доступны» *. Этих старших вождей значительно превосходили по способностям к теоретическому познанию двое более молодых: живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Гейльброна, которого Энгельс называет человеком с тонким, оригинальным умом, одаренным остроумием, иронией, диалектикой, и портной Георг Эккариус из Тюрингии.

Если сравнить статью Эккариуса о портняжном деле в Лондоне — или, как гласит ее подзаголовок, о борьбе между крупным и мелким капиталом — с сочинениями Вейтлинга, то сразу же становится понятным, почему Союз справедливых не потерпел такой неудачи в Лондоне, какую он потерпел в Швейцарии. Эккариус и в отдаленной степени не обладал литературным талантом Вейтлинга, но насколько он уступал ему в этом отношении, настолько, и даже больше, он превосходил его по ясному пониманию экономической структуры современного буржуазного общества. Нет больше и в помине сентиментальной, нравственной и психологической критики: Эккариус смотрит на победу крупной промышленности над ремеслом, как на исторический прогресс, и в результатах крупной промышленности он видит порожденные самой исто-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 322.

рией и ежедневно создаваемые вновь реальные условия пролетарской революции.

Когда Эккариус писал свою статью, он был уже учеником Маркса. Факт решающего значения именно в том и заключается, что Союз справедливых, находясь в центре мирового рынка, подошел к восприятию исторического материализма. С тех пор как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, он из немецкого союза превратился постепенно в интернациональный. В основанное им Общество рабочих входили, кроме немцев и швейцарцев, также представители всех тех национальностей, для которых немецкий язык служил преимущественно средством объясняться с иностранцами: скандинавы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, а также русские и англичане. Общество вскоре наименовало себя «Коммунистическим обществом рабочих», и тезис «все люди — братья» значился на членской карточке по меньшей мере на двадцати языках — не всегда без грамматических ошибок, по словам Энгельса. Международный характер открытого Общества оказал в свою очередь действие и на тайный союз, практически — благодаря различной национальности членов, теоретически — укрепив сознание, что революция, если она хочет победить, должна быть европейской. Союз справедливых принимал живое участие в международных митингах политических эмигрантов в Лондоне, на которых праздновались годовщины великой французской революции.

В то же время общественная доктрина Союза переросла грубый уравнительный коммунизм. Она прошла через различные фазы англо-французского социализма и немецкой философии. В журналах Вейтлинга Шаппер и его товарищи писали об оуэновских колониях, которые при всей своей утопичности все-таки должны были привлечь их внимание и интерес к условиям крупной промышленности. В то самое время как Август Беккер обменивался в Швейцарии нежными взглядами с немецким католицизмом, Бауэр, Молль и Шаппер обратились к Ронге с открытым письмом, где с тонкой иронией отделывали нового апостола. «Ты основываешь новую национальную церковь,— писали они,— Иисус Христос не основал никакой национальной церкви. Чтобы церковь стала национальной, ты упраздняешь латинские песни в обедне и вводишь немецкие. Люди будут теперь понимать, что

поется во время обедни, но не станет ли им именно потому скучнее слышать каждое воскресенье или ежедневно то, что они понимают? Что выигрывает верующий, жаждущий знания, бедный и угнетенный, если вы начинаете вдруг читать в нескольких захолустьях на национально-немецком языке известные слова, которые уже тысячу лет читались ежедневно во всем мире по-латыни?» И так далее. Когда Вейтлинг приехал в Лондон, он не мог больше столковаться с руководителями Союза: он уже слишком увяз в своей роли пророка, а они ушли далеко вперед от всякого религиозного утопизма. Но, с другой стороны, им не удалось и не могло удаться развить тайное учение Союза во что-либо более значительное, чем смесь из немецкой философии и англо-французского социализма.

Тут получило решающее значение вмешательство Маркса и Энгельса, провозгласивших научное понимание экономической структуры буржуазного общества единственной состоятельной теоретической основой и объяснявших в популярной форме, что речь идет не об осуществлении какой-либо утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе преобразования общества. К сожалению, до нас не дошли те частью печатные, частью литографированные циркуляры, которые, по словам Маркса, произвели указанное выше действие на развитие Союза. Так или иначе, но когда Маркс и Энгельс не согласились сразу вступить в Союз, то Молль заявил, что Центральный комитет намерен созвать в Лондоне конгресс Союза, где выдвинутые ими критические воззрения будут в качестве доктрины Союза сформулированы в публичном манифесте, но что ввиду наличия устарелых и сопротивляющихся элементов необходимо личное содействие Маркса и Энгельса, а оно связано с их вступлением в Союз. Всякое сомнение, таким образом, устранялось, тем более что, по убеждению Маркса и Энгельса, организация внутри немецкого рабочего класса была необходима, а при существующих обстоятельствах эта организация могла быть только тайной.

Первый конгресс Союза происходил в Лондоне летом 1847 г. Маркса не было на нем, но присутствовали Энгельс как представитель парижских и Вольф как представитель брюссельских общин. Конгресс осуществил прежде всего реорганизацию Союза. Он устранил все, что напоминало еще о старых заговорщических тенденциях, и придал

Союзу характер пропагандистского общества, организованного всецело на демократических началах. В первой статье устава «целью Союза» провозглашалось «свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» *. Союз организовывался, под названием Союз коммунистов, в общины, округа, руководящие округа, Центральный комитет и конгресс. В уставе содержались в связи с этим следующие правила. Каждая община состоит минимум из трех и максимум из двадцати членов. Минимум две и максимум десять общин образуют округ. Различные округа данной страны или города подчиняются одному руководящему округу. Окружной комитет является исполнительной властью для всех общин округа, а руководящий округ — для всех округов данной провинции. Он поддерживает связь с этими округами и с Центральным комитетом. Центральный комитет является исполнительной властью всего Союза и в качестве таковой подотчетен конгрессу. Он состоит не менее чем из пяти членов и избирается окружным комитетом той местности, которая определена конгрессом как место пребывания Центрального комитета; он составляет каждые три месяца отчет о состоянии всего Союза. Общины и окружные комитеты, а также Центральный комитет, собираются не менее одного раза в 2 недели. Члены окружных комитетов и Центрального комитета выбираются на год, имеют право переизбираться и могут смещаться своими избирателями в любое время. Конгресс является законодательной властью всего Союза.

Каждый отдельный округ с количеством членов не свыше 30 посылает одного делегата, с количеством членов до шестидесяти —двух, до девяноста — трех и т. д. Конгресс собирается ежегодно в августе и после каждой сессии выпускает манифест от имени партии.

Что касается финансов Союза, то конгресс устанавливает для каждой страны размеры минимального взноса, который обязан уплачивать каждый член Союза. Половина этих взносов передается Центральному комитету, другая половина остается в окружной или общинной кассе. Денежные доходы Союза предназначаются исключительно

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 524.

для пропагандистских целей: для покрытия расходов, связанных с ведением корреспонденции, для печатания и распространения листовок, для посылки эмиссаров. Устав требует от каждого члена, наряду с признанием коммунизма, «революционной энергии и рвения в пропаганде», не вдаваясь, однако, в подробности относительно способа этой пропаганды. Практически дело осталось при том методе, который уже был испробован Союзом справедливых. Деятельность членов Союза заключалась прежде всего в основании открытых просветительных рабочих обществ. Эти общества посвящали один вечер в неделю обсуждению различных вопросов, другой — развлечениям, пению и декламации. Они устраивали библиотеки и, где только это оказывалось возможным, классы для преподавания рабочим элементарных знаний. Тайный союз, стоявший за открытыми обществами и руководивший ими, находил в них ближайшее поле деятельности для публичной пропаганды, а также пополнялся и расширялся из наиболее подходящих членов этих обществ. При кочевой жизни немецких ремесленников Центральный комитет лишь в самых редких случаях нуждался в посылке особых эмиссаров.

Новый устав был послан на рассмотрение отдельным общинам и затем окончательно принят на втором конгрессе, происходившем также в Лондоне в ноябре и декабре 1847 г. Он подписан «от имени второго конгресса, собравшегося осенью 1847 г.», Шаппером, как председателем, и Энгельсом, как секретарем. Между первым и вторым конгрессом произошел еще следующий знаменательный эпизод: Кабе, занимавшийся тогда переселением коммунистов в свою Икарию, обратился с просьбой о помощи и поддержке, между прочим, и к «Коммунистическому обществу рабочих» в Лондоне. Ответ Общества показывает, как ясно оно стало отдавать себе отчет в задачах современного пролетариата. Оно отдает должное уважение личности Кабе, с радостью признает, что Кабе обнаруживает неутомимое рвение и достойную удивления выдержку в борьбе за дело страждущего человечества, что он оказал неоценимую услугу пролетариату своими предостережениями против всяких заговоров. Но в то же время Общество восстает против плана переселения, как против ложного пути: при помощи убедительнейших доводов оно показывает, что осуществление этого плана принесет величайший вред принципу коммунизма, что оно вызовет

ликование правительств, омрачит последние дни Кабе горькими разочарованиями. Общество обращается к лучшему, что есть во взглядах Кабе: для коммунистов, признающих принцип личной свободы, общность имущества так же невозможна без переходного периода — притом демократического переходного периода, во время которого частная собственность лишь постепенно превращалась бы в общественную,— как для крестьянина жатва без посева. Кабе приехал еще лично в Лондон, чтобы в продолжение целой недели дебатировать с немецкими коммунистами, но ему не удалось привлечь их на сторону своей утопии.

Главной задачей второго конгресса была формулировка учения Союза в манифесте. Проект, предложенный Марксом и Энгельсом, обсуждался по крайней мере в течение 10 дней немецкими, французскими, английскими, бельгийскими и швейцарскими рабочими, представленными на конгрессе, и после основательного разъяснения всех сомнений авторам было единогласно дано поручение выработать предназначенный для общественности манифест. Старый сентиментальный девиз «Все люди — братья» был заменен новым, ликующим боевым кличем «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В феврале 1848 г. «Коммунистический Манифест» вышел в свет и вскоре после того он появился также в переводе на английский, французский, датский и польский языки. Знамя современного научного коммунизма было поднято.

4. «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ»

«Коммунистический Манифест» резюмирует в классическом изложении результаты, к которым Маркс и Энгельс пришли на основании своих теоретических исследований и практической борьбы.

Манифест — исторический документ в полном значении этого слова, исторический и в том смысле, что, таков как он есть, он мог возникнуть лишь в тот исторический момент, когда он действительно появился. Только знакомство с временем его рождения проливает полный свет на богатый мир идей, заключенный в немногих его страницах. Если, несмотря на это, он пережил пять десятилетий, пережил столько программ и систем, предназначавшихся для вечного существования, если в век огромнейших переворотов он все более и более становился общим знаменем

для пролетариата всего земного шара, то и этим всемирно-историческим успехом он обязан проницательности, с которой авторы его сумели понять процесс развития современного буржуазного общества, обязан мастерству, с которым они сумели объяснить этот процесс в такое время, когда буржуазное общество находилось еще в своих начальных исторических стадиях.

В основу Манифеста положен исторический материализм. Основная мысль, которая проходит через него, заключается в том, что экономическое производство и необходимо вытекающее из него общественное расчленение всякого исторического периода образуют основу для политической и интеллектуальной истории этого периода; что соответственно с этим вся история была до сих пор историей классовой борьбы — борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, между угнетенными классами и классами, господствующими на различных ступенях общественного развития; что эта борьба достигла в современном буржуазном обществе той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс, пролетариат, не может больше освободить себя от эксплуатирующего и угнетающего его класса, буржуазии, не освободив в то же время навсегда все общество от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы. Эта мысль подверглась одному, но только одному ограничению, с тех пор как новейшими исследованиями, в которых Марксу и Энгельсу принадлежит славная доля, была открыта неписаная первобытная история человечества: первобытное общинное землевладение, лишь с разложением которого общество начало раскалываться на классы.

В своей первой главе, озаглавленной «Буржуазия и пролетариат», Манифест дает беглый обзор исторического возникновения современной буржуазии, как продукта продолжительного развития, ряда переворотов в способах производства и обмена. «Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне, тут — независимая городская республика, там — третье, податное сословие монархии, затем, в период мануфактуры,— противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления

крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» *.

Манифест рисует резкими штрихами ту чрезвычайно революционную роль, которую буржуазия играла в истории. Повсюду, где она достигла господства, она разрушила все феодальные, патриархальные и идиллические отношения. На место эксплуатации, прикрытой религиозными и политическими иллюзиями, она поставила открытую, бесстыдную, прямую и черствую эксплуатацию. Она лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных, наемных работников. Она не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений, в противоположность всем прежним промышленным классам, первым условием существования которых было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Так как она уничтожает все сословное и застойное, оскверняет все священное, то люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Путем эксплуатации всемирного рынка она сделала производство и потребление всех стран космополитическим. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга как в материальном, так и в духовном производстве. Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 426.

она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она создает себе мир по своему образу и подобию, заставляя все нации вводить у себя буржуазный способ производства.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Она сгустила население, централизовала средства производства, сконцентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Но современное буржуазное общество, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии. Подобно тому как средства производства и обмена, на основе которых выросла буржуазия, разбили некогда феодальные отношения собственности, так современные производительные силы уже целые десятилетия возмущаются против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Периодическое возвращение торговых кризисов все более и более грозно ставит под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг

отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства из-за того, что оно обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Преодолеть кризисы буржуазия может только двояким образом: с одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых, следовательно, тем, что она подготовляет более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие — современных рабочих, пролетариев, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Манифест изображает в сжатых чертах возникновение и развитие современного пролетариата, как оно было исследовано в предшествующих произведениях Маркса и Энгельса. В особенности выделяется тот факт, что столкновения внутри старого общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно — против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена призывать пролетариат на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение, передавать ему элементы своего собственного политического и социального образования, т. е. оружие против самой себя. Рабочему классу приносят, далее, большое количество элементов образования те слои господствующего класса, которые прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри всего старого общества принимает такой бурный и резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, именно — часть буржуа-идеологов,

которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой истинно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы. Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество. Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией. Развитие пролетариата представляет собою более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии.

Изобразив таким образом процесс преобразования внутри современного буржуазного общества, Манифест в заключение первой главы резюмирует его в нескольких энергичных положениях. Все доныне существовавшие общества основывались на антагонизме между классами

угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование. Между тем современный рабочий все более опускается ниже условий существования своего собственного класса, рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Буржуазия неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, ее жизнь несовместима более с обществом. Господство буржуазии держится на наемном труде, а наемный труд держится на конкуренции рабочих между собой. Но прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, он вырывает из-под ног буржуазии ту основу, на которой она производит и присваивает продукты. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

Во второй главе Манифеста характеризуется положение коммунистов по отношению к пролетариям. «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролета-

риата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения» *. Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных рабочих партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Манифест блестяще доказывает затем, что теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях или принципах, выдуманных тем или другим обновителем мира, а вытекают, напротив, из действительных отношений происходящей классовой борьбы. Уже в этом доказательстве дан исчерпывающий ответ на все, что в течение 50 лет выставлялось буржуазией и ее учеными против научного коммунизма. Шум по поводу уничтожения лично приобретенной, добытой своим трудом собственности не имеет за собой ничего, кроме иллюзии, которую буржуазия разделяет, впрочем, со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Буржуазия уничтожила феодальную собственность, она не возражает против того, что ее способ производства изо дня в день уничтожает мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую собственность, но свои особые отношения собственности и производственные отношения она из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, возводит в вечные законы природы и разума. То, что понятно для нее, когда дело идет об античной и феодальной собственности, она перестает понимать относительно современной буржуазной частной собственности, а именно, что эта собственность есть исторический продукт и подлежит историческому процессу. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму. Французская революция уничтожила феодальную собственность, так как последняя стала несовместимой с историческим развитием общества, и на том же историческом основании коммунисты хотят уничтожить современную буржуазную частную собственность. Поскольку, однако, эта собственность является последним и самым полным выражением такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими, постольку

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 437.

коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Но ведь вместе с этим, говорят противники коммунистов, уничтожается основа всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности! Так ли это? В существующем обществе частная собственность уничтожена для $^9/_{10}$ его членов: она существует именно благодаря тому, что не существует у $^9/_{10}$. Собственность в ее современном виде движется в противоположности между капиталом и наемным трудом. Капитал — не личная, а общественная сила. Капитал есть коллективный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счете — только совместной деятельностью всех членов общества. Если он будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную, а изменится лишь общественный характер собственности, так как она потеряет свой классовый характер.

Напротив, то, что наемный рабочий присваивает в результате своей деятельности, не создает ему никакой собственности, а едва хватает для воспроизводства его жизни. Коммунисты вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Они хотят уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса.

«В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен» *. Все фразы об уничтоже-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 439.

нии свободы и личности сводятся к тому, что должна быть уничтожена буржуазная свобода и буржуазная личность. Высокопарные речи буржуазии о свободе имеют вообще смысл лишь по отношению к несвободному торгашеству, к порабощенному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению торгашества, буржуазных производственных отношений и самой буржуазии. Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд.

Манифест переходит затем к упрекам, что коммунисты хотят уничтожить семью и отечество. Он показывает, что буржуазная семья основана на капитале и на частной наживе, что в совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, что она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции. Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании внушают тем больше отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты. С едкой насмешкой Манифест отмечает высокоморальный ужас буржуазии по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов, между тем как коммунисты хотят, напротив, вместе с уничтожением нынешних производственных отношений уничтожить официальную и неофициальную проституцию буржуазного общества.

Подобно тому как у рабочих нет семьи, у них нет и отечества. Нельзя отнять у них то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия. Национальная обособленность и противоположности народов и без того исчезают все более и более вместе с развитием свободы торговли, всемирного рынка, единообразного промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение; соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой: вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой.

Манифест разбивает вкратце обвинения, выставляемые против коммунизма с идеологической, философской и религиозной точек зрения. Вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также их представления и понятия, изменяется, одним словом, и их сознание. Вместе с материальным производством преобразуется и духовное производство: господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса. Когда говорят об идеях, революционизирующих все общество, то этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей. «Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции» *. Но коммунистам возражают, что существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития, изменявшиеся, конечно, в ходе исторического развития, но сохранившиеся, несмотря на эти превращения; коммунизм не может устранить их, не становясь в противоречие с историческим развитием. На это Манифест отвечает, что эксплуатация одной части общества другою принимает различные формы в различные эпохи, но она была фактом, общим для всех предшествующих веков. «Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов» **. Подобно тому как коммунистическая революция порывает самым решительным образом с унаследованными от прошлого отноше-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 445.
** Там же, стр. 445—446.

ниями собственности, так порывает она и с идеями, унаследованными от прошлого.

После этой убедительной отповеди противникам коммунистов Манифест возвращается опять к ходу пролетарской революции. Ее первым шагом является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии. Пролетариат использует свое господство для того, чтобы шаг за шагом вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. На первых порах это может произойти только при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. посредством мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства. Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах. В наиболее передовых странах, полагает Манифест, могут быть применены почти повсюду следующие меры: экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов, высокий прогрессивный налог, отмена права наследования, конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников, централизация кредита и транспортного дела в руках государства, увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану, одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, постепенное устранение различия между городом и деревней, общественное и бесплатное воспитание всех детей, соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Когда классовые различия в ходе развития исчезнут и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть есть в собственном смысле слова организованное насилие одного класса для подавления другого. Когда объединенный в класс пролетариат упразднит старые производственные отношения, в которых лежит корень существования классов и их взаимного антагонизма, то он упразднит этим и свое

господство, как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Третья глава Манифеста критикует социалистическую и коммунистическую литературу первой половины XIX столетия. Манифест делит ее на реакционный, консервативный и критически-утопический социализм. Реакционный социализм распадается в свою очередь на феодальный, мелкобуржуазный и немецкий, или «истинный», социализм.

Феодальному социализму Манифест дает классическую оценку, которая еще теперь вполне подходит к нему, с той лишь разницей, что язвительное остроумие феодального социализма стало гораздо более пресным, а его политическая практика гораздо более прозрачной. Феодальный социализм возник, как результат поражения, понесенного французской и английской аристократией в июльской революции и вследствие принятия билля о реформе. Ее старые, феодально-романтические фразы стали невозможны, и чтобы возбудить сочувствие к себе, она вынуждена была придать своему обвинительному акту против буржуазии форму защиты интересов эксплуатируемого рабочего класса. Таким образом, она нашла удовлетворение в том, что сочиняла пасквили на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее зловещие пророчества.

«Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории.

Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата, как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом» *. Феодальная эксплуатация происходила при иных — теперь отживших — условиях, чем эксплуатация буржуазная, но когда феодалы дока-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 448.

зывают, что при их господстве не было современного пролетариата, они забывают одно: что современная буржуазия есть необходимый плод их общественного строя. «Впрочем, они столь мало скрывают реакционный характер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они гораздо больше упрекают буржуазию в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она порождает пролетариат вообще.

Поэтому в политической практике они принимают участие во всех насильственных мероприятиях против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки всей своей напыщенной фразеологии, не упускают случая подобрать золотые яблоки и променять верность, любовь, честь на барыш от торговли овечьей шерстью, свекловицей и водкой» *. С христианским социализмом Манифест разделывается как с простой разновидностью феодального: это святая вода, которою поп кропит озлобление аристократов.

Второй вид реакционного социализма, отмеченный Манифестом, это мелкобуржуазный социализм, главным представителем которого был Сисмонди во Франции. В тогдашней своей форме он умер, но критика, которой он подвергся в Манифесте, ничуть не устарела и теперь. Чем более резкой становится противоположность между буржуазией и пролетариатом, тем больше весь буржуазный социализм сосредоточивается на сохранении мелкой буржуазии, средних слоев, антиколлективистского крестьянского ума. «...Он одновременно и реакционен и утопичен»,— эта критическая оценка мелкобуржуазного социализма в Манифесте подходит ко всяким проявлениям антисемитизма, крестьянской ограниченности и цеховщины так же хорошо и даже лучше, чем к социализму Сисмонди.

Подобным же образом немецкому катедер-социализму очень далеко до Сисмонди в смысле глубины и силы принципиальной критики, но зато он далеко превосходит Сисмонди по нерешительности предлагаемых им средств к исцелению зла. Его судорожные попытки отыскать еще

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 449.

в современном буржуазном обществе прочное место для средних сословий Манифест заранее критикует следующими словами: «В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась — и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают уже видеть приближение того момента, когда с развитием крупной промышленности они совершенно исчезнут как самостоятельная часть современного общества и в торговле, промышленности и земледелии будут замещены надзирателями и наемными служащими» *. Этот исторический процесс зашел теперь так далеко, что новое «среднее сословие», занимающее столько места в профессорской литературе, на самом деле состоит преимущественно из служащих крупных предприятий, к которым присоединяются все более приходящие в упадок обломки старой карликовой промышленности и карликовой торговли. Но именно потому указанное среднее сословие не есть гранитный столп капиталистической собственности, которым его провозглашают; это, напротив, слабый тростник, которому недостает корня старого ремесла — частной собственности на средства производства. Оно несомненно образует привилегированный класс по сравнению с пролетариатом и может, пожалуй, доставить успокоение боязливым душам, так как относится большей частью равнодушно, а подчас даже враждебно к освободительной борьбе рабочих, но ему постоянно грозит опасность, что вместе с увеличивающейся концентрацией капитала оно вследствие конкуренции будет сброшено в ряды пролетариата. Таким образом среднее сословие все более и более раскалывается на две группы, из которых меньшая занимает высшие и лучше оплачиваемые посты, а бóльшая и постоянно растущая часть низводится до условий существования пролетариата. Первые становятся беспринципными слугами буржуазии, следовательно, меньше всего могут служить опорой в дни бури, вторые все более и более идут заодно с пролетариатом. Большей частью они находятся в столь зависимом положении, что не мо-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 450.

гут так энергично бороться, как настоящие наемные рабочие, но несомненно, что это новое среднее сословие, суть которого глубоко раскрыл уже «Коммунистический Манифест», не есть тот спаситель капиталистического общества, которого приветствует в нем восхищенное сердце академических кругов. Чем больше оно становится на место старого среднего сословия, тем сильнее шатается основа частной собственности и тем более поднимаются шансы рабочего класса на победу.

Третью форму реакционного социализма, тот «истинный» социализм, представителями которого были Гесс и Грюн, «Коммунистический Манифест» разбирает, ввиду его немецкого происхождения, особенно подробно и особенно резко, хотя и не вполне справедливо, поскольку дело шло о намерениях его тогдашних носителей. Он едва пережил появление «Коммунистического Манифеста», но в своей исторической сути никогда не вымирал на немецкой земле, хотя давно не переводит больше французских социалистических фраз на испорченный гегелевский немецкий язык и язык сентиментальной любовной мечтательности. Маркс и Энгельс метко охарактеризовали его, вскрыв его корень — специфически немецкое мещанство, пугающееся серьезной классовой борьбы. В какие бы внешние формы ни рядился этот социализм, будет ли то «этическая культура», «натуралистическая эстетика», или еще что-нибудь другое, но его одеяние остается всегда одним и тем же: как выражается Манифест, «вытканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами красноречия, пропитанный слезами слащавого умиления...» * В его среде имеются, конечно, некоторые даровитые натуры, как, например, в 40-х годах Мозес Гесс; вместе с усиливающимся ожесточением классовой борьбы они приходят к «грубо-разрушительному коммунизму», рядовые же «истинные» социалисты при тех же условиях соскальзывают назад в капиталистическое болото, да еще в самое глубокое его место.

Именно это усиление классовой борьбы, чем больше оно переходило из области гипотез в область исторической действительности, положило конец консервативному и критически-утопическому социализму, который подвергается в Манифесте такой же уничтожающей критике,

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 453.

как реакционный социализм. Манифест указывает на «Философию нищеты» Прудона, как на самый значительный систематический труд консервативного социализма, но прудонизм даже у себя на родине сошел теперь до степени забавы для небольших буржуазных кругов, в Германии же он вот уже десятки лет как насчитывает только одного приверженца в лице одного чудака. Консервативный социализм, который со своим винегретом жалких реформ хотел бы сохранить буржуазию без пролетариата; который предлагает пролетариату, чтобы он «оставался в теперешнем обществе, но отбросил свое представление о нем, как о чем-то ненавистном»; который сводится, в сущности, к утверждению, что «буржуа являются буржуа... в интересах рабочего класса»,— этот социализм является практически устаревшей шуткой, сколько бы его теоретически ни расписывали на все терпящей бумаге.

То же относится к критически-утопическому социализму, хотя из всех видов буржуазного социализма он дал наиболее ценные подготовительные работы для научного коммунизма. Это обстоятельство «Коммунистический Манифест» признает в полной мере, но он указывает также, что значение этой разновидности социализма находится в обратном отношении к ходу исторического развития. Подобно тому, как Сен-Симон, Фурье и Оуэн были революционными мыслителями, а сенсимонисты, фурьеристы и оуэнисты стали реакционными сектантами, ибо они не хотели видеть живых успехов пролетариата и цеплялись за доктрины своих мертвых учителей,— точно так и нынешний утопизм, там где он еще появляется, например, в неудачной экспедиции Герцки[73], отличается от ходячего реакционного социализма «лишь более систематическим педантизмом и фанатической верой в чудодейственную силу своей социальной науки» *.

Четвертая и последняя глава Манифеста посвящена отношению коммунистов к различным оппозиционным партиям. Здесь, конечно, все положение дела изменилось коренным образом вследствие исторических перемен, происшедших в течение более чем 50 лет, но тем успешнее выдержали трудное испытание установленные в этой главе принципы коммунистической тактики. Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 457.

класса, но в этом движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения; они повсюду поддерживают всякое революционное движение против существующих общественных и политических порядков и во всех этих движениях подчеркивают вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от более или менее развитой формы, которую он принимает; они повсюду работают над объединением и взаимопониманием демократических партий всех стран,— все эти положения сохраняют еще теперь полную силу, при том, конечно, условии, если понимать их в общей идейной связи Манифеста и, следовательно, под революционным движением разуметь не ребяческие покушения и путчи, а экономическо-политический переворот, и под демократическими партиями всех стран — пролетарскую демократию. Сейчас после того, как за истекшее время все виды буржуазной демократии доказали опять свою полную несостоятельность, все это еще в меньшей степени может быть неправильно понято, чем тогда.

В отношении к отдельным странам Манифест рекомендует примыкать к самому радикальному крылу существующего революционного движения. Во Франции коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии, к партии газеты «Реформа», против консервативной и радикальной буржуазии, сохраняя, однако, за собою право относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции. В Швейцарии они поддерживают радикалов, не забывая впрочем, что эта партия состоит из противоречивых элементов, частью из демократических социалистов во французском стиле, частью из радикальных буржуа. В Польше они поддерживают партию, которая видит в аграрной революции условие национального освобождения. «В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на одну минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие про-

тив нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции» *. Манифест заканчивается словами: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» **.

Чем дальше, тем больше история «Коммунистического Манифеста» становилась историей современной международной социал-демократии. При первом своем появлении его с энтузиазмом приветствовал небольшой отборный отряд передовых пролетариев и проницательных идеологов, но все же очень небольшой отряд, так как Союз коммунистов вряд ли мог насчитывать во всех странах, где у него были приверженцы, больше нескольких сот членов. Затем Манифест исчез со сцены вместе с временным отливом в революционном рабочем движении. Но вновь нарастающая волна движения опять вознесла Манифест вверх, как лоцманское судно, компас которого указывает верный путь через водную пустыню в новый мир труда. Теперь Манифест представляет собой наиболее распространенное, наиболее международное произведение всей социалистической литературы, общую программу, которой миллионы рабочих во всех странах, от Сибири до Калифорнии, добровольно обязуются следовать в великой борьбе за освобождение своего класса.

В буржуазном мире на долю Манифеста выпала довольно странная судьба. С победоносной силой он ввел

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 459.

** Там же.

политическую экономию Германии, питавшуюся до тех пор крохами с английского и французского стола, в круг европейских культурных народов. Но любовь к теоретической мысли, считавшаяся наследственной добродетелью немецкого бюргерства в дни его классической литературы, уже настолько угасла, что более трех десятилетий с лишним Манифест существовал для буржуазных классов Германии только в Черной книге политической полиции. Тем не менее некий господин Штибер[74] находил еще в нем «ум и энергию». Иное произошло, когда в 1881 г. Г. Эйзенгарт из Галле первым из немецких университетских профессоров сделал счастливое открытие о существовании Манифеста. В своей истории политической экономии он назвал Манифест «жалким обезьяньим подражанием манифесту Бабёфа»[75] и как образчик из него привел выдуманную им самим бессмыслицу: «Мы желаем равенства, хотя бы из-за этого должны были погибнуть все искусства». С тех пор снова прошла половина срока жизни одного поколения, и теперь совы настолько научились глядеть на свет, что они открыли в Манифесте «насильственный переворот», следовательно, нашли еще и до сих пор далеко не исчерпанный материал для нравственного негодования.

Без всякого сомнения, авторам Манифеста было чуждо простодушное упование, что современная буржуазия, как только пробьет ее последний исторический час, добровольно отречется от своего господствующего положения. Но и сама буржуазия придерживается ведь неодинаковых мнений по этому пункту. В то время как ее идеологи клеймят «насильственный переворот», усматривая в нем дерзкое сомнение в доброй воле господствующих классов, ее суды и полиция выносят пролетариям, мирно агитирующим за освобождение своего класса, обвинительный приговор, как кровожадным революционерам, так как и думать, мол, нечего, чтобы теперешние капиталисты экспроприировали себя сами. Впрочем, когда Маркс и Энгельс создавали «Коммунистический Манифест», по европейской земле уже шел гул от приближавшегося взрыва колоссальных классовых боев и буржуазия без всяких угрызений совести расположилась удобно на месте, которое пролетариат расчистил для нее путем «насильственного переворота», ниспровергшего абсолютистско-феодальный общественный и государственный строй.

На самом деле жалобные причитания по поводу «насильственного переворота» не стоят серьезного обсуждения, хотя бы они раздавались из-под самых почтенных париков. То, что может быть сказано по этому вопросу в дополнение и в оправдание «Коммунистического Манифеста», сказали еще сами Маркс и Энгельс. Если изучение французского революционного периода с 1789 г. до 1830 г. позволило им глубоко заглянуть в процесс преобразования буржуазного общества, то, с другой стороны, оно же побудило их слишком точно перенести формы буржуазной революции на революцию пролетарскую. При опубликовании Манифеста обоим авторам не было и по 30 лет, и если, будучи уже стариками, они всегда готовы были учиться на практическом опыте истории, то тем менее они оставались глухими к ее урокам в свои молодые годы.

В своем эпилоге к истории революционной борьбы 1848—1851 годов Маркс проводил уже резкое различие между ходом буржуазной и пролетарской революции. «Буржуазные революции...,— писал он,— стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции... постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезывающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно: Hic Rhodus, hic salta! Здесь роза, здесь танцуй!» *. Затем Парижская Коммуна показала, что «рабочий класс не может просто

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 122—123.

овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей», а на примере исторического развития германской социал-демократии Энгельс в последней своей работе еще раз пояснил, что в силу действия диалектики истории революционный пролетариат, ограничиваясь принципиально мирными и законными средствами борьбы, наживает «румяные щеки и цветет, как вечная жизнь», в то время как самые признанные столпы порядка требуют до хрипоты «насильственного переворота», «революции сверху», требуют государственных переворотов и открытого господства сабли.

Многие противники исторического материализма любят изображать его социалистическим чудотворцем, которого следует признать лжепророком, раз он не может по пальцам предсказывать день в день, что случится в течение ближайших ста лет. Честные люди знают, что исторический материализм есть прямая противоположность всякого чудотворства, что он представляет собою научный метод, дающий более или менее точные результаты в зависимости от того, как велика рабочая сила и каковы орудия труда, при помощи которых он применяется. Рабочая сила, создавшая из «Коммунистического Манифеста» духовную мировую державу, тем более заслуживает удивления, чем несовершеннее были при тогдашнем состоянии исторических наук орудия труда, которыми она могла располагать. Манифест сам говорит, что практическое применение его принципов будет всегда и везде находиться в зависимости от существующих исторических условий, а между тем при всех сменах этих условий его принципы остались непоколебимыми. Маркс и Энгельс работали не на год и не на десятилетие, а на столетие, и столетие охотно подтверждает им то, что годы и целые десятилетия, казалось, так дерзко оспаривали у них.

Каким ошибочным могло казаться в дни Кёниггреца и Седана [76] утверждение, что буржуазная революция в Германии будет непосредственным прологом пролетарской революции, а между тем, когда теперь оглядываешься на общий ход исторического развития,— чем же иным она была?

Глава VI

УСПЕХИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

В Германии 50-х годов коммунистическая пропаганда была совершенно невозможна. В рабочем классе она не находила отклика, а ее главные носители были рассеяны по всему свету и почти все вынуждены были вести упорную борьбу за существование. Даже немецкий книжный рынок закрылся для таких людей, как Маркс и Энгельс; издатели, которые еще разыгрывали из себя радикалов, встречали тем не менее с искренним ужасом «несвоевременное требование» печатать их произведения. Лишь к концу десятилетия Франц Дункер нарушил эту опалу.

Однако 50-е годы не пропали даром для научного коммунизма. Они были для него периодом накопления сил и углубления. Он сточил со своего меча зазубрины, вынесенные из горячей борьбы революционных годов, и из мощных камней построил твердыню, о стены которой его противники должны были разбить себе головы. Там, где практическая пропаганда была еще возможна, как, например, в американской и английской прессе, ее отнюдь не забрасывали. В «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов» [77], появившихся одновременно в Базеле и Бостоне, Маркс пригвоздил прусское правительство к позорному столбу, которого оно заслужило. Затем Маркс написал для немецко-американского журнала, издававшегося его другом Вейдемейером, историю французского государственного переворота — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где он показал, как классовая борьба во Франции дала заурядной и комической личности возможность разыграть роль героя; шедевр материалистической историографии, эта едкая, блещущая остроумием критика открыла бонапартизму, вызывавшему удивление всех европейских спасителей общества, перспективу его одинаково позорных успехов и поражений. В «Нью-йоркской трибуне», европейским сотрудником которой Маркс был вплоть до американской гражданской войны, он сильными штрихами нарисовал историю немецкой революции и контрреволюции *. В чартистских газетах, которые после крупного пораже-

* В 1913 г. в связи с опубликованием переписки между К. Марксом и Ф. Энгельсом стало известно, что работа «Революция и контрреволюция в Германии» написана не К. Марксом, а Ф. Энгельсом. *Ред.*

ния чартизма в 1848 г. еще продолжали агитацию за всеобщее избирательное право, Маркс сотрудничал с бескорыстным усердием; в ряде памфлетов он бичевал лорда Пальмерстона [78] за его дружеские услуги царскому правительству. Все это составляло в общем итоге большую работу даже для незаурядного человека, а между тем это было лишь незначительной частью того, что Маркс сделал в 50-е годы.

Маркс нашел средства к существованию в работе для «Нью-йоркской трибуны», а Энгельс вступил опять в дело своего отца в Манчестере. Разделенные пространством, они не прекращали все-таки совместной работы и разделили между собой труд следующим образом: Энгельс взял на себя защиту общих принципов против нападок со стороны противников, для чего, впрочем, в течение многих лет не представлялось случая, Маркс же своими обширными исследованиями создавал научный фундамент современного коммунизма и точно определил его цели в связи с историческим процессом. Сокровища Британского музея служили для него неиссякаемым источником познания. В течение этого десятилетия Маркс и Энгельс пополняли свои знания и занимались исследованиями в самых различных областях науки; вынужденный перерыв в борьбе они так же хорошо использовали для блага своего великого дела, как и самые благоприятные моменты в ходе самой борьбы. Ни на один миг их не сбивало с пути то, что отечество вспоминало их не иначе как бранью и клеветой, в которых их противники могли безнаказанно изливать против них свою ненависть.

Все же это было тяжелое время, и отзвук его слышен еще в словах, которые Энгельс спустя срок жизни целого поколения произнес у могилы жены Маркса: «И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили великий заговор против ее мужа; когда они закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой; когда вся печать оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана; когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать,— это нанесло

ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго». В эти мрачные годы Маркс проделал основную работу для своего главного научного произведения.

1. МАРКС О ТОВАРЕ И ДЕНЬГАХ

Первым опубликованным результатом научной работы Маркса 40—50-х годов была небольшая книга «К критике политической экономии». В Предисловии Маркс рассматривал систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок. Под первыми тремя рубриками он хотел исследовать экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество, и первый отдел первой книги, трактующей о капитале, должен был состоять из трех глав — о товаре, о деньгах и о капитале вообще. Первые две главы — о товаре и о деньгах — составили содержание первого выпуска, изданного Марксом в 1859 г.

В том же Предисловии Маркс дал краткий обзор хода своих научных исследований: критический разбор гегелевской философии права привел его к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом» и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Затем следовало то классическое изложение материалистического понимания истории, которое с тех пор очень часто цитировалось.

Маркс самым недвусмысленным образом указал во «Введении»[79] на научно-исторический характер своего труда, столь же недвусмысленно выступающий в самом тексте на каждой странице.

«На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие» *,— так начинается изложение.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 13.

Маркс исследует определенную историческую форму общества: он желает выяснить не то, чем товар или деньги *могли бы* или *должны были бы* быть в каком-либо общем, философском смысле, а то, что они представляют собой в современном буржуазном обществе. Уже в своей книге, направленной против Прудона, Маркс высмеял тех буржуазных экономистов, которые возводили условия жизни буржуазного общества в условия жизни человеческого общества вообще *; теперь он в «К критике политической экономии» подробно изобразил ход исторического развития, а вместе с тем и историческую обусловленность теорий товара и денег. Несмотря на это представители из буржуазного лагеря в целях сознательного обмана или вследствие неосознанного самообмана, но всегда безнадежно путая понятия, не перестают утверждать, будто Маркс именно в своей теории стоимости выдумал из своей головы какой-то идеальный или моральный принцип, который-де более умные или более нравственные головы смогут опровергнуть при помощи каких-либо других идеальных или моральных принципов. И это тот самый Маркс, который подробно развил мысль, высказанную Рикардо лишь косвенно,— «что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество» **.

Следствием научно-исторической точки зрения Маркса было то, что он подхватил нить исследования там, где она оборвалась в буржуазной политической экономии. Рикардо выработал наиболее четкое определение стоимости товара рабочим временем, но все же из его теории получался ряд противоречий, которых не в состоянии были разрешить ни буржуазные экономисты, ни прежние социалисты. Достаточно напомнить о разнице между *платой* за труд (заработной платой) и *продуктом* труда, разнице, которая так резко противоречила закону стоимости Рикардо и которую Грей, Прудон, Родбертус пытались уничтожить путем устранения денег. Маркс убедительнее, чем кто-либо другой, доказал безнадежность этих попыток; но теперь для него дело шло о положительном конкретном выяснении того, в чем крылась ошибка Рикардо, в каком пункте бур-

* См. *К. Маркс*. Нищета философии, стр. 93—94.
** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 46.

жуазная политическая экономия недостаточно глубоко проникла в организм буржуазного общества. Маркс подверг основательному пересмотру свойство труда создавать стоимость; он исследовал вопрос о том, какой именно труд создает стоимость, почему и как он ее создает, почему стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода. Он расчленил затем отношение между товаром и деньгами и показал, как и почему товар — в силу внутренне присущего ему свойства стоимости — и товарообмен должны создавать противоположность между товаром и деньгами.

Маркс первый открыл двойственный характер труда в буржуазном обществе. Всякий товар можно рассматривать с двоякой точки зрения — как потребительную стоимость и как меновую стоимость.

«Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание, вначале безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительная стоимость, хотя и является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения... Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией. К области последней потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы. Непосредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, *меновая стоимость*» *. Этими ясными положениями Маркс уничтожил источник бесконечных недоразумений и тем самым сделал целые груды учебников политической экономии пригодными разве на то, чтобы топить ими печки.

Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько всякая другая, при том лишь условии, что они взяты в правильной пропорции. «Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 14.

количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок своей ваксы в дворцах» *. Товары, обмениваясь друг на друга, совершенно независимо от формы своего естественного существования и от специфической природы тех потребностей, которые они должны удовлетворять в качестве потребительных стоимостей, представляют собой одно и то же единство, несмотря на свою пеструю внешность.

Потребительные стоимости суть непосредственно жизненные средства, но сами эти жизненные средства в свою очередь суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — овеществленный труд. Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. «Труд, который в равной мере в них овеществлен, должен сам быть однородным, лишенным различий, простым трудом, которому так же безразлично, проявляется ли он в золоте, в железе, пшенице или шелке, как безразлично для кислорода, находится ли он в ржавчине железа, в воздухе, в соку винограда или в крови человека» **. Если различия потребительных стоимостей вытекают из различий труда, создающего эти потребительные стоимости, то для труда, создающего меновые стоимости, так же безразлична особенная форма самого труда, как для него безразлично особенное вещество потребительных стоимостей. Далее, если различные потребительные стоимости суть продукты деятельности различных индивидов, т. е. результат индивидуально различных видов труда, то как меновые стоимости, они представляют собой одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором стерта индивидуальность работающих. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть абстрактно-всеобщий труд, различающийся уже не качественно, а только количественно, сообразно большим или меньшим количествам его, овеществленным в меновых стоимостях различной величины. Для количественно различных масс абстрактно-всеобщего труда существует лишь одно мерило: рабочее время, масштабом которого являются, в свою очередь, естественные меры времени — час, день, неделя и т. д. Рабочее время суть живое

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 14—15.
** Там же, стр. 15.

бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности. Как меновые стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, с одной стороны, составляет субстанцию, которая делает их меновыми стоимостями и поэтому товарами, а с другой — является мерилом для определения величины их стоимости.

Сведѐние различных видов труда к лишенному различий однородному, простому труду представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая ежедневно происходит в общественном процессе производства. «Сведение всех товаров к рабочему времени есть не бо̀льшая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух» *. Эта абстракция всеобщего человеческого труда существует в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивид данного общества, это — определенная производительная затрата человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д. Это — простой труд, который составляет подавляющую часть труда в буржуазном обществе. Сложный труд есть сложенный, возведенный в степень простой труд: один день сложного труда равен, например, трем дням простого труда; по каким бы законам ни совершалось это сведение сложного труда к сложенному простому, практический опыт с очевидностью показывает, что оно совершается ежедневно. Продукты сложного труда ежедневно обмениваются в определенной пропорции на продукты простого среднего труда. Понятно далее, что рабочее время, составляющее стоимость, должно быть необходимым рабочим временем,— необходимым для того, чтобы при данных общих условиях производства произвести новый экземпляр того же самого товара; уже в «Нищете философии» Маркс показал, что стоимость вещи определяется не тем временем, в течение которого она *была* произведена, а минимумом времени, в течение которого она *может* быть произведена **.

Двойственный характер присущ труду при исторически определенной общественной форме производства, при товарном производстве, которое стало господствующей формой производства в капиталистическом обществе и вместе

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 17.

** См. *К. Маркс.* Нищета философии, стр. 53.

с ним. Поскольку труд создает потребительные стоимости, постольку он свойственен всевозможным формам общества; как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм. Этот труд нуждается в веществе как своей предпосылке и, таким образом, не есть единственный источник всего созданного им, а именно — вещественного богатства. Как бы различна ни была пропорция между трудом и веществом природы в различных потребительных стоимостях, все же потребительная стоимость всегда содержит какой-либо природный субстрат.

Наоборот, труд, создающий меновую стоимость, представляет собой специфически общественную форму труда. При первобытнообщинном строе, который мы встречаем на пороге истории всех культурных народов, труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма. В личных службах и натуральных повинностях средних веков общественная связь труда образуется не его всеобщностью, а его индивидуальной особенностью. В деревенской патриархальной семье, где женщины пряли, а мужчины ткали для потребностей собственной семьи, пряжа и холст были общественными продуктами, прядение и ткачество были общественным трудом в пределах семьи. Семейная связь с ее естественно развившимся разделением труда накладывала на продукт этого труда свою своеобразную общественную печать; общественный характер прядения и ткачества состоял здесь не в том, что пряжа и холст обменивались друг на друга как равнозначные и равноценные выражения одного и того же всеобщего рабочего времени. Лишь в товарном производстве индивидуальный труд становится общественным трудом вследствие того, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности. Меновая стоимость есть предметное выражение специфически общественной формы труда. Как таковая, она не содержит вещества природы: труд есть единственный ее источник, а вместе с тем и единственный источник богатства, состоящего из меновых стоимостей.

Но товар как таковой представляет собой непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стои-

мости; вместе с тем он является товаром лишь в отношении к другим товарам. Действительное отношение товаров друг к другу есть процесс их обмена. В этом общественном процессе, в который вступают независимые друг от друга индивиды, товар должен являться одновременно потребительной стоимостью и меновой стоимостью, особенной формой труда, служащей для удовлетворения особенных потребностей, и всеобщим трудом, могущим обмениваться на одинаковое количество всеобщего труда. Процесс обмена товаров должен быть как развертыванием, так и разрешением того противоречия, что индивидуальный труд, овеществленный в отдельном товаре, должен непосредственно обладать характером всеобщего труда.

Как меновая стоимость, каждый особенный товар становится мерилом стоимости всех других товаров. Наоборот, каждый особенный товар, в котором все другие товары измеряют свою стоимость, становится выражением адекватного бытия меновой стоимости; меновою стоимостью становится, таким образом, особенный, выделенный товар, который в силу того, что все другие товары превращаются в него, становится непосредственным овеществлением всеобщего рабочего времени. Таким образом, в этом одном товаре разрешается противоречие, заключенное в товаре как таковом, а именно: быть особенной потребительной стоимостью и вместе с тем всеобщим эквивалентом, а поэтому и потребительной стоимостью для каждого, всеобщей потребительной стоимостью. Этот особенный, выделенный товар и есть деньги.

В деньгах меновая стоимость товаров кристаллизуется как особенный товар. Денежный кристалл есть необходимый продукт, возникший на известной ступени развития процесса обмена, в котором разнообразные продукты труда фактически приравнивались друг к другу и поэтому фактически превращались в товары. Деньги были созданы инстинктивно в процессе развития обмена. Непосредственная меновая торговля,— эта первоначальная форма процесса обмена,— представляет собой скорее начало превращения потребительных стоимостей в товары, чем товаров в деньги. Чем больше развивается меновая торговля, чем больше потребительные стоимости становятся товарами, чем больше, следовательно, меновая стоимость принимает свободную форму и перестает быть связанной непосредственно с потребительной стоимостью, тем больше меновая торговля

толкает к созданию денег. Сначала роль денег случайно играют один или же несколько товаров, обладающих наиболее всеобщей потребительной стоимостью: рабы, скот, металлы. Функцию денег попеременно исполняли весьма различные, более или менее неподходящие товары. К благородным металлам эта функция перешла, в конце концов, потому, что они обладают необходимыми физическими свойствами того особенного товара, в котором должно кристаллизоваться денежное бытие всех товаров,— свойствами, непосредственно вытекающими из природы меновой стоимости: прочностью потребительной стоимости, произвольной делимостью, однородностью частей и отсутствием различий между всеми экземплярами этого товара. Этот особенный товар должен сохраняться в процессе обмена; как материализация всеобщего рабочего времени, он должен быть однородным и способным представлять только количественные различия.

Из благородных металлов, в свою очередь, все более и более становится выделенным денежным товаром золото. Оно служит мерой стоимостей и масштабом цен, оно служит средством обращения товаров. Путем сальто-мортале товара в золото особенный вид труда, накопленный в товаре, доказывает, что он есть также абстрактно-всеобщий труд, общественный труд. Если это перевоплощение не удается товару, то он теряет свое значение не только как товар, но и как продукт, ибо товаром он является лишь потому, что не имеет потребительной стоимости для своего владельца.

Золото, т. е. специфический товар, служащий мерой стоимостей и средством обращения товаров, становится деньгами без дальнейшего содействия со стороны общества. В противоположность товарам, которые являются только представителями самостоятельного бытия меновой стоимости, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, золото есть само материальное бытие абстрактного богатства. Но золото есть также материальный представитель вещественного богатства; оно удовлетворяет всякую потребность, поскольку оно может быть непосредственно обменено на предмет любой потребности; в своей солидной металлической плоти золото содержит в нераскрытом виде все вещественное богатство, развернутое в мире товаров. Оно одновременно является по своей форме непосредственным воплощением всеобщего труда, а по со-

держанию — совокупностью всех реальных видов труда. Золото есть всеобщее богатство как индивид. Из слуги оно становится господином, из простого подручного — богом товаров.

Маркс раскрывает роль денег в буржуазном обществе во всех ее разветвлениях, проливая свет повсюду, где раньше господствовал неопределенный полусвет или полная темнота. Сила и тонкость его экономического анализа напоминает тот паровой молот, о котором Маркс говорит в одном месте: «Он легко превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов» *. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем упрекать Маркса в затемняющей мифологии и туманной мистике, как это делали Рошер и его последователи. Наоборот, Маркс рассеял мифологический и мистический туман, окутывавший товарное производство и неоднократно сбивавший с толку буржуазных экономистов.

Маркс показал, как общественное производственное отношение принимается за находящийся вне индивидов предмет, как определенные отношения, в которые эти индивиды вступают в процессе производства своей общественной жизни, принимаются за специфические свойства вещи и как это извращение, эта прозаически реальная, а не воображаемая мистификация характеризует все общественные формы труда, создающего меновую стоимость. «В товаре эта мистификация еще очень проста. Все более или менее сознают, что отношение товаров, как меновых стоимостей, есть, наоборот, отношение лиц в их производственной деятельности друг для друга. В более высоких производственных отношениях эта видимость простоты исчезает. Все иллюзии монетарной системы произошли оттого, что не видели, что деньги представляют общественное производственное отношение, но в форме естественной вещи с определенными свойствами. У современных экономистов, которые высокомерно посмеиваются над иллюзиями монетарной системы, обнаруживается та же иллюзия, как только они обращаются к более высоким экономическим категориям, например к капиталу. Эта иллюзия прорывается у них в виде наивного изумления, когда то, что они грубо только что определили как вещь, вдруг вы-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 397.

ступает перед ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели зафиксировать как общественное отношение, вновь дразнит их как вещь» *. Рошеру лучше следовало бы немного поразмыслить над этим тонким разграничением, чем с полдюжины раз утешать себя в своих толстых книгах остротой, что Маркс был-де человеком остроумным, но не острого ума.

На товаре и деньгах Маркс раскрыл мистификацию товарного производства. Он хотел затем доказать то же по отношению к капиталу, но внешние обстоятельства,— в том числе многолетняя болезнь, неоднократно прерывавшая его работу,— на протяжении восьми лет препятствовали продолжению этой начатой в 1859 г. публикации его труда. Первый ее выпуск подвергся полному замалчиванию. Зато одно за другим выскакивали в свет издания рошеровского учебника политической экономии, где исторический метод праздновал свой триумф беспорядочной болтовней о товаре и деньгах, вплоть до воодушевляющего открытия, что деньги — «приятный товар».

2. ГЛАВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

В 1867 г. вышел в свет первый (в течение многих лет остававшийся единственным) том «Капитала» — великого труда, в котором Маркс довел до классического завершения свою критику политической экономии. Изобразив процесс производства капитала, Маркс поднялся на такую высоту, с которой ясно и обозримо расстилалась вся сфера современных социальных отношений, подобно тому как нижележащие предгорья расстилаются перед человеком, завершившим штурм высочайшей горной вершины и смотрящим с нее.

В первом отделе своего нового сочинения Маркс резюмировал еще раз то, что было изложено им по вопросу о товаре и деньгах в работе 1859 г. Он сделал это в еще несравненно более богатом изображении, в широких, как мир, рамках и в картине, полной тончайших оттенков. Немногие творения мировой литературы могут сравниться по литературному мастерству с этими главами. Их трудность для понимания, о которой много говорят, существует только для читателя, не прошедшего еще диалектической

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 21.

школы мышления; при серьезном усилии перед каждым здравым умом открывается этот источник познания, брызжущий ключом из глубин созидающейся человеческой жизни и притом столь ясный и прозрачный, что можно сосчитать каждую песчинку на его дне.

Во втором отделе Маркс переходит к исследованию вопроса о превращении денег в капитал. Если в товарном обращении происходит обмен равных меновых стоимостей, то каким образом владелец денег может покупать товары по их стоимости, продавать товары также по их стоимости и тем не менее извлекать в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него? Это удается ему по той причине, что при существующих общественных отношениях он находит на товарном рынке один товар, обладающий столь своеобразным свойством, что потребление его является источником новой стоимости. Товар этот — рабочая сила. Таким образом Маркс разрешил загадку, которую не удалось решить классической экономии и над которой тщетно бился мелкобуржуазный социализм; таким образом он объяснил разницу между *платой* за труд и *продуктом* труда, находившуюся, казалось бы, в вопиющем противоречии с законом стоимости капиталистического производства.

Рабочая сила существует в образе живого рабочего, которому необходима определенная сумма жизненных средств для поддержания своего существования, а также существования своей семьи, обеспечивающей сохранение рабочей силы и после его смерти. Рабочее время, необходимое для производства этих жизненных средств, представляет собой стоимость рабочей силы. Но эта стоимость, уплачиваемая в форме заработной платы, значительно меньше той стоимости, которую покупатель рабочей силы может выжать из последней. Прибавочный труд рабочего сверх времени, необходимого для возмещения его заработной платы, есть источник прибавочной стоимости, источник постоянно возрастающего накопления капитала. На неоплаченный труд рабочего содержатся все нетрудящиеся члены общества: за его счет покрываются земельная рента землевладельца, прибыль капиталиста, а также, в свою очередь, государственные и местные налоги, на нем зиждется все здание капиталистического общества.

Правда, неоплаченный труд сам по себе не представляет собой исключительной особенности современного бур-

жуазного общества. С тех пор, как существуют имущие и неимущие классы, неимущий класс всегда принуждался отдавать имущему классу свой неоплаченный труд. Пока одна часть общества обладает монополией на средства производства, до тех пор рабочий, свободный или несвободный, принуждается сверх рабочего времени, необходимого для поддержания его собственного существования, работать еще некоторое время, чтобы произвести средства существования для собственников средств производства. Наемный труд есть лишь особая историческая форма системы неоплаченного труда, господствующей со времени раскола общества на антагонистические классы,— особая историческая форма, которая, чтобы быть правильно понятой, должна быть исследована как таковая.

Для превращения денег в капитал владелец денег должен найти на товарном рынке свободного рабочего, свободного в том двояком смысле, что он — свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что у него нет никаких других товаров для продажи, что он гол, как сокол, свободен от всех вещей, необходимых для реализации своей рабочей силы. Это не есть естественно-историческое отношение, ибо природа не производит, с одной стороны, владельцев денег и товаров, а с другой,— владельцев одной лишь собственной рабочей силы. Но вместе с тем здесь перед нами и не такое социальное отношение, которое обще всем историческим периодам, а результат продолжительного исторического развития, продукт многих экономических переворотов, гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.

Обращение товаров есть исходный пункт возникновения капитала. Товарное производство, обращение товаров и развитое товарное обращение, торговля, образуют исторические предпосылки, при которых возникает капитал. История жизни современного капитала ведет свое начало от возникновения современных мировой торговли и мирового рынка в XVI в. Иллюзия вульгарных экономистов, будто существовали некогда, с одной стороны, трудолюбивые и бережливые избранники, накоплявшие богатство, а с другой — масса ленивых бездельников и оборванцев, прокучивавших все, у которых, в конце концов, не осталось для продажи ничего, кроме их собственной шкуры, эта иллюзия есть пошлое ребячество, столь же пошлое, как тот полусвет, в котором буржуазные историки изображают разложение

феодального способа производства, рассматривая его исключительно как освобождение рабочего, вместо того чтобы представить его одновременно и как превращение феодального способа эксплуатации в капиталистический. Одновременно с тем, как рабочие перестали принадлежать непосредственно к числу средств производства как рабы, крепостные и т. д., средства производства перестали принадлежать им, как они принадлежат, например, крестьянам и ремесленникам, ведущим самостоятельное хозяйство. Земля, средства существования, орудия производства были экспроприированы у широких народных масс при помощи ряда насильственных и жестоких мер, которые Маркс подробно описывает в главе о так называемом первоначальном накоплении, приводя наиболее яркие примеры из истории Англии. Таким путем возникают массы свободных рабочих, в которых нуждается капиталистический способ производства; «...новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» *. Раз став на собственные ноги, он не только сохранял и поддерживал отделение рабочих от условий их труда, но и стал воспроизводить это отделение во все более широком масштабе.

От прежних видов неоплаченного труда наемный труд отличается тем, что движение капитала беспредельно, что его жажда прибавочного труда неутомима. В общественно-экономических формациях, в которых преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает беспредельной потребности в прибавочном труде. Иначе происходит дело там, где преимущественное значение имеет меновая стоимость. «Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде» **. Для него важен не процесс труда, не производство потребительных стоимостей, а процесс возрастания стоимости, создание меновых стоимостей, из которых он может выжать больше стоимости, чем вложил. Жажда прибавочной стои-

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 770.
** Там же, стр. 319.

мости неутолима; производство меновых стоимостей не знает той границы, которую ставит производству потребительных стоимостей удовлетворение потребностей.

Подобно тому как товар есть единство потребительной стоимости и меновой стоимости, так процесс производства товара есть единство процесса труда и образования стоимости. Процесс образования стоимости продолжается вплоть до того пункта, когда стоимость рабочей силы, оплаченная в форме заработной платы, возмещается равной стоимостью; дальше этого пункта он становится процессом производства прибавочной стоимости, процессом увеличения стоимости. Как единство процесса труда и увеличения стоимости, он становится капиталистическим процессом производства, капиталистической формой товарного производства. В процессе труда взаимодействуют рабочая сила и средства производства; в процессе увеличения стоимости те же составные части капитала фигурируют как постоянный и переменный капитал. Постоянный капитал превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда; он не изменяет величины своей стоимости в процессе производства. Переменный капитал превращается в рабочую силу и изменяет свою стоимость в процессе производства: он воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того еще избыток, прибавочную стоимость, которая сама может изменяться, быть больше или меньше. Таким образом, Маркс прокладывает ясный путь для исследования прибавочной стоимости, различая при этом две ее формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, каждая из которых играла хотя и не одинаковую, но решающую роль в истории капиталистического способа производства.

Абсолютная прибавочная стоимость производится тогда, когда капиталист удлиняет рабочий день сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства рабочей силы. Если бы все зависело от желания капиталиста, то рабочий день насчитывал бы полных 24 часа в сутки, ибо чем продолжительнее рабочий день, тем больше прибавочной стоимости он производит. Напротив, у рабочего есть верное чувство того, что каждый час труда, который он работает сверх времени, необходимого для возмещения его заработной платы, отнимается у него неправильно; ему на собственном организме приходится испытывать, что значит работать слишком долго.

Борьба за нормальный рабочий день ведется свободными рабочими с первого выступления их на историческую арену и по настоящий день. Капиталист борется за свою прибыль, и независимо от того, является ли он лично благородным или дурным человеком, конкуренция принуждает его растягивать рабочий день до самой крайней границы человеческой работоспособности. Напротив, рабочий ведет борьбу за свое здоровье, за несколько часов отдыха в течение дня, чтобы иметь возможность не только работать, есть и спать, но и проявлять свою человеческую личность в других видах деятельности.

Маркс самым убедительным образом изображает полувековую гражданскую войну по вопросу о продолжительности рабочего дня, которая велась в Англии между классом капиталистов и рабочим классом, начиная со времени возникновения крупной промышленности, побудившей капиталиста разрушить все преграды, которые ставились эксплуатации пролетариата природой и обычаями, возрастом и полом, сменой дня и ночи, и кончая изданием закона о десятичасовом рабочем дне, который был завоеван рабочим классом и явился непреодолимым общественным препятствием, мешающим ему самому продавать себя и свое потомство на смерть и рабство путем добровольного договора с капиталом.

Относительная прибавочная стоимость создается благодаря тому, что рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, сокращается в пользу прибавочного рабочего времени. Стоимость рабочей силы понижается путем повышения производительности труда в тех отраслях промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы. Для этого необходимо непрерывное революционизирование способа производства, технических и общественных условий процесса труда. Исторические, экономические, технологические и социально-психологические рассуждения Маркса по этому вопросу в главах «Капитала», трактующих о кооперации, о разделении труда и мануфактуре, о машинах и крупной промышленности, относятся к наиболее значительному из того, что он когда-либо написал. Даже один из его буржуазных биографов посмеивается над тем, что академические учебники политической экономии, вместо того чтобы черпать из этой богатой сокровищницы научного познания, все еще поверхностно и догматически твердят

рассуждения Адама Смита о разделении труда, которым минуло уже больше ста лет. Извинением для них может служить лишь то обстоятельство, что легче вырвать у Геркулеса его палицу, чем найти у такого революционного мыслителя, как Маркс, мысль, которая непосредственно годилась бы для корма в буржуазных университетских стойлах.

Маркс не только показывает, как машины и крупная промышленность создали столь ужасающую нищету в большей мере, чем какой-либо из предшествовавших им способов производства, он показывает также, как, непрерывно революционизируя капиталистическое общество, они подготовляют высшую общественно-экономическую формацию.

Фабричное законодательство есть первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его производственного процесса. Пока оно регулирует труд на фабриках и мануфактурах, это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Но сила фактов заставляет, наконец, законодательство регулировать также так называемую работу на дому и вмешиваться в сферу родительской власти, следовательно, заставляет его признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. «Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, одна в связи с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно

превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» *. Машина, низводящая рабочего до роли своего простого придатка, создает вместе с тем возможность увеличить производительные силы общества до такой высокой степени, которая сделает возможным для всех членов общества одинаково достойное человека развитие,— для чего все прежние общественно-экономические формации были слишком бедны.

Исследовав производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости, Маркс дает первую рациональную теорию заработной платы, которую знает история политической экономии. Цена товара есть его стоимость, выраженная в деньгах, а заработная плата есть цена рабочей силы.

На товарном рынке появляется непосредственно не труд, а рабочий, продающий свою рабочую силу; труд возникает лишь как процесс потребления товара, именуемого рабочей силой. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам по себе он не имеет стоимости. Тем не менее, на первый взгляд кажется, что труд вознаграждается в заработной плате, так как рабочий получает ее лишь по окончании работы. Форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на оплаченный и неоплаченный труд.

При рабском труде дело представляется наоборот: раб как будто работает только на хозяина,— даже ту часть рабочего дня, в течение которой он лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже неоплаченный труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает труд раба на себя самого, здесь же денежное отношение скрывает даровой труд наемного рабочего. Понятно поэтому, говорит Маркс, то решающее значение, какое имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им ил-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 500—501.

люзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии.

Двумя основными формами заработной платы являются повременная плата и поштучная плата. На примерах проявления законов повременной заработной платы Маркс изобличает, между прочим, корыстную вздорность фраз, частенько пускаемых в ход ненасытными эксплуататорами, и прежде всего бравым Бисмарком, против законодательного ограничения рабочего дня, фраз о том, будто бы вследствие такого ограничения понижается заработная плата. В действительности мы наблюдаем явление прямо противоположное: временное сокращение рабочего дня понижает заработную плату, но длительное его сокращение действует на нее повышающим образом; чем продолжительнее рабочий день, тем ниже заработная плата.

Поштучная заработная плата есть не что иное, как превращенная форма повременной заработной платы; она представляет собой форму заработной платы, наиболее соответствующую капиталистическому способу производства. Получив более широкое применение в собственно мануфактурный период, она в период бури и натиска английской крупной промышленности послужила рычагом для удлинения рабочего времени и понижения заработной платы. Поштучная заработная плата очень выгодна для капиталиста, так как она делает в значительной степени излишним надзор за трудом и сверх того дает самые разнообразные предлоги для вычетов из заработной платы и иных способов капиталистического мошенничества. Для рабочих же поштучная заработная плата соединена с рядом крупных невыгод. Рабочие при этой системе вознаграждения надрывают свое здоровье чрезмерным трудом, благодаря которому они рассчитывают увеличить свой заработок, между тем как фактически система эта имеет тенденцию понижать уровень заработной платы. Кроме того, поштучная заработная плата усиливает взаимную конкуренцию между рабочими и ослабляет их сознание солидарности; благодаря ей между капиталистами и рабочими внедряется слой паразитов-посредников, урывающих изрядный кусок от уплачиваемого за работу вознаграждения и т. д.

Результатом отношения, связывающего заработную плату и прибавочную стоимость, является то, что капиталистический способ производства не только непрерывно

воспроизводит капиталисту его капитал, но и непрерывно воспроизводит бедность рабочих: он воспроизводит, с одной стороны, капиталистов, которым принадлежит собственность на все жизненные средства, все сырые материалы и все орудия труда, а с другой — широкую массу пролетариев, вынужденную продавать этим капиталистам свою рабочую силу за то количество жизненных средств, которого в лучшем случае едва хватает на поддержание этой массы в работоспособном состоянии и на воспитание нового поколения работоспособных пролетариев. Но капитал не только воспроизводится, он постоянно увеличивается и растет.

Этому «процессу накопления» Маркс посвящает последний отдел в своем изображении процесса производства капитала. Не только прибавочная стоимость возникает из капитала,. но и наоборот: капитал возникает из прибавочной стоимости.

Часть ежегодно производимой прибавочной стоимости потребляется как доход имущими классами, среди которых она распределяется; другая часть накопляется как капитал. Неоплаченный труд, выжатый из рабочего класса, служит теперь средством выжимать из него все большее количество неоплаченного труда. В потоке производства весь первоначально авансированный капитал становится вообще непрерывно уменьшающейся величиной в сравнении с непосредственно накопленным капиталом, т. е. в сравнении с вновь и вновь превращенной в капитал прибавочной стоимостью или прибавочным продуктом, независимо от того, функционирует ли этот капитал в руках лица, которое накопляло, или в чужих руках. Закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, в силу своей собственной, внутренней, неизбежной диалектики превращается в свою прямую противоположность. Законы товарного производства, казалось, устанавливали право собственности как право, основанное на собственном труде. Друг другу противостояли равноправные товаровладельцы, причем средством для приобретения чужого товара было лишь отчуждение своего собственного товара, а собственный товар мог быть произведен только трудом. Теперь же собственность проявляется на стороне капиталистов как право присваивать себе чужой неоплаченный труд или его продукт, а на стороне рабочего — как невозможность присвоить себе свой собственный продукт.

Когда современные пролетарии начали понимать эту связь явлений, когда городской пролетариат в Лионе ударил в набат, а сельскохозяйственный пролетариат в Англии стал пускать красного петуха, вульгарными экономистами была изобретена «теория воздержания», согласно которой капитал возникает вследствие «добровольного воздержания» капиталистов,— теория, которую Маркс подвергает беспощадному бичеванию. В действительности же накоплению капитала способствует вынужденное «воздержание» рабочих, насильственное понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы с целью превратить часть необходимого потребительного фонда рабочих в фонд накопления капитала. Вот откуда берут фактически свое начало все жалобные вопли по поводу «роскошного» образа жизни рабочих, бесконечные причитания по поводу бутылки шампанского, будто бы когда-то выпитой берлинскими каменщиками, дешевые кухонные рецепты христианских социал-реформаторов и тому подобные проявления капиталистического шантажа.

Таким образом, всеобщий закон капиталистического накопления состоит в следующем. Возрастание капитала включает в себя возрастание его переменной части, затрачиваемой на покупку рабочей силы. Если строение капитала остается неизменным, т. е. для приведения в движение определенной массы средств производства (постоянного капитала) требуется все та же масса рабочей силы, то спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, увеличивается пропорционально возрастанию капитала и тем быстрее, чем быстрее возрастает капитал. Подобно тому как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит само капиталистическое отношение, так и воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление капитала, воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом.

Накопление капитала есть, стало быть, увеличение пролетариата, и притом в предположенном выше случае оно происходит еще при условиях, наиболее благоприятных для рабочих, т. е. из их же собственного прибавочного продукта, который все более возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, более значительная часть притекает к ним обратно в форме средств

платежа, благодаря чему они могут расширять круг своих потребностей, лучше обеспечивать свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. Но рабочие не перестают вследствие всего этого быть зависимыми и эксплуатируемыми, подобно тому как хорошо одетый и хорошо накормленный раб не перестает быть рабом.

Рабочие всегда принуждены отдавать определенное количество неоплаченного труда; правда, оно может уменьшаться, но оно никогда не может опуститься до такого пункта, на котором оно сколько-нибудь серьезно угрожало бы капиталистическому характеру производства. Если заработная плата поднимается выше этого пункта, то стимул наживы притупляется и накопление капитала ослабевает, пока заработная плата не опустится снова до уровня, соответствующего потребности капитала в возрастании. Лишь в тех случаях, когда при повышении цены труда вследствие накопления капитала отношение между его постоянной и переменной частью остается неизменным, размеры и тяжесть золотой цепи, которую уже сковал для себя сам наемный рабочий, позволяют сделать ее напряжение менее сильным. Фактически, однако, вместе с ростом накопления наступает крупный переворот в органическом строении капитала: постоянный капитал растет за счет переменного, увеличивающаяся производительность труда ведет к тому, что масса средств производства возрастает сравнительно быстрее массы оживляющей их рабочей силы, спрос на труд не поднимается пропорционально накоплению капитала, а испытывает относительное падение. То же действие только в иной форме производит концентрация капитала, происходящая (независимо от его накопления) вследствие того, что законы капиталистической конкуренции приводят к поглощению мелкого капитала крупным. Если добавочный капитал, образующийся в поступательном ходе накопления, притягивает все меньше и меньше рабочих по сравнению со своей величиной, то, с другой стороны, периодически воспроизводимый в новом строении старый капитал отталкивает все больше и больше рабочих, которых он занимал раньше. Таким образом возникает относительное перенаселение, т. е. избыток рабочего населения по сравнению с потребностями капитала в возрастании, возникает промышленная резервная армия; эта армия в периоды застоя или посредственного состояния дел в промышленности не имеет регуляр-

ного занятия и оплачивается ниже стоимости своей рабочей силы, либо вынуждена обращаться за помощью к общественной благотворительности, но во всяком случае является фактором, парализующим силу сопротивления занятых рабочих и удерживающим их заработную плату на низком уровне.

Но если промышленная резервная армия составляет необходимый продукт накопления или развития богатства на капиталистической основе, то она становится, в свою очередь, рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Вместе с накоплением капитала и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, нуждающаяся в больших массах людей, чтобы возможно было разом бросать их на новые рынки и в новые отрасли промышленности без сокращения размеров производства в других сферах. Характерный жизненный путь современной промышленности, имеющий форму десятилетнего цикла, прерываемого более мелкими колебаниями и состоящего из периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, покоится на постоянном образовании промышленной резервной армии, большем или меньшем ее поглощении и образовании ее вновь. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия... Относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления»* *.

Из него вытекает также историческая тенденция этого накопления. Рука об руку с накоплением, концентрацией и централизацией капитала «развивается кооперативная

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 659.

форма процесса труда, в постоянно растущих размерах развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда... Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» *.

Индивидуальная собственность, основанная на собственном труде, восстанавливается, но уже на основе достижений капиталистической эры, т. е. на основе кооперации свободных работников и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства.

«Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» **.

На протяжении немногих страниц невозможно, конечно, дать хотя бы приблизительное понятие о богатстве мыслей и фактов, содержащихся в первом томе «Капитала». То, что в подобном резюме в большей или меньшей

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 772—773.

** Там же, стр. 773.

степени неизбежно имеет вид недоказанного утверждения, в самой книге построено камень за камнем, прочно скреплено железной логикой и твердо покоится на солидном фундаменте фактов, без какого-либо приглаживания и прикрашивания. При всем обилии духовных сокровищ, разбросанных щедрой рукой по всему произведению, оно носит на себе самую подлинную печать гения: читателя никогда не покидает сознание, что мастер еще более велик, чем его творение.

Критикуя политическую экономию, Маркс привел ее как науку в состояние совершенства. Он строил на фундаменте, заложенном Адамом Смитом и Рикардо; исследование капиталистического способа производства он продолжал с того пункта, где названные самостоятельные мыслители оборвали его,— вернее говоря, где они вынуждены были его оборвать, так как игра имманентных законов этого способа производства еще не достигла такого развитого состояния, чтобы глубокое познание их стало возможным. Буржуазные преемники классической политической экономии шли противоположным путем: чем больше капиталистический способ производства показывал свое истинное и, бесспорно, отталкивающее обличье, тем больше они отказывались от исследования и объяснения и ударялись в приукрашивание и затушевывание капиталистической действительности, называя это «дальнейшим развитием науки». При появлении книги Маркса они попробовали сначала применить к ней свою излюбленную систему полного замалчивания, но когда эта тактика оказалась недейственной, они подняли страшный вопль по поводу якобы ненаучной тенденции книги. Чрезвычайно характерна в этом смысле критика, которой подвергся первый том «Капитала» спустя 8 лет после своего выхода в свет на страницах аугсбургской «Всеобщей газеты»,— критика, исходившая не от первого встречного манчестерца, а, как это явствует из всего ее содержания, от кого-то из представителей исторической школы.

Сей превосходный муж писал, что кто хочет основательно понять сущность капитала, тот должен научно исследовать действительную историю последнего. Для подобной работы требуются силы гиганта и терпение карлика. Кто хочет вести речь о несправедливости современного распределения богатств, тот должен исследовать факты, касающиеся современных прибылей и заработных

плат, собственности, ее роста и ее гибели. Только таким путем он может что-либо доказать сведущим читателям. После подобного вступления читатель был бы вправе ожидать заключения, что Маркс в своем труде удовлетворил всем указанным требованиям. Не тут-то было! «Маркс,— читаем мы,— сознательно и намеренно становится на точку зрения английской политической экономии первой четверти XIX в., пренебрежительно игнорируя или, скорее, действительно не зная всех дальнейших успехов прогрессировавшей науки. Он старается развивать дальше и дополнять Давида Рикардо, следуя его абстрактной манере, старается как бы сказать последнее слово, оставшееся невысказанным у Рикардо. Со всей гордостью самоучки он опирается на предпосылки, которые он считает бесспорными, тогда как другие считают их давно опровергнутыми. Рикардо и другие старые авторы имеют, конечно, ту неоспоримую заслугу, что они разрабатывали и совершенствовали экономическую логику, но все это происходило давно и отошло в область прошлого. Тот, кто в настоящее время рассчитывает двигать вперед науку, предпринимая попытки разрешить жгучие вопросы, связанные с капиталистической собственностью, при помощи этой старой экономической логики, тот ошибается и... проспал время целого поколения в жизни науки». Это время «целого поколения», которое будто бы проспал Маркс, было наполнено, с одной стороны, софизмами, при помощи которых Бастиа и его подражатели фальсифицировали учение Адама Смита и Рикардо, а с другой — боязливыми потугами Рошера и прочих мастеров «исторического метода» как-нибудь перескочить через «неудобные» для буржуазии логические выводы из классической политической экономии.

Мы можем ограничиться одним этим образчиком, так как при всей своей нелепости он является классическим для той меры понимания, которую буржуазная политическая экономия обнаруживала в течение ряда лет и десятилетий всякий раз, когда ей приходилось разбирать произведения Маркса. Со временем и для нее оказалось невозможным избегнуть его влияния. Само развитие событий слишком разительно подтверждало выводы, сделанные Марксом, чтобы правильность его аргументации не стала очевидной даже для близоруких глаз. Ни один буржуазный экономист не осмеливается теперь больше повторять ту старую дре-

бедень, которой двадцать лет тому назад встретили в этих кругах первый том «Капитала»; можно даже без преувеличения сказать, что вся действительная работа, какую еще делает буржуазная политическая экономия, находится прямо или косвенно под влиянием этой книги.

Поскольку буржуазная политическая экономия борется с научным коммунизмом, вооружаясь не одними лишь соломинками, но и сколько-нибудь твердым оружием, она выковывает это оружие в огне «Капитала». От своей судьбы она все-таки не уйдет так же, как не могут уйти от своей судьбы орды варваров, даже когда они прибегают к оружию цивилизации, чтобы защищать свои отжившие общественные порядки.

Однако и рабочему классу нужно было еще пройти через школу экономического развития, прежде чем произведение Маркса начало переходить в его плоть и кровь. Причина заключалась в том положении вещей, на которое Маркс намекнул сам в Предисловии к «Капиталу», говоря, что Германия, как и вся остальная континентальная Европа, страдает не только от развития капиталистического производства, но и от недостаточности этого развития. Длинный ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения, затемнял еще для рабочих внутреннюю связь современных социальных бедствий, вскрытую в сочинении Маркса. Иоганн Филипп Беккер [80] назвал последнее «библией рабочего класса»,— теоретически неудачное, но исторически верное сравнение.

На первых порах перед «Капиталом» больше останавливались в изумлении, чем читали его; им больше восхищались, чем понимали его, его толковали больше с правоверным усердием, чем с критической вдумчивостью. Упрек по поводу «догматического фанатизма» имел в то время больше смысла, чем теперь, когда неудержимый прогресс германской крупной промышленности с каждым днем все более ясно показывает, насколько правильно Маркс понял типичную сущность английской крупной промышленности, насколько книга его была не догматическим, а научно-историческим произведением.

Научно-историческое произведение, изображающее определенный период в процессе развития человечества, не

может быть непогрешимым источником мудрости на все грядущие времена, и никто не был более далек от подобной претензии, чем сам Маркс. За последние тридцать лет капиталистический способ производства породил многие явления, которых Маркс не знал и не предвидел в их теперешнем виде; характерный жизненный путь современной промышленности не имеет больше формы того десятилетнего цикла, о котором говорил Маркс. Однако, всякое отклонение в отдельных фактах лишь подтверждало правильность той общей тенденции, господство которой в истории капиталистического способа производства открыл Маркс. Обнищание, которое капиталистический способ производства влечет с собой для рабочего класса, тщетно пытаются опровергнуть указанием на успехи, достигаемые этим классом именно там, где капиталистический способ производства достиг наиболее высокого развития.

Но тенденция капиталистического накопления, научно доказанная Марксом, именно в том и состоит, что, чем дальше, тем больше крупная промышленность своим бичом голода и принудительного труда сама обучает и дисциплинирует рабочую армию, которая вырвет ее капиталистические корни. Пресловутая мудрость, которая хочет убедить рабочий класс в несостоятельности экономической и политической классовой борьбы, лживо пытаясь выдавать с этой целью за плоды крупной промышленности то, что было с тяжелыми усилиями вырвано у этой промышленности классовой борьбой пролетариата,— эта мудрость может в лучшем случае сойти за «шутки висельника», которыми капиталистический способ производства сокращает себе мучительные этапы своего неудержимого движения к гибели.

Перевод сверен с немецким изданием:
Franz Mehring «Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie», Dritte Auflage, Stuttgart, 1906.
Сверщики: Г. Б. Ковганкин и В. А. Морозова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отец Маркса, получив звание советника юстиции (юстицрата), был также избран председателем местной коллегии адвокатов.— *13.*

[2] *Лассаль, Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, по образованию адвокат; с конца 50-х годов начал вести агитацию среди рабочих; один из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863); поддерживал политику объединения Германии «сверху», под гегемонией контрреволюционной Пруссии; положил начало оппортунистическому направлению в германской социал-демократии. Меринг глубоко ошибался в оценке Лассаля, ставя его в один ряд с основоположниками научного коммунизма Марксом и Энгельсом.

В действительности как теоретические работы Лассаля, так и его практика были весьма далеки от марксизма. Обнаруженная Г. Майером в 1928 г. (после смерти Меринга) переписка Лассаля и Бисмарка окончательно подтвердила наличие связи между канцлером и Лассалем. Поэтому Маркс и Энгельс были правы, когда писали, что Лассаль «заключил форменный договор с Бисмарком», что он на деле «*изменил* партии». Тем не менее они высоко ценили его агитационную деятельность среди немецких рабочих.— *13.*

[3] *Берне, Людвиг* (1786—1837) — немецкий публицист и критик, один из видных представителей радикальной мелкобуржуазной оппозиции, автор знаменитых «Парижских писем» (1830—1833 гг.) о революционных событиях 1830 г. во Франции; к концу жизни сторонник христианского социализма.— *13.*

[4] *Якоби, Иоганн* (1805—1877) — немецкий публицист и политический деятель, буржуазный демократ, в 1848 г. один из лидеров левого крыла в прусском Национальном собрании; в 70-х годах примыкал к социал-демократам. Маркс и Энгельс, расходясь с Якоби по многим вопросам, высоко ценили его как демократа, ставшего на сторону рабочего движения.— *13.*

[5] *Кодекс Наполеона* — гражданский кодекс Франции, выработанный при участии Наполеона и утвержденный в марте 1804 г.

Энгельс отмечал, что кодекс Наполеона — это «классический свод законов буржуазного общества». Он оказал влияние на законодательства многих буржуазных стран.— *14.*

[6] Т. е. правительственного советника.— *15.*

[7] *«Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности»* («Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe») — ежедневная газета; выходила в Кёльне с 1 января 1842 г. по 31 марта 1843 г. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые левые гегельянцы. С апреля 1842 г. Маркс стал сотрудником «Рейнской газеты», а с октября того же года — одним из ее редакторов (до Маркса газетой руководил младогегельянец Адольф Рутенберг (1808—1869)). В этой же газете было опубликовано несколько статей Энгельса (о «Рейнской газете» см. вторую главу настоящей книги).— *15.*

[8] *Фрейлиграт, Фердинанд* (1810—1876) — немецкий революционный поэт, член Союза коммунистов; вместе с Георгом Веертом руководил литературным отделом «Новой Рейнской газеты», редактировавшейся К. Марксом; впоследствии от революционной деятельности отошел (об отношениях Маркса и Фрейлиграта см. *Ф. Меринг,* Фрейлиграт и Маркс в их переписке, М.— Л., 1929).— *15.*

[9] *Веерт, Георг* (1822—1856) — выдающийся немецкий поэт и публицист, которого Энгельс назвал «первым и самым значительным поэтом немецкого пролетариата», член Союза коммунистов, редактор отдела фельетона в «Новой Рейнской газете», друг К. Маркса и Ф. Энгельса.— *15.*

[10] *Ганс, Эдуард* (ок. 1798—1839) — профессор права в Берлине, либеральный гегельянец, один из учеников Гегеля и издатель его сочинений. Так же как и Гегель, резко критиковал историческую школу права.— *16.*

[11] *Историческая школа права* — реакционное направление в юридической науке конца XVIII — начале XIX в. Основателем этого направления был немецкий юрист Г. Гуго (1764—1844). Согласно исторической школе права источником права является обычай, поэтому всякий институт, утвердившийся и ставший привычным, законен. Государство и право изменяются лишь в результате саморазвития некоего «народного духа». Фактически защищая действующее германское феодальное право, эта школа узаконяла «подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего» (Маркс). Лекции главы исторической школы права Савиньи (1779—1861) Маркс слушал в Берлинском университете.— *16.*

[12] *Штраус, Давид Фридрих* (1808—1874) — немецкий философ и публицист, один из видных левых гегельянцев. Его работа «Жизнь Иисуса» (1835 г.), положившая начало расколу в школе Гегеля на левогегельянцев и правогегельянцев, посвящена критике

религиозных догматов, отрицанию религиозных чудес. После 1866 г. национал-либерал.— *16*.

[13] *Бауэр, Бруно* (1809—1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших левогегельянцев («младогегельянцев»), буржуазный радикал, автор ряда работ по истории раннего христианства; после 1866 г. национал-либерал, сторонник Бисмарка. Будучи гегельянцем, Маркс поддерживал с Б. Бауэром дружеские отношения; позднее, уже с материалистических позиций, Маркс и Энгельс подвергли взгляды Б. Бауэра, его брата Эдгара Бауэра (1820—1886) и других левогегельянцев критике в работах «Святое семейство» (1844 г.) и «Немецкая идеология» (1845—1846 гг.).— *16*.

[14] *Кёппен, Карл Фридрих* (1808—1863) — немецкий радикальный публицист и историк, младогегельянец; посвятил К. Марксу («Своему другу, Карлу Генриху Марксу из Трира») книгу «Фридрих Великий и его противники» (1840 г.).— *16*.

[15] *Руге, Арнольд* (1802—1880) — немецкий публицист, младогегельянец, буржуазный радикал; совместно с Марксом издавал «Немецко-французский ежегодник»; вскоре разошелся с ним; впоследствии сторонник Бисмарка.— *17*.

[16] *Эйххорн, Иоганн Альбрехт Фридрих* (1779—1856) — прусский реакционный государственный деятель, министр по делам культа, просвещения и медицины. Под его давлением младогегельянец Б. Бауэр вынужден был оставить Боннский университет; предлогом к этому послужила опубликованная в 1841 г. работа Бауэра «Критика евангельской истории синоптиков».— *18*.

[17] *Кабе, Этьенн* (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор книги «Путешествие в Икарию» (1839); пытался осуществить свою утопию в Америке, основав там колонию «Наувоо» (1847 г.).— *18*.

[18] *Блан, Луи* (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист и историк, член республиканского временного правительства в 1848 г.; стоял на позициях соглашательства с буржуазией; в августе 1848 г. эмигрировал в Англию.— *18*.

[19] *Прудон, Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из основоположников анархизма. Оценка Прудона дана Марксом в «Нищете философии», а также в письмах к Анненкову от 28 декабря 1846 г. и Швейцеру от 24 января 1865 г.— *18*.

[20] Понятия *политической* и *человеческой* эмансипации Маркс анализирует в статьях, помещенных в «Немецко-французском ежегоднике» (см. третью главу настоящего издания). Понимая под «политическим государством» буржуазное государство, Маркс под «политической эмансипацией» понимает буржуазную революцию, в результате которой будет уничтожено средневековое христианское государство; «человеческая эмансипация» (а только она, по мнению Маркса, принесет действительное освобождение людям)

явится уже результатом революционного преобразования буржуазного общества и уничтожения частной собственности.— *19.*

[21] *«Свободные»* — так называли себя члены кружка, сложившегося в середине 1842 г. в Берлине из младогегельянских литераторов. Ядро кружка составляли братья Бауэры, Э. Мейен, Л. Буль, М. Штирнер и др. Некоторые из них сотрудничали в «Рейнской газете». Энгельс одно время был близок к «свободным», хотя и видел их слабые стороны. Позднее Маркс и Энгельс подвергли «свободных» резкой критике за их фразерство и поверхностное отношение к политическим и теоретическим проблемам.— *21.*

[22] Участники чартизма — первого широкого, действительно массового, политически оформленного, пролетарски-революционного движения в Англии. Чартистское движение началось в 30-х годах XIX в. В 1838 г. все требования рабочих были оформлены в виде законопроекта, получившего название «Народная хартия» («Чартер»), откуда и произошло название движения. Быстро распространившееся по всей Англии, движение чартистов оказало большое влияние на рабочее и демократическое движение в Европе и Америке. Маркс и Энгельс поддерживали тесные связи с деятелями левого крыла чартизма.— *21.*

[23] *Союз справедливых* — тайная революционная организация рабочих — приверженцев идей утопического социализма; возникла в Париже в 1836 г. в результате раскола существовавшей там с 1834 г. немецкой революционно-демократической организации — Союза отверженных; окончательно оформилась в 1837 г. Руководителями союза были К. Шаппер, И. Молль, Г. Бауэр и др. На основе Союза справедливых в июне 1847 г. при активном участии К. Маркса и Ф. Энгельса образовался Союз коммунистов (см. пятую главу настоящего издания).— *21.*

[24] *«Немецко-французский ежегодник»* («Deutsch-Französische Jahrbücher») — журнал, издававшийся в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 г. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге (см. третью главу настоящего издания).— *22.*

[25] *Карлейль, Томас* (1795—1881) — английский писатель и философ-идеалист, проповедовавший культ героев; критиковал английскую буржуазию с позиций реакционной аристократии. Разбор книги Карлейля «Прошлое и настоящее» Энгельс опубликовал в «Немецко-французском ежегоднике» в 1844 г.— *22.*

[26] *«Вперед!»* («Vorwärts!») — газета немецких эмигрантов; выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. Ее основателем был мелкобуржуазный демократ Г. Бернштейн (1805—1892), а редактором (с лета 1844 г.) — немецкий радикальный публицист Фердинанд Бернайс (1815—1879). Под влиянием Маркса, участвовавшего (с середины 1844 г.) в редактировании газеты, она стала принимать коммунистический характер.— *23.*

[27] *Гервег, Георг* (1817—1875) — немецкий революционный поэт, мелкобуржуазный демократ, автор лирического сборника «Стихи живого человека» (1841 г.), направленного против монархии и дворянства. В 1842 г. сблизился с Марксом и сотрудничал в «Рейнской газете». В том же году обратился к прусскому королю с письмом (совсем в духе немецких либералов), в котором протестовал против беззакония прусских властей, запретивших ввоз предполагавшегося к изданию в Цюрихе журнала «Немецкий вестник» (под редакцией Гервега). Лейпцигская «Всеобщая газета», опубликовавшая это письмо, была закрыта (этот факт Меринг отмечает в начале второй главы настоящей работы), а сам поэт выслан из Пруссии. В период революции 1848 г. занял по существу анархистскую позицию.— *24.*

[28] *Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — русский анархист, участник дрезденского восстания 1849 г. Вступив в 1864 г. в I Интернационал, вел ожесточенную борьбу с Марксом. На Гаагском конгрессе (1872 г.) был исключен из Интернационала.— *24.*

[29] *Гесс, Мозес* (1812—1875) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей так называемого «истинного социализма», получившего в 40-х годах XIX в. распространение в среде «образованных» людей Германии. Отрицая классовую борьбу, проповедуя освобождение человечества посредством «любви», идеологи «истинного социализма» (Гесс, К. Грюн, Г. Криге и др.) впали в «самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню» (Энгельс).— *24.*

[30] *Гизо, Франсуа Пьер* (1787—1874) — видный французский буржуазный историк и политический деятель реакционного направления, министр иностранных дел (1840—1847 гг.) и премьер-министр (1847—1848 гг.).— *27.*

[31] *Валесроде, Людвиг Рейнгольд* (псевдоним *Эмиль Вагнер*) (1810—1889) — немецкий демократ, публицист и критик.— *29.*

[32] Крупный капиталист Давид Ганземан (1790—1864) и банкир Людольф Кампгаузен (1803—1890) являлись лидерами рейнской либеральной буржуазии. Занимая высокие посты в 1848 г. (первый был министром финансов и затем главой прусского правительства; второй — министром-президентом Пруссии), проводили предательскую политику соглашения с юнкерской реакцией.— *29.*

[33] *Таможенный союз* — союз германских государств, образовавшийся в 1834 г. в результате установления ими общей таможенной границы. Главенствующую роль в нем играла Пруссия. Союз охватывал почти все германские государства с населением около 24 млн. человек и в дальнейшем способствовал политическому объединению Германии.— *29.*

[34] *«Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»* («Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst») — литературно-философский журнал младогегельянцев, выходил в Лейп-

циге с июня 1841 г. по январь 1843 г.; с 1838 г. по 1841 г. издавался под названием «Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства» в Галле.— *29.*

[35] *Шён, Генрих Теодор* (1773—1856) — прусский государственный деятель; участвовал в проведении половинчатых буржуазных реформ, имевших целью укрепление прусского государства.— *29.*

[36] Немецкий публицист Карл Науверк (1810—1891) входил в берлинский младогегельянский кружок «свободных»; теоретик мелкобуржуазного анархизма Макс Штирнер (литературный псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856) также принадлежал к «свободным». Книгу последнего «Единственный и его собственность» (1845 г.) Маркс и Энгельс подвергли критике в «Немецкой идеологии».— *30.*

[37] *Бюргерс, Генрих* (1820—1878) — немецкий радикальный публицист, член Союза коммунистов (1847—1852 гг.), впоследствии либерал.— *30.*

[38] *Юнг, Георг* (1814—1886) — немецкий публицист и младогегельянец; был одним из основателей «Рейнской газеты»; в 1848 г. демократ, впоследствии национал-либерал.— *30.*

[39] *Пютман, Герман* (1811—1894) — радикальный поэт из Эльберфельда; в середине 40-х годов «истинный социалист», издатель ряда журналов этого направления.— *30.*

[40] *Пруц, Роберт Эдуард* (1816—1872) — немецкий политический лирик 40-х годов, позже историк литературы, буржуазный либерал; был связан с младогегельянцами.— *30.*

[41] В «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики») Маркс поместил свою первую публицистическую статью («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1842)), с которой он начал свою политическую деятельность как революционный демократ. В двухтомный сборник «Anekdota», изданный Руге в Швейцарии в 1843 г., кроме двух статей Маркса входили также статьи Б. Бауэра, Л. Фейербаха, Ф. Кёппена, А. Руге и др.— *31.*

[42] *Вейтлинг, Вильгельм* (1808—1871) — немецкий революционер, один из теоретиков утопического «уравнительного коммунизма», автор книги «Гарантии гармонии и свободы» (1842 г.), которую Маркс назвал «блестящим дебютом германских рабочих»; издавал в Швейцарии ежемесячный журнал «Молодое поколение».— *41.*

[43] Немецкий публицист А. Беккер (1814—1871) в 40-х годах XIX в. был одним из руководителей вейтлингианцев в Швейцарии; Себастьян Зейлер — немецкий публицист, состоял членом Союза коммунистов и участвовал в революции 1848 г. в Германии.— *41.*

[44] *Велькер, Карл Теодор* (1790—1869) — немецкий юрист и либеральный публицист; выступал с требованием свободы печати; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания.— *41.*

[45] *Естественное право* — понятие о праве, возникшем якобы из разума и природы человека, независимо от государства. Идея естественного права была использована идеологами буржуазии (Гроций, Гельвеций и др.) в борьбе против идеологических и юридических основ феодального строя.— *41.*

[46] Утопический социалист Виктор Консидеран (1808—1893) был учеником и последователем Фурье; социалист-утопист Пьер Леру (1797—1871) сначала придерживался взглядов Сен-Симона, позднее представитель христианского социализма.— *41.*

[47] *Ламенне, Фелисите* (1782—1854) — французский аббат, один из идеологов христианского социализма.— *49.*

[48] *Ламартин, Альфонс* (1790—1869) — французский поэт, историк и политический деятель либерального направления, один из лидеров умеренных буржуазных республиканцев.— *49.*

[49] *«Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел»* (1751—1781 гг.) — крупнейший памятник французской просветительной философии XVIII в. Во главе «Энциклопедии» стоял философ-материалист Дидро, его помощником был философ и математик д'Аламбер, к участию были привлечены Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Руссо, Кондильяк, естествоиспытатель Бюффон, экономисты Кенэ, Тюрго и др. «Энциклопедия» явилась мощным идейным оружием, которое расшатывало феодальные порядки во Франции и подготовляло французскую буржуазную революцию конца XVIII в.— *49.*

[50] Здесь Луи Блан намекает на то, что Руссо в четвертой части своего педагогического сочинения «Эмиль» (1762 г.) (в «Исповеди савойского викария») хотя и выступает против официальной религии, тем не менее отстаивает необходимость так называемой естественной религии, веры в бога, основанной на чувстве.— *49.*

[51] *Лист, Фридрих* (1789—1846) — немецкий вульгарный буржуазный экономист; проповедовал крайний протекционизм.— *51.*

[52] *Эвербек, Август Герман* (1816—1860) — немецкий социалист, врач и писатель, один из руководителей Союза справедливых; позднее сотрудничал в редактировавшейся Марксом «Новой Рейнской газете».— *51.*

[53] *Дезами, Теодор* (1803—1850) — французский публицист, видный представитель революционного направления утопического коммунизма.— *54.*

[54] Имеется в виду прусский король Фридрих II (1712—1786), в дворянско-буржуазной историографии получивший наименование Великого.— *63.*

55 *Меркантилизм* — экономическая политика ряда европейских государств, имеющая целью ускорить накопление капиталов в стране, а также направление в политической экономии в XV—XVIII вв. (У. Стаффорд, Т. Мен и др.). Источник богатства меркантилисты искали не в процессе производства, а в процессе обращения, отождествляя богатство с деньгами.— *71.*

56 *Мальтус, Томас Роберт* (1766—1834) — английский священник и реакционный буржуазный экономист, основоположник человеконенавистнической теории народонаселения (мальтузианство).— *77.*

57 *«Всеобщая литературная газета»* («Allgemeine Literatur-Zeitung») — немецкий ежемесячник буржуазно-демократического направления, издавался Б. Бауэром, его братьями Эдгаром и Эгбертом и другими младогегельянскими публицистами (Фаухер, Юнгниц, Шелига (псевдоним Цыхлинского) и др.) с декабря 1843 г. по октябрь 1844 г.; выступал с критикой Маркса и Энгельса.— *90.*

58 *Дизраэли, Бенджамин* (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель, позднее лидер консервативной партии, премьер-министр (1868 и 1877—1880).— *111.*

59 *Ланге, Фридрих Альберт* (1828—1875) — немецкий философ-неокантианец, буржуазный демократ, автор книг «Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем» и «История материализма». (Оценку философских и социологических взглядов Ланге см. в книге *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные письма, стр. 171—174, 239, а также в *Соч. В. И. Ленина:* т. 1, изд. 4, стр. 432—436; т. 14, стр. 189, 198, 313 и др.).— *115.*

60 *Историческая школа в политической экономии* — направление вульгарной буржуазной политической экономии, отрицающее существование объективных экономических законов и подменяющее научное исследование описанием разрозненных исторических фактов; возникла в Германии в 40-х годах XIX в.; главные представители — В. Рошер (1817—1894); Б. Хильдебранд (1812—1878), К. Книс (1821—1898).— *116.*

61 Английский экономист и социалист-утопист Джон Грей (1798—1850) критиковал капитализм с мелкобуржуазных позиций, защищая частную собственность, основанную на личном труде.— *124.*

62 *Родбертус-Ягецов, Карл Иоганн* (1805—1875) — немецкий экономист, идеолог обуржуазившегося прусского юнкерства; проповедуя «государственный социализм», резко выступал против Маркса.— *124.*

63 *Брей, Джон Фрэнсис* (1809—1895) — английский экономист и социалист-утопист, последователь Оуэна; у него многое заимствовал Прудон (особенно относительно так называемого «справедливого обмена»).— *129.*

[64] *Джордж Джулиан Гарни* (1817—1897) был одним из вождей левого крыла чартизма и редактором чартистской газеты «Северная звезда»; *Фердинанд Флокон* (1800—1866) — французский публицист и политический деятель, мелкобуржуазный демократ; до февральской революции 1848 г. главный редактор газеты «Реформа».— *144.*

[65] *Вейдемейер, Иосиф* (1818—1866) — видный деятель немецкого и американского рабочего движения, член Союза коммунистов и участник революции 1848 г. в Германии; положил начало пропаганде марксизма в США; друг Маркса и Энгельса.— *144.*

[66] *Вольф, Вильгельм* (1809—1864) — немецкий пролетарский революционер, видный деятель Союза коммунистов, друг Маркса и Энгельса.— *144.*

[67] *Люнинг, Отто* (1818—1868) — немецкий публицист, в середине 40-х годов представитель «истинного социализма».— *146.*

[68] *«Немецкая брюссельская газета»* («Deutsche-Brüsseler-Zeitung») выходила с января 1847 г. по февраль 1848 г.; одним из издателей ее был Адальберт Борнштедт (1808—1851) — немецкий публицист, тайный агент прусского правительства. Маркс и Энгельс не знали этого. Став постоянными сотрудниками газеты, они превратили ее в орган формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов.— *148.*

[69] Фердинанд Вольф и Эрнст Дронке (1822—1891) были немецкими публицистами, членами Союза коммунистов.— *148.*

[70] *Борн, Стефан* (1824—1898) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., во время которой выступал как один из ранних представителей реформизма в рабочем движении Германии.— *148.*

[71] *Гейнцен, Карл* (1809—1880) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ; выступал против Маркса и Энгельса.— *153.*

[72] *Фритредерство* (от англ. free trade — свободная торговля) — направление экономической политики промышленной буржуазии, требующее свободы торговли и невмешательства государства в частнохозяйственную деятельность. В 1846 г. английские фритредеры добились отмены хлебных законов, устанавливавших высокие пошлины на импорт пшеницы, ячменя и других продуктов земледелия.— *163.*

[73] *Герцка, Теодор* (1845—1924) — австрийский экономист и автор утопических романов; главное произведение — утопический роман «Страна свободы» (1890).— *189.*

[74] *Штибер, Вильгельм* (1818—1882) — прусский полицейский чиновник, один из организаторов кёльнского процесса коммунистов (1852) (см. прим. 77).— *192.*

[75] *Бабеф, Гракх* (1760—1797) — французский революционер и выдающийся представитель утопического уравнительного коммунизма. Эйзенгардт пытается стереть качественную разницу между коммунизмом Бабефа и коммунизмом, принципы которого изложены в «Манифесте Коммунистической партии».— *192.*

[76] В районе Кёниггреца в австро-прусскую войну 1866 г. потерпела поражение австрийская армия. У Седана в 1870 г. во время франко-прусской войны была разгромлена французская армия.— *194.*

[77] В 1852 г. прусское правительство устроило процесс над 11 членами Союза коммунистов, обвиненными в «государственной измене» и «заговоре» против прусского государства. В работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1853 г.) К. Маркс не только документально доказал необоснованность обвинений, но и вскрыл полицейские махинации и подлоги, при помощи которых создавалось обвинение.— *195.*

[78] *Пальмерстон, Генри Джон* (1784—1865) — английский реакционный политический деятель; с 1830 г. один из лидеров вигов; премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865).— *196.*

[79] Имеется в виду неоконченное «Введение», предназначавшееся Марксом для большого экономического произведения, в котором он предполагал исследовать всю совокупность проблем капиталистического способа производства и вместе с тем подвергнуть критике буржуазную политическую экономию (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 12, стр. 709—738).— *197.*

[80] *Беккер, Иоганн Филипп* (1809—1886) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., организатор немецких секций I Интернационала; друг Маркса и Энгельса.— *222.*

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАНЦ МЕРИНГ

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС —
СОЗДАТЕЛИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

ВЫПУСК 63

Редактор *А. П. Поляков*

Оформление художника *И. К. Байтодорова*

Технический редактор *Е. М. Сербин*

Корректоры: *З. П. Баранова* и
Н. Н. Рощупкина

Сдано в набор 6 октября 1960 г.
Подписано к печати 30 декабря 1960 г.
Формат 84 X 108 1/32. Физ. печ. л. 7 3/8.
Условн. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 12,64.
Тираж 60 тыс. экз. Заказ № 2054.
Цена 3 р. С 1. I 1961 г. цена 30 коп.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства
культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

3 руб.
с 1/I 1961 г.
цена 30 коп.